

Том 8, № 3
2011

Учредитель

Национальный
исследовательский университет
Высшая школа экономики

Главный редактор

В.А. Петровский

Редакционная коллегия

К.А. Абульханова-Славская
Н.А. Алмаев
Т.Ю. Базаров
В.А. Барабанщиков
А.К. Бологова
А.Н. Гусев
А.Н. Ждан
А.Л. Журавлев
А.В. Карпов
Е.А. Климов
А.Н. Лебедев
Д.А. Леонтьев
Д.В. Люсин
А. Лэнгле
Н.Б. Михайлова
В.Ф. Петренко
А.Н. Подьяков
В.А. Пономаренко
В.М. Розин
И.Н. Семенов
Е.А. Сергиенко
Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.)
Т.Н. Ушакова
А.М. Черноризов
В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.)
Б. Шефер (зам. глав. ред.)
А.Г. Шмелев
С.Р. Яголковский (зам. глав. ред.)

Отв. секретарь *Ю.В. Брисева*
Редактор *О.В. Шапошникова*
Корректурa *Н.С. Самбу*
Переводы на английский
Е.Н. Осина
Компьютерная верстка
Е.А. Валуевой

Адрес издателя и распространителя:
249038, г. Обнинск, ул. Комарова, 6.
Тел. (48439) 7-41-26
E-mail: ig_socin@mail.ru

Перепечатка материалов только
по согласованию с редакцией

© НИУ ВШЭ, 2011 г.

ПСИХОЛОГИЯ
Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

В.А. Петровский. К читателям	3
Теоретико-эмпирические исследования	
Е.А. Рыльская. К вопросу о психологической жизнеспособности человека: концептуальная модель и эмпирический опыт	9
Специальная тема выпуска: Юбилей В.П. Зинченко	
Л.Л. Любимов. Продолжатель дел великой плеяды	39
Поздравление кафедры общей и экспериментальной психологии	42
Поздравление кафедры организационной психологии	44
Поздравление кафедры психофизиологии	45
И.Н. Семенов. Экзистенциально-рефлексивная персонология жизнотворчества и профессиональной деятельности В.П. Зинченко ..	49
В.А. Петровский. Психология в пространстве—времени Зинченко (опыт персонологического прочтения)	75
Б.Г. Мещеряков. Таинственный избыток индивидуальности	92
В.М. Мунипов. От инженерной психологии к эргономике	96
Ю.К. Стрелков. Ученый, учитель, организатор ..	100
Короткие сообщения	
А.Я. Койфман. Решение задачи категоризации при разных формах категориального праймнга	102
Н.Е. Лысенко, Д.М. Давыдов. Роль психотизма в оценке содержания текстов с агрессивной тематикой	111
Е.С. Осокина, Б.В. Чернышев, Е.Г. Чернышева. Связь селективного слухового внимания с индивидуальными особенностями	121
С.А. Щebetенко, П.И. Семенова. Суточный локус как предиктор дневного оптимума/спада в работе медицинского персонала	130
Обзоры и рецензии	
Е.И. Комкова. Современные исследования когнитивно-личностного развития на разных этапах онтогенеза	139
Научная жизнь	
А.А. Волочков. XXVI Мерлинские чтения: Психологические инновации в образовании	147
Резюме выпуска на европейских языках	151

Vol. 8, № 3
2011

Publisher

National Research University
Higher School of Economics

Editor

V.A. Petrovsky

Editorial Board

K.A. Abulkhanova-Slavskaja

N.A. Almaev

T.Yu. Bazarov

V.A. Barabanshikov

A.K. Bolotova

A.N. Goussev

A.M. Chernorisov

A.V. Karpov

E.A. Klimov

A. Längle

A.N. Lebedev

D.A. Leontjev

D.V. Lyusin

N.B. Michailova

V.F. Petrenko

A.N. Poddiakov

V.A. Ponomarenko

V.M. Rozin

I.N. Semenov

E.A. Sergienko

V.D. Shadrikov (Vice Editor)

B. Schäfer (Vice Editor)

A.G. Shmelev

D.V. Ushakov (Vice Editor)

T.N. Ushakova

S.R. Yagolkovsky (Vice Editor)

A.N. Zhdan

A.L. Zhuravlev

Managing editor *Yu.V. Briseva*

Copy editing *O.V. Shaposhnikova,*

N.S. Sambu

Translation into English

E.N. Osin

Page settings *E.A. Valueva*

Publisher and distributor's address:
ul. Komarova, 6, 249038, Obninsk,
Russia.

Tel. (48439) 7-41-26

E-mail: ig_socin@mail.ru

No part of this publication may be
reproduced without the prior
permission of the copyright owner

© NRU HSE, 2011

PSYCHOLOGY

the Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

V.A. Petrovsky. Editorial3

Theoretical and Empirical Research

E.A. Ryl'skaya. On the Issue of Human Psychological
Vitality: a Conceptual Model and Empirical
Results9

Special Theme of the Issue.

Anniversary of Vladimir P. Zinchenko

L.L. Lyubimov. Successor of The Great Pleiad39

Anniversary Greetings from the General and
Experimental Psychology Department42

Anniversary Greetings from the Organisational
Psychology Department44

Anniversary Greetings from the Psychophysiology
Department45

I.N. Semyonov. Existential-Reflexive Personology
of Life Enactment and Professional Activity
of V.P. Zinchenko49

V.A. Petrovsky. Psychology in the Zinchenko
Space—Time (an Essay in Personological
Interpretation)75

B.G. Mescheryakov. A Mysterious Abundance
of Individuality92

V.M. Munipov. From Human Engineering
to Ergonomics96

Yu.K. Strelkov. Scientist, Teacher, Organiser100

Work in Progress

A.Ya. Koifman. Solution of the Categorisation Task
under Different Categorical Priming Conditions ...102

N.E. Lysenko, D.M. Davydov. The Role
of Psychoticism in Aggressive-Theme Text Evaluation ..111

E.S. Osokina, B.V. Chernyshev, E.G. Chernysheva.
Association of Selective Auditory Attention
with Individual Differences121

S.A. Shchebetenko, P.I. Semyonova. Diurnal
Locus as a Predictor of Daytime Optimum and
Decline in Medical Staff Performance130

Reviews

E.I. Komkova. Contemporary Studies of Cognitive
and Personality Development at Different Stages
of Ontogenesis139

Scientific Life

A.A. Volochkov. 26th V.S. Merlin Conference:
Psychological innovations in education147

Summary of the Issue151

К ЧИТАТЕЛЯМ

В.А. ПЕТРОВСКИЙ

Петровский Вадим Артурович – ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор факультета психологии НИУ ВШЭ, член-корреспондент РАО, профессор, доктор психологических наук. Главный редактор журнала «Психология. Журнал Высшей школы экономики». Сфера научных интересов – теория и методология психологии, общая персонология, транзактный анализ. Автор мультисубъектной теории личности, моделей воспитания дошкольников, вхождения личности в стабильную социальную общность, импульсной модели экзистенциального выбора, а также ряда исследовательских и практических методов и методик.

Автор более 160 работ, среди которых монографии: «Психология неадаптивной активности» (1992), «Личность: феномен субъектности» (1993), «Одаренные дети: экология творчества» (1993, в соавт.), «Психология воспитания» (1995, отв. ред. и автор), «Личность в психологии: парадигма субъектности» (1996), «Основы практической консультативной психологии» (2008, отв. ред. и автор), «Человек над ситуацией» (2010) и др.

Контакты: petrowskiy@mail.ru

Журнал Высшей школы экономики... На фоне других психологических журналов в чем его своеобразие?

Вопрос не праздный!

Непосвященные спрашивают:

«У вас там, в ВШЭ, что, есть психология?!»

«Еще как есть! — отвечаем с гордостью. — Есть целый факультет психологии! Вот, и журнал об этом...»

Собеседник понимающе кивает... Психология для экономики — важная вещь, да и для политики, «концентрированного выражения экономики», — вещь важная. А уж поскольку политика в нашем обществе — «всему голова», то ясно: без психоло-

гии и общество получилось бы безголовое...

Можно и так. Хотя звучит, согласимся, столь же пафосно, сколь и наивно. Конечно, какой-то прямой связи между фундаментальными разработками в психологии и нуждами общества нет. Утопично ожидать от науки прямого ответа на запросы современности, налегая на тезис: «Наука должна быть практичной». «Музыку (науки) заказывает свободная мотивация: она есть лучший путь к успеху даже в тех звеньях науки, которые близки производственно-практическим делам, тем более, когда речь идет о сугубо теоретических задачах»¹ (Сухотин, 1991, с. 17).

¹ Приведем из этой же книги поразительный факт, иллюстрирующий, на наш взгляд, недалекость руководителей разного ранга, поглядывающих в сторону науки чуть ли не с мичуринской

Затронем в этой связи логический парадокс (назовем его «парадоксом границы»): является ли *связь* науки и общества (научных разработок и общественных нужд) *частью науки* или эта связь существует *по ту сторону* собственных исследовательских интересов науки? Если связь науки и общества – внутреннее дело науки, то зачем здесь союз «и»? Если же связь науки и общества является *частью* общественной жизни как таковой, существуя *по ту сторону* науки, то где гарантия, что наука не окажется в стороне от общества (не растеряет себя, не потеряет своей «научности»)?

Одно из возможных решений этой дилеммы – в том, чтобы взглянуть на психологию в ее *движении*, увидеть тенденции саморазвития психологии как науки. Психология – становящееся целое. Она *полагает себя* в социокультурно-природной среде и, подобно субъекту, выходит за границы себя, опираясь на объект своих собственных исканий (постепенно усваивая его себе и тем самым трансцендируя пределы наличного). *Психология – саморазвивающаяся наука в универсуме жизни*. При таком понимании психология включает «приграничную полосу» своей среды бытования.

Что следует из сказанного применительно к задачам нашего журнала? Согласно плану, «Психология» Высшей школы экономики находит в

университетской среде ту самую часть универсума, в которой чувствует себя вполне «у себя», находя в ней и источники роста, и условия востребованности.

Таков замысел. Каковы средства его осуществления? Удастся ли нам построить работу журнала так, чтобы Психея, сосредоточенная чаще всего *на себе* (что означает: «психология в зеркале психологии»), обратилась также и к другим лицам социокультурно-природного действия, отразившись в зеркале экономики, социологии, политологии, философии, биологии, математики, устремленным к своим собственным целям?

Думается, это возможно. Назову несколько посылок к тому.

Психология, возлюби себя, как ближнего своего! Прежде чем трансцендировать, помогая другим (людям, наукам, «судьбам Вселенной»), сосредоточимся на себе. Научная линия журнала должна строго выдерживаться.

Будет по-прежнему идти работа над *категориальным строем психологии*, что представляет собой форму саморефлексии психологии (а она, в свою очередь, необходимый момент полагания психологией себя как нередуцируемой к другим научной системы).

Кроме того, в журнале уже сложилась традиция следовать принципам науки *per se*, культивируя стиль науч-

кротостью, на манер: «Мы не можем ждать милостей от науки, взять их у нее – наша задача»: «Научоведы Иллинойского университета (США) провели обследование ряда научных новшеств, имеющих явную научную ценность. И что же? Они увидели, что 63.5 процента новинки принесли ученые, которыми руководило просто любопытство. Так называемый ориентированный поиск (когда намечены подсказывающие результат вехи) дал 28.8 процента, и всего-то 7.7 процента пришлось на долю нацеленных, выполняющих специальную задачу, разработок» (Сухотин, 1991, с. 17).

ности публикаций; так было всегда — с момента его создания и вплоть до настоящего времени (особая благодарность — Т.Н. Ушаковой и ее коллегам, сформировавшим и развившим эту традицию). Мы знаем: «Психология» — журнал ВАКовский, соблюдение общепризнанных пунктов актуальности, научной новизны, достоверности и практической значимости для публикуемых статей подразумевается. Возможно, мы *расширим круг экспертов-психологов*, рецензирующих статьи; не станем также считать зазорным, последовав в этом примере западных коллег, редактирующих журналы, побуждать авторов доводить принятые статьи до нужной кондиции методом последовательного приближения к совершенству (помня, разумеется, о том, что «доводить» статьи и «доводить» авторов редакционными придирками — отнюдь не одно и то же).

Своего рода контрапунктом сказанному может прозвучать наше предложение создать в журнале в дополнение к имеющимся особую рубрику **«Новостная лента идей, аргументов и фактов»**. Это только что прозвучавшее «Эврика!», неожиданные (порой для самого их автора!) пассажи на защитах кандидатских и докторских, смелые гипотезы, только что выявленные («горячие») факты. Очевидно, что, публикуя такие материалы и защищая тем самым *авторские права* генераторов идей и добытчиков фактов, мы не вступаем в противоречие с только что высказанной установкой следовать принципу научности публикаций: ведь

речь здесь идет о том, что авторы с пониманием дела, «в здравом уме и твердой памяти» рискуют публично высказывать то, что еще не проверено никем эмпирически, они заранее «подставляют себя» под шквал возможной критики, испытывая на себя ригоризм принципа фальсифицируемости Карла Поппера (как определяющего критерия научности). При этом стимулируется движение научной мысли внутри сообщества профессионалов. Косвенно — это приглашение специалистов к совместному думанью, сотрудничеству, иногда подсказки и наводки, которые будут встречены с благодарностью (только что один из наиболее почитаемых мною старших коллег «навел» меня на неизвестные ранее работы П. Флоренского о «Гамлете» и замечательный психологический словарь, о существовании которого я прежде не догадывался...).

Персонологический поворот.

Выходя за пределы себя и осваивая «приграничную полосу» бытования, психология обнаруживает новую ипостась своего бытия — это «общая персонология» (Петровский, 2003), плоть от плоти проекта «общей науки» Л.С. Выготского. Ни для кого не секрет, что современная психология в мире — это, прежде всего, две психологии: фундаментальная и практическая. Они исходят из разных ценностей, придерживаются неодинаковых критериев истинности своих результатов, говорят на разных языках (часто не могут договориться), публикуют свои достижения в разных журналах...² Полагаем,

² Не будем преувеличивать противостояние. Даже «чистые теоретики», говоря о себе как психологах, редко все-таки отказывают ближнему в помощи; они ощущают свою «корпоративную»

что пространство нашего журнала — место будущих встреч фундаментальной и практической психологии. Вопрос в том, как не разминуться этим двум психологиям? Назову еще две, в контексте которых возможна встреча, — культурно-историческая психология (в проекте Л.С. Выготского и шире) и психология жизни (постижение индивидуальности, траекторий жизни реальных людей, способов самопознания и самополагания человека). Встречаясь друг с другом, «четыре психологии» образуют единое целое — «общую персонологию», науку личности. Именно эта наука выращивается сейчас в стенах Высшей школы экономики (и больше нигде!). Журнал станет первым в мире печатным органом, реализующим и стимулирующим становление этого нового направления.

В этой связи в нашем журнале планируется ввести новую рубрику — **«Общая персонология»**. В этой рубрике будут статьи по темам: 1) теоретическая персонология; 2) консультативная персонология³; 3) персонология культуры; 4) персонология жизни (или, по Е.Б. Старовойтенко, «парадигма жизни» в персонологии). Перечислим основные направления публикаций в этой рубрике.

— *Оценка персонологической значимости публикуемых материалов*⁴. Эксперты — не только психологи, но также экономисты, культурологи, политологи, философы, социологи, математики, историки; в ряду экспертов надеемся видеть, прежде всего, представителей НИУ ВШЭ (что, как нам кажется, будет стимулировать процессы межфакультетской интеграции специалистов универси-

принадлежность, различая между собой как представителями своей профессии и «психотерапевтом из дома напротив» (если воспользоваться памятными мне словами поэта, врача-психиатра, А.Б. Добровича). Редко кто из коллег следует принципу, распространенному среди физиков времен Резерфорда, горделиво отстаивавших интересы «чистой науки» (молодые сотрудники Кембриджа, по словам физика и писателя Ч. Сноу, «больше всего гордились тем, что научная деятельность ни при каких обстоятельствах не может иметь практического смысла»; «чем громче это удавалось провозгласить, тем величественнее мы держались» (цит. по: Сухотин, 1991, с. 24)).

³ Факультет психологии НИУ ВШЭ — инициатор образования новой научной специальности ВАКа «Консультативная психология», внутри нее — особого направления «консультативная персонология». Предмет консультативной персонологии — механизмы и эффекты взаимодействия в системе «консультант—консультируемые» в аспекте их личной состоятельности (удовлетворенности жизнью, благополучия, самоэффективности, возможностей личного и профессионального роста, отраженности в других людях и т.д.). Речь не только о последствиях встреч с консультантом на стороне консультируемого, но и о том, как в результате многолетней работы меняется сам консультант и его ближайшее окружение (семья, коллеги).

⁴ Это значит — характеристика нетривиальности идей и фактов, информационной и экзистенциальной (а не только статистической!) значимости освещаемых результатов исследований. В рамках традиционной психологии эти «параметры» научных разработок не оцениваются. Но в составе персонологии появляются критерии и эмпирические процедуры, позволяющие осуществить подобную оценку (Петровский, 1997; Митина, Петровский, 2011).

тета на почве психологии как науки).

– *Освещение новых методов, а также ближайших и отдаленных результатов психологического консультирования* (заметим, что оценка того, «как работает» психопрактика, не исчерпывается классическим «метаанализом», хотя и включает его в себя).

– *Консилиумы мастеров психотерапии и консультирования. Планируется также выпускать видеоприложения* (записи работ мастеров терапии и консультирования; лекции звезд психологии; супервизии мастеров).

– *Освещение совместных семинаров, центрированных на проблеме личности с культурологами, филологами, писателями, режиссерами, кинокритиками и другими деятелями литературы и искусства.*

– *Психологическая афористика, энкоды, «однопсихия», психологический анекдот, комические рисунки и т.п.* Юмор на страницах журнала — не только способ повеселить читателя, расслабить, «подстимулировать», но, как правило, и свидетельство серьезности феномена, обыгрываемого в смеховой форме⁵.

– *Материалы «персонологического интервью»* (не похожего на обычное, журналистское). Объектом глубинного интервью (в каком бы методологическом «дизайне» оно ни было выполнено — феноменологическом, трансактно-аналитическом или каком-либо еще) будут люди, в том или ином отношении выдающиеся:

известные всем ученые, писатели, режиссеры, бизнесмены, публичные политики, а также «простые люди», делающие себя (по выражению социолога В.А. Ядова и представителей его школы) и при этом — историю.

– *Автобиографические заметки ученых, выдержки из их книг и статей или книг и статей о них* (например: Стиль мышления: Проблема исторического единства научного знания. К 80-летию В.П. Зинченко; Петровский А.В. Психология и время).

Интердисциплинарный подход: «Психология +». Одним из стратегических направлений становится публикация материалов интердисциплинарных исследований. Прорисовываются системные связи психологии с экономикой, философией, математикой, социологией, политологией, историей, культурологией и др.). Факультеты и научные центры НИУ ВШЭ — мощный ресурс для постановки проблем и их решения. В известной классификации наук, разработанной академиком Б.М. Кедровым, психологии отводится центральное положение. Б.М. Кедров построил треугольник наук, вершины которого заняли три основные группы наук: о природе (естествознание), об обществе (общественные науки) и о мышлении (философия); в центре треугольника находится психология, связанная со всеми тремя основными группами наук. Так уж сложилось, что, занимая *логически* центральное место, психология *исторически* находится

⁵ Наш коллега (А.К. Ерофеев) в этой связи как-то заметил в разговоре с автором: «Есть психологический феномен — есть анекдот об этом; нет анекдота — нет и феномена». Существует и «прагматический» смысл в публикации таких материалов — использование элементов смехотерапии в процессе консультирования и психотерапии.

на периферии научных разработок (см., например, темы разработок, поддерживаемые Российским фондом фундаментальных исследований — РФФИ). Журнал, мы надеемся, будет способствовать совмещению логики и психологии в оценке статуса психологии в системе наук.

Планируется новая рубрика журнала — «*Точка сборки*», где будут публиковаться *результаты междисциплинарных исследований*, сфокусированных на научной проблематике психологии.

Здесь же и *живые рецензии* («Отзывы в диалогах», «Отзыв-Отзвук») в диалогах с авторами книг и статей психологов и ученых-«смежников».

Помимо статей, подготовленных, возможно, коллективами авторов, мы собираемся проводить в интересах журнала виртуальные и реальные *междисциплинарные фокус-группы* по наиболее важным на данный момент проблемам науки.

Таким образом, создатели журнала рассчитывают на обретение пси-

хологией **нового статуса** — науки, развивающей себя в универсуме НИУ ВШЭ, или, с учетом *имени* университета (Высшая школа, «ВШШКА») — *возвышающей* себя науки. Вот почему сегодня мы приглашаем к сотрудничеству всех, кто готов вместе с нами подняться над корпоративными или сугубо профессиональными интересами, становясь нашими собеседниками.

Психология всегда была интересна себе. И теперь, конечно, — себе.

Но не только...

Нам кажется глубоко символическим, что номер, в котором освещаются перспективы психологического журнала, посвящен личности и творчеству В.П. Зинченко, его 80-летию. Если уж искать примеры развития психологии в универсуме жизни, то это труды Владимира Петровича, человека, в диалогах с которым Психология находит равного себе Собеседника, человека «живого движения», человека культуры, человека над временем, человека сквозь время.

Литература

Митина О.В., Петровский В.А. Нетривиальность научного факта и психологическая экспертиза психологов как экспертов // Мир психологии. 2001. № 4.

Петровский А.В. Психология и время. СПб.: Питер, 2007.

Петровский В.А. Научное знание сквозь призму обыденного (три ответа на вопрос «ну и что?») // Модели мира / Под ред. Д.А. Поспелова. М.: Российская ассоциация искусственного интеллекта, 1997. С. 43–49.

Петровский В.А. Общая персонология: наука личности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Спец. выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион». Самара, 2003. С. 20–30.

Стиль мышления: Проблема исторического единства научного знания. К 80-летию В.П. Зинченко / Под ред. Т.Г. Щедриной. М.: Росспэн, 2011.

Сухотин А. Превратности научных идей. М.: Молодая гвардия, 1991.

Теоретико-эмпирические исследования

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Е.А. РЫЛЬСКАЯ

Рыльская Елена Александровна — заведующая кафедрой психологии Челябинского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент.

Сфера научных интересов — психология межличностных конфликтов, психология жизнеспособности человека, автор 60 научных публикаций, в том числе трех учебных пособий и двух монографий.

Контакты: elena_rylskaya@mail.ru

Резюме

В статье дается краткое теоретико-эмпирическое обоснование концепции психологической жизнеспособности человека. Показано, что тенденции процесса научного познания феномена жизнеспособности развиваются в направлении от структурно-статических, элементных представлений к пониманию жизнеспособности как особой целостности, интегративного свойства человека, сущностью которого является его духовный потенциал. Дается описание концептуальной модели жизнеспособности человека. Приводятся результаты эмпирической верификации данной модели, включающие исследования обыденных представлений о жизнеспособном человеке, общей и компонентной структуры жизнеспособности и онтологических аспектов ее проявления.

Ключевые слова: *жизнеспособность, духовные способности, трансперспективный анализ, постнеклассическая психология, способности к адаптации, способности к саморегуляции, способности к саморазвитию, осмысленность жизни, синергетика, недизъюнктивная система, нарратив.*

Жизнеспособность как предмет исследования в психологии: постановка проблемы

Современное состояние российского общества характеризуется многочисленными проявлениями системного кризиса, охватывающего все сферы социальной, экономической, культурной и духовной жизни. С другой стороны, на наши внутригосударственные коллизии накладываются драматические процессы, общие для всей цивилизации. Не случайно ЮНЕСКО открыто заявляет о том, что главной ценностью новой культуры должна стать ценность устойчивого стабильного развития человека и общества, а главной целью образования — формирование жизнеспособной личности (Всемирная Декларация о высшем образовании для XXI века, 2010).

Педагогическая наука в меру своих возможностей пытается ответить на этот социальный запрос (Гурьянова, 2004; Ильинский, 1995; Кондратенко, 2010 и др.), ожидая поддержки от психологии, которая пока не оправдывает этих ожиданий.

Попытаемся выделить те трудности, которые возникают при определении жизнеспособности как предмета исследования в психологии. В некоторой степени это не до конца осознанная социальная значимость проблемы. Психология еще не приняла задачу исследования жизнеспособности как глобальную гуманитарную задачу, как непосредственно обращенный к ней социальный заказ по выявлению роли психического в обеспечении жизнеспособности человека. Отдельные психологи лишь скромно замечают, что исследованию

«жизненной способности» как сложного, макросистемного, интегрального качества человека «должно быть отведено особое место» (Абульханова, 2006). Пока отечественные разработки по проблеме жизнеспособности эпизодичны (Ананьев, 1977; Пако, 1960) и в настоящее время весьма «осторожны» (Абульханова, 2006, 2009; Махнач, Лактионова, 2007).

Кроме этого, понятие «жизнеспособность» перекрывается многочисленными родственными понятиями с похожими референтами: чувство связности («the sense of coherence» — Antonovsky, 1979), разрастание («thriving» — O’Leary, 1998), неуязвимость («invulnerableness» — Garmenzy, 1980), жизнестойкость («hardiness» — Maddi, Koshaba, 1994). Тем самым оно влечет за собой шлейф ассоциаций, берущих начало в традиционном ограниченном контексте «совладания», ориентированном на познание жизнеспособности как свойства личности, отвечающего за преодоление ею трудных жизненных ситуаций.

Поскольку феномен жизнеспособности в его системном смысле пока не раскрыт, потому он рассматривается до сих пор в более устоявшемся биовитальном аспекте. Мы оказываемся перед сложнейшим феноменом: мы не понимаем пока, каким образом человек может быть «жив» (жизнеспособен) в анатомо-физиологическом смысле и «мертв» (нежизнеспособен) в психологическом смысле этого слова.

Следовательно, необходим другой контекст исследования жизнеспособности человека — контекст его человеческой сущности. В рамках этого контекста, на наш взгляд,

может быть адекватно решена задача выявления функции, роли, миссии психического в обеспечении жизнеспособности человека — существа, представляющего такой уровень развития живой материи, на который невозможно экстраполировать то, что мы знаем о жизни и жизнеспособности других существ.

Мы полагаем, что такой контекст уже подготовлен всем ходом развития психологической науки. В отечественной психологии (Братусь, 1985; Зинченко, 1997; Знаков, 1998; Кабрин, 2005; Леонтьев, 2005; Макарова, 2006; Ничипоров, 1994; Шадриков, 1996 и др.) предпринимаются попытки заложить основы духовной (ноэтической) психологии как особой формы рационального знания о становлении субъективного духа человека в пределах его целостной индивидуальной жизни. Сущностный контекст исследования жизнеспособности человека обеспечивается рассмотрением этого феномена через призму осознания того, что «духовность как свойство личности является фундаментальным качеством человека» (Шадриков, 1999, с. 75), что она есть «процесс полного, адекватного, правильного и гармоничного развития духовных способностей человека» (Хэтчер, 1994, с. 8). Учение В.Д. Шадрикова о духовных способностях как высшем уровне развития способностей, в которых их природная сущность обогащается культурными ценностями, моральными нормами и личностным смыслом, может служить ценной эвристической основой для исследования жизнеспособности человека.

Можно отметить, что жизнеспособность — понятие «смутное» (Вы-

готский, 1982), поэтому возникает необходимость определения места этой категории в тезаурусе психологической науки. На наш взгляд, такая необходимость существует, поскольку ни одна из родственных категорий не способна адекватно отразить «текущую динамику» человеческой жизни. Однако эта динамика имманентно присутствует в жизнеспособности именно как способности — особом качестве человека, отражающем специфику того, как именно в конкретном человеке жизнь определяет жизнь через сознание (Леонтьев, 1994). Жизнь человека — это процесс непрерывного становления целостности его природно-органических, социально-личностных и духовно-душевных составляющих. Эта целостность — отражение единства человека и мира, способностей и потребностей человека и условий их реализации. Способности являются системным качеством человека, обеспечивающим его самоутверждение в мире посредством реализации всех его возможностей.

Между тем традиционная наука пытается изучать жизнеспособность так, как привыкла рассматривать все психологические феномены: «как статус, а не как процесс, как состояние, а не как становление» (Выготский, 1983, с. 153). Эта методологическая установка существенно затрудняет не только исследование, но и осознание общенаучного и психологического значения проблемы жизнеспособности как «способности к жизни». Поскольку, как считает Э. Фромм, понятие «быть живым» — это понятие не статическое, а динамическое (Фромм, 1992).

Соответственно высвечивается и собственно проблема исследования, которая заключается в том, чтобы выяснить, что представляет собой жизнеспособность с позиции целостного рассмотрения человека в его сущностном аспекте: «Человек — это больше, чем психика. Человек — это дух» (Frankl, 1967, p. 63).

Возможным способом решения проблемы служит, на наш взгляд, построение концептуальной схемы исследования, основанной на принципе «интегральных парадигм, способных связать воедино множество “рассеянных” исследовательских данных и частных моделей, к которым можно отнести ряд глобальных измерений в познании личности, например, духовное» (Старовойтенко, 2010, с. 4). Однако сочетание различных концепций всегда представляет опасность «эклектического анархизма» как «суррогата» «модного» сейчас принципа «методологического плюрализма». Мы полагаем, что попытка синтеза учения о духовных способностях В.Д. Шадрикова и коммуникативного подхода, получившего конкретное выражение в транскоммуникативной теории («теории духовного общения») В.И. Кабрина, является в этом плане относительно «корректным» вариантом.

Сочетаемость отмеченных подходов к исследованию психологической жизнеспособности в ее духовном контексте оправдана однополярными представлениями о сущностных свойствах человека, к числу которых исследователи относят духовность, коммуникабельность (в широком смысле слова) и способность к трансценденции, получившую воплощение в феномене транскомму-

никации (Боуэн, 1992; Слободчиков, Исаев, 1995; Кабрин, 2005).

Возможность рассмотрения жизнеспособности с учетом духовных способностей не противоречит представлениям о транскоммуникации как средстве поддержания жизнеспособности, поскольку, по образному определению В.И. Кабрина, транскоммуникация — это не что иное, как «общение душ» (Кабрин, 2007).

Духовные способности — это способности творчества (Шадриков, 1996), а способность к транскоммуникации лежит в основе готовности к творчеству, включающему взаимопонимание с другим и самим собой, к «транскоммуникабельному» творчеству не для себя или не только для себя, но и для других. Такое творчество и выступает, прежде всего, как смыслотворчество, как духовная сущность жизнеспособности человека, как форма ее реализации.

Духовные способности направлены на соотнесение себя с миром и другими людьми (Макарова, 2006), они обеспечивают понимание человека (Шадриков, 2007), коммуникация же является средством этого соотнесения и понимания. Значимость коммуникативного компонента духовных способностей подтверждается и в концепции интерпретирующей способности (как духовной способности) личности: «Ядро интерпретирующей способности личности представляет коммуникативная компетентность» (Ускова, 2006, с. 246).

Идея транскоммуникации как духовного саморазвивающегося процесса, как средства разрешения противоречия между стремлением человека к самоопределению, самовыражению, расширению собственных

границ и стремлением к сохранению своей собственной целостности, устойчивости может рассматриваться как сквозная, органично сочетающая оба учения. Попытка интеграции вышеуказанных теорий позволяет обозначить новый предмет исследования — психологическую жизнеспособность человека как сплав его природных и духовных способностей, реализуемых посредством транскоммуникации.

Данный подход, предполагающий познание жизнеспособности человека в его системной целостности, не противоречит и антропологической теории Б.Г. Ананьева (как общей методологической основе исследования), в которой коммуникация также придается особое значение. Она рассматривается как глубинная психодинамика человека, основа его личностной структуры, «посредник» осуществления связи и переходов интер- и интраиндивидуальных подструктур (Ананьев, 2001). Положения концепции Б.Г. Ананьева о вертикальном и горизонтальном уровнях регулирования развития человека в онтогенезе, на наш взгляд, отражают идеи саморазвития человека в ходе духовного смыслотворчества, осуществляемого посредством транскоммуникативной сообщаемости его разнопорядковых телесно-душевно-духовных миров.

Развитие научных представлений о жизнеспособности: трансспективный анализ

Попытка оценить тенденции в развитии представлений о жизнеспособности человека сопряжена с определенными трудностями, объясни-

мыми как объемностью проблемы, так и ее слабой разработанностью. В связи с этим осуществление трансспективного анализа (Клочко, 2005) в данном случае будет включать выявление тенденций становления научных направлений в исследовании не только самого концепта «жизнеспособность», но и соответствующих предпосылок его научного познания.

На досистемном (микросистемном) уровне научного мышления, сконцентрированном на познании простых психологических систем, «эмпирические предикторы» жизнеспособности — близкие ей по сущности явления — рассматривались в рамках конкретной теории или модели при пристальном внимании к проблеме детерминизма в поиске причинно-следственных связей.

Наиболее обширными были гомеостатически ориентированные исследования, делающие акцент на обеспечении устойчивости. Система гомеостатического регулирования рассматривалась как жизнеобеспечивающая функция организма в пределах допустимых отклонений (Маклаков, 1996; Слоним, 1976 и др.). Высокая устойчивость к воздействию различных, особенно экстремальных факторов отождествлялась с полной адаптацией, которой соответствует формула «жить в условиях, ранее не совместимых с жизнью» (Ионеску, 2007).

Результаты этих исследований привели к пониманию адаптации как процесса интеграции функциональных систем жизнеобеспечения в ответ на изменение среды, когда формирование системного ответа обеспечивает человеку экологическое равновесие, возможность осуществления

всех видов социальной деятельности и поддержание собственной жизнеспособности. Идея устойчивого равновесия как основы жизнеспособности человека отчетливо просматривается в гомеостатически ориентированных исследованиях адаптации. Эта же идея положена в основу копинга, предназначение которого состоит в том, чтобы как можно лучше адаптировать человека к требованиям ситуации, позволяя ему овладеть ею, ослабить или смягчить эти требования, постараться избежать их или привыкнуть к ним и таким образом погасить стрессовое действие ситуации (Нартова-Бочавер, 1995).

На этом этапе исследования жизнеспособности концентрировались в основном на факторах, влияющих на нее негативно, и очевидно, что исследователи были больше осведомлены о причинах нарушений в личностном развитии, чем о том, что способствует позитивному становлению человека.

Неклассическая исследовательская парадигма и макросистемный уровень научного мышления открыли новые объекты познания — сложные саморегулирующиеся системы. Принцип отражения дополняется принципом саморегуляции, а физиологической основой «неклассического психического отражения» становится гетеростаз. Способность к саморегуляции рассматривается как важнейшая составляющая и центральный механизм реализации личностного потенциала, обеспечивающего преодоление жизненных трудностей (Моросанова, 2006).

Заложенный в идее саморегуляции механизм обратной связи позволил увидеть в психологической жизнеспособности человека результат

взаимодействия личности и среды как особого «адаптационного конфликта» (Посохова, 2001), «баланса факторов защиты и риска» (Dohrenwend et al., 1978), «баланса между требованиями среды и ресурсами, удовлетворяющими этим требованиям» (Lazarus, Folkman, 1992). Именно этот баланс стали рассматривать как условие неустойчивого, подвижного равновесия системы, а устойчивость или жизнеспособность системы была поставлена в зависимость от гетеростатического регулирования.

Проблематика жизнеспособности прослеживается уже не на уровне отдельных элементов, она переориентируется на идеи многомерности в поиске источников жизненной силы: не во внутреннем или внешнем их выражении, а в системном их единстве. Способность к противостоянию трудностям теперь рассматривается как многомерный конструкт (системное интегральное свойство, детерминированное комплексом личностных характеристик (Махнач, Лактионова, 2007; Garmenzy, 1980; Carver et al., 1989).

В связи с развитием позитивной психологии (Seligman, 1996) актуализируется и переориентируется исследовательский интерес к проблематике жизнеспособности. С негативных и проблемных аспектов человеческого существования он направляется на позитивные и сильные стороны.

Жизненные способности как ресурс преодоления человеком трудностей и преград стали рассматриваться в контексте его жизненного пути в неразрывной связи с пространственно-временными, метапсихологическими

характеристиками жизненного мира, определяемыми как «качество жизни» (Рубанова, 2004), «чувство связности» (Antonovsky, 1979). Жизнеспособность выводится в контекст сознания и жизненного мира как способность личности, связывающая смысловым, ценностным, проблемным образом разные ее позиции, обнаруживая тем самым определяющую жизнь личности интегрирующую способность (Абульханова, 2009).

Гомеостатические постулаты адаптивности как основы жизненных способностей и классические традиции обозначать неадаптивное (сверхадаптивное) поведение как патологию начинают утрачивать свой непререкаемый авторитет. Э. Фромм, сравнивая процессы адаптации человека и животных, делает вывод о том, что человеческая эволюция основана на сочетании изменчивости адаптационных способностей и устойчивых качеств человеческой природы. Именно подобное сочетание определяет непрекращающиеся поиски условий, которые наилучшим способом обеспечивают внутренние потребности человека (Фромм, 2000). Понимание жизнеспособности как устойчивости смещается в динамическое русло и отражается в трактовке жизнеспособности как динамической устойчивости системы в среднестатистических условиях среды (Богданов, 1989).

О.С. Разумовский и М.Ю. Хазов формулируют важный принцип жизнеспособности живых систем — принцип гармонизации, выступающий как условие стабильности системы (Разумовский, Хазов, 1998). Это позволяет посмотреть на проб-

лему жизнеспособности не только с позиции совладания со стрессовыми, экстремальными ситуациями, но и с точки зрения ее понимания как согласия с внешним миром и самим собой (стоит только обратить внимание на семантику слова «мир»). Это согласие не может быть результатом простого приспособления человека к меняющейся среде в процессе ее отражения, оно связано с идеей динамики смыслов, оптимального смысла, смысла преодоления (Леонтьев, 2002; Чудновский, 2003; Шакуров, 2003) как факторов, обеспечивающих развитие, самоактуализацию личности (Яценко, 2005).

Если классическая психология была склонна вовсе не замечать в жизнеспособности ее сверхадаптивного характера, то неклассическая наука, безусловно, делает шаг вперед в этом направлении. Теперь инициативное, сверхадаптивное, открытое, творческое, нестандартное, сверхнормативное поведение видится как нормальное поведение человека, обусловленное его человеческой сущностью, и, соответственно, оно может рассматриваться как естественное проявление жизнеспособности человека. А это уже зачатки постнеклассического понимания данного феномена.

Анализ тенденций становления представлений о жизнеспособности через призму постнеклассической рациональности становится возможным на интегративной базе принципов метасистемности и самоорганизации, снимающих дихотомию внутреннего и внешнего. Инструмент этого «снятия» В.И. Кабрин видит в коммуникации — «универсальном смыслообразующем процессе жизни

любой формы и уровня» (Кабрин, 1992, с. 7). Коммуникация рассматривается в органической связи с процессами самоорганизации живых систем и порождаемым ими транс-субъективным (ментальным) пространством. Через коммуникацию социум становится не только внешней, но и внутренней средой человека, трансформируется в жизненный мир.

Согласно транскомуникативной теории В.И. Кабрина, человек рассматривается как открытая система, «созвездие коммуникативных миров», в которое включен генетический опыт прошлых человеческих жизней и иных человеческих миров. Идея транскомуникации «как процесса общения между инаковыми и разнопорядковыми субъектами в интра- и интерперсональных планах; как сверхдинамичного, смыслообразующего процесса гармонизации разноуровневых миров человека, открывающего в нем смысловое единство микро- и макрокосмоса» (Кабрин, 1999, с. 116), стала чрезвычайно продуктивной для понимания сущности человеческой жизнеспособности.

В работах В.И. Кабрина она получила наиболее ясное и конкретное гипотетическое выражение: коммуникабельность — это сквозная многоуровневая тенденция, обеспечивающая жизнеспособность личности (Кабрин, 2005).

Постнеклассическое представление о жизнеспособности основывается еще на одном важном моменте. Жизнеспособность человека — это особое качество, характеризующее его способность к актуализации заложенного в нем потенциала присутствующим человеку способом. Так, например, В.И. Слободчиков утверждает,

что жизнеспособное большинство может реализовать, по крайней мере, две возможности: или полностью совладать со своей жизнедеятельностью (животный способ), или быть в отношении к ней (собственно человеческий способ) (Слободчиков, Исаев, 1995). В.Д. Шадриков увидел в этом собственно человеческом способе процесс духовного саморазвития человека (Шадриков, 1996).

Итак, транспективный анализ представлений о жизнеспособности человека позволил заметить, что тенденции становления процесса научного познания этого феномена складывались в соответствии с законами развития самой психологической науки. Сначала жизнеспособность анализируется и изучается с позиции структурной, элементной «статики», и только постепенно исследователи переходят к изучению динамической стороны этого явления в его целостном, сущностном аспекте.

В этой последовательности можно увидеть некую, в целом вполне объяснимую закономерность в движении научной рациональности, получившую отражение и в структуре нашего исследования. Осуществляемое изначально в классическом ключе, оно показало, что имеющихся знаний о феномене жизнеспособности и методов классической науки явно недостаточно. Поэтому в данном исследовании существует два взаимосвязанных пласта: традиционный, базирующийся на принципах и методах классической психологии, и нетрадиционный, ассимилировавший идеи постнеклассической рациональности, возникший в процессе переосмысления имеющихся теоретико-методологических позиций.

Концептуальные основания исследования жизнеспособности человека

Теоретическая операционализация понятия «жизнеспособность»

Одним из ориентиров операционализации понятия «жизнеспособность» для нас послужили идеи Л.С. Выготского об отношениях общности и сформулированный им закон эквивалентности понятий (Выготский, 1982). Они определили алгоритм операционализации, в соответствии с которым вначале был осуществлен семантический анализ лексических признаков понятия, представленных в языке и отраженных в толковых словарях. Было отмечено соответствие между выделенными лексическими единицами (способный существовать и развиваться, приспособленный к жизни) и определенными категориями, закрепленными в понятийном аппарате современной психологии.

Так, категория существования рассматривалась с позиции ее ведущей детерминанты — жизненного смысла. Подчеркивалось, что при операционализации понятия «жизнеспособность» важным является не только соотношение «существование — смысл жизни», но и «смысл жизни — самоотрансценденция человека» (Франкл, 1990 и др.). Это, в свою очередь, позволило уточнить определение понятия «жизнеспособность»: не просто «способный существовать», а существовать в поиске и обретении смысла собственной жизни, как самоотрансцендентный субъект.

Еще одной вербальной составляющей понятия «жизнеспособ-

ность» является приспособление («приспособленный к жизни»). Психологический смысл этой лексической единицы соотносится с общеизвестным и широко распространенным термином «адаптация», роль которой в обеспечении жизнеспособности человека показана в современных исследованиях (Махнач, Лактионова, 2007; Посохова, 2001 и др.).

Последняя лексическая характеристика понятия «жизнеспособность» — развитие. Анализ психологической литературы позволил прийти к выводу о том, что универсальным принципом развития всех форм активности человека является усложнение форм регуляции и превращение ее в саморегуляцию (Конюшкин, 2004 и др.).

Однако саморегуляция — важнейший, необходимый, но недостаточный признак развития, поскольку, определяя целесообразное функционирование живых систем, в том числе и психических, она представляет собой замкнутый контур регулирования. Исходя из этого в определении существенных признаков жизнеспособности как психологической категории нельзя ограничиваться лишь саморегуляцией (как нельзя и игнорировать ее). Следует говорить и о способности к развитию (как общем, универсальном компоненте), и о способности к саморегуляции (как частном, но исключительно важном показателе и развития, и жизнеспособности в целом).

Эмпирическая операционализация понятия «жизнеспособность»

Задачи, участники, методика. На следующем этапе исследовались

«внесистемные», житейские признаки понятия «жизнеспособность». Они выявлялись посредством изучения обыденных представлений о жизнеспособном человеке при помощи метода реконструкции субъективных семантических пространств. В исследовании участвовали 500 человек: студенты старших курсов и преподаватели университетов, рабочие и инженерно-технические служащие производственных предприятий, медицинские работники в возрасте от 22 до 53 лет.

Вначале проводился ассоциативный эксперимент. После обработки ассоциаций (74 единицы) при помощи метода семантических универсалий их количество сократилось до 40.

Далее предполагалось применение метода субъективного шкалирования. Его итогом явилось построение матрицы объектов, которая подлежала факторному анализу с varimax-вращением. Было выделено 5 базовых факторов, которые охватывают 61.48% совокупной дисперсии. Нам удалось обозначить выделенные факторы следующим образом.

Результаты, обсуждение. Первый фактор, наиболее информативный (20.71%), был определен как «осознанное жизнелюбие», включающее семантические характеристики: «имеющий смысл жизни» (0.78), «любящий жизнь» (0.71) и «оптимистичный» (0.54). Вторым фактор (18.19%) был назван «готовность к развитию», поскольку ведущими для него явились представления о жизнеспособном человеке как «развивающемся» (0.81), «ответственном» (0.75), «мыслящем» (0.63), «активным» (0.52). Третий фактор (10.42%)

был обозначен как «адаптация» и включал характеристики: «адаптированный» (0.87), «стрессоустойчивый» (0.75), «психологически устойчивый» (0.62), «психически здоровый» (0.61). Четвертый фактор (6.51%), объединяющий такие семантические признаки, как «самостоятельный» (0.87), «волевой» (0.79), «адекватный» (0.73), «имеющий жизненные планы» (0.63), «реализующий жизненную программу» (0.57), был обозначен как «саморегуляция». Пятый фактор (5.65%), на наш взгляд, правомерно определить как «коммуникабельность», поскольку, с одной стороны, он включает качества, высокозначимые и ценные для других: «добрый» (0.91), «контактный» (0.82), «эмпатийный» (0.73), «общительный» (0.68), «нужный другим» (0.53), а с другой стороны, ориентирует на психологически комфортную обратную связь в человеческих отношениях — «взаимную любовь» (0.50).

Сопоставление результатов лексико-семантического и факторного анализа позволило установить, что компонент адаптации вполне определенно соотносится с приспособлением, осознанное жизнелюбие в метафорической форме выражает наличие смысла жизни. Саморегуляция и готовность к развитию составляют необходимое и достаточное условие способности к развитию как таковой.

Однако в данной схеме отсутствует еще один компонент — «коммуникабельность». Выявленный в ходе факторизации, он не получил «достойного» аналога в лексико-семантической структуре понятия «жизнеспособный человек». Однако ответ

на вопрос о том, какое место может занимать этот конструкт в интегральном понятийном поле жизнеспособности, найден в базовых представлениях коммуникативного подхода, согласно которому коммуникация является внутренней, сущностной основой всех жизненных процессов человека (Кабрин, 2005), в этом плане она имеет универсальный характер и выступает как общая жизненная способность.

Таким образом, результаты теоретического, лексико-семантического анализа и эмпирического исследования обыденных представлений о жизнеспособности человека позволили выделить существенные признаки или основные операциональные компоненты интегрального феномена «жизнеспособность»: способность к адаптации, способность к саморегуляции, способность к развитию, осмысленность жизни и коммуникабельность. Мы полагаем, что компоненты адаптации, саморегуляции, развития и осмысленности жизни в структуре жизнеспособности человека обеспечивают не просто суммарный, а синергетический, недизъюнктивный эффект, характерный для нелинейных систем. В современных системных исследованиях со ссылкой на Г. Хаккена отмечается, что отличительной чертой развития нелинейных систем является самоорганизация, знаменующая собой необратимость, многовариантность или недизъюнктивность развития, когда посредством динамических взаимопереходов все стадии психического процесса непрерывно вырастают одна из другой, и, оставаясь объективно различными, они онтологически не отделяются

друг от друга (Яценко, 2005). Рассмотрение жизнеспособности человека в русле методологии самоорганизации позволяет уточнить один из ее компонентов — развитие. Самоорганизующимся системам присуще не просто постоянное движение, развитие, а самодвижение, саморазвитие (Галажинский, 2002), поэтому логично предположить, что и жизнеспособный человек как система характеризуется способностью не просто к развитию, а к саморазвитию. Что касается коммуникабельности, то она предположительно выступает как сквозной интегральный фактор, в форме которого реализуются все остальные потенциалы.

Психологическая жизнеспособность человека: концептуальная модель

Построение концептуальной модели жизнеспособности как интегральной способности человека с учетом его системной целостности требует, чтобы определение способностей давалось в трех измерениях: индивида, субъекта деятельности, личности (Шадриков, 1996), соотносимых с функциональными, операционными и мотивационными компонентами психики (Ананьев, 2001). Соответственно, в структуре жизнеспособности человека можно выделить три уровня: функционально-индивидуальный, операционно-субъектный, мотивационно-личностный. Функционально-индивидуальный уровень жизнеспособности отражает ее природную (биологическую) сущность и обеспечивает собственно выживание человека посредством организации его адаптивного поведения. Операционно-субъектный уровень

характеризует человека как носителя жизненных планов, идей, проектов, т.е. не просто субъекта деятельности, но субъекта жизни, ее активного творца. Мотивационно-личностный уровень обеспечивает социальную детерминацию человеческих отношений, гармонию человека и общественной среды. Эти три уровня жизнеспособности подчиняются классическому субординационному принципу организации. Предполагаемая иерархия образована связями жизнеспособности в целом, а также ее отдельных составляющих (способностей к адаптации, способностей к саморегуляции, способностей к саморазвитию и осмысленности жизни) с определенными свойствами компонентов структуры человека (индивидуальными, личностными, субъектными). Эти свойства рассматриваются гипотетически как общепсихологические факторы жизнеспособности, ее внутренние детерминанты.

Однако всякий человек реализуется еще и как индивидуальность. В представлении Б.Г. Ананьева индивидуальность строится не только по субординационному или иерархическому принципу, при котором более сложные и более общие социальные свойства личности подчиняют себе более элементарные и частные социальные и психофизиологические свойства, но по координационному, при котором взаимодействие осуществляется на паритетных началах, допускающих ряд степеней свободы для коррелируемых свойств, т.е. относительную автономию каждого из них (Ананьев, 1977). Исходя из этого правомерно выделение еще одного уровня жизнеспособности. Это тот уровень, в котором находит наиболее

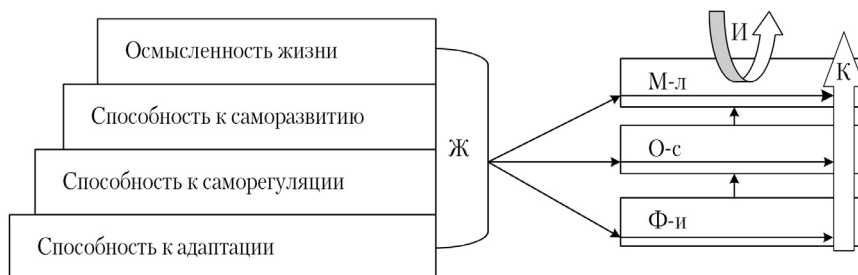
концентрированное выражение «функциональная индивидуальность человека» — индивидуально-духовный уровень жизнеспособности, выводящий человека из самодостаточности для настоящего понимания с другим через трансцендирование. Последний, высший уровень интегрирует определенные свойства индивида как психофизического организма, личности как психосоциального индивида и субъекта как интеграции природных свойств индивида и психосоциальных свойств личности. Индивидуальный уровень жизнеспособности соотносится не с каким-либо одним из этих уровней, а с их целостной системой, благодаря чему жизнеспособность становится гармоничной целостностью. На высшем индивидуальном уровне реализуется подлинно человеческая жизнеспособность — способность к жизни как «носителнице духа», которая попадает под определение А. Бергсона: «Жизнь — это те усилия, которые предпринимает человеческий дух, чтобы подняться по тому склону, по которому опускается материя» (Лева, 2009).

Учитывая вышеизложенное, структурно-функциональную модель жизнеспособности человека можно представить в виде следующей схемы (рисунок 1).

Данная модель позволяет конкретизировать представления о психологическом феномене жизнеспособности человека с учетом его системной целостности, интеграции представлений о нем как существе, едином в своей природности, социальной и духовности, причем последняя как смыслообразующая,

Рисунок 1

Общая психологическая структура жизнеспособности человека

Примечание. М-л – мотивационно-личностный уровень жизнеспособности, О-с – операционно-субъектный уровень жизнеспособности, Ф-и – функционально-индивидуальный уровень жизнеспособности, К – коммуникабельность (комплекс коммуникативных свойств), Ж – жизнеспособность, И – индивидуально-духовный уровень жизнеспособности.

творческая сила синтезирует и определяет эту системную целостность. Именно такой контекст необходим, чтобы понять жизнеспособность в ее сущностном, человеческом плане:

- как функцию системы, действующей не по принципу экзистенции «вопреки», а как функцию решения жизненных задач посредством формирования собственного транс-субъективного пространства, установления позитивных, «коммуникабельных» отношений со средой и самим собой, т.е. становление собственного гармоничного жизненного мира;

- как жизненный потенциал, становление которого осуществляется постепенно, шаг за шагом, и достигается на определенном уровне зрелости – сензитивного для развития человеческой духовности периода (Хухлаева, 2006);

- как общесистемное, интегративное свойство, релевантное всему человеку и характеризующее потенциальную возможность сохранять свою целостность, удерживая жизнь

в постоянном сопряжении с требованиями социального бытия и человеческого предназначения;

- как синергетическое единство природных (способности к адаптации) и духовных (способности к саморегуляции, способности к саморазвитию, способности смысло-жизненного поиска) способностей человека, реализуемых посредством сквозного фактора коммуникабельности, выступающей средством смысло-творчества.

Эмпирические исследования жизнеспособности человека

Исследование общей психологической структуры жизнеспособности

Задачи, методика, участники. Для эмпирической проверки предположения о «сквозном» характере коммуникативного фактора в общей структуре жизнеспособности было проведено исследование, задачи которого заключались в том, чтобы:

1) выявить значимые корреляции между тестовыми показателями общей жизнеспособности человека и различными коммуникативными свойствами человека;

2) установить различия по коммуникативным свойствам между группами испытуемых с разным уровнем жизнеспособности.

В исследовании приняли участие 102 человека в возрасте от 23 до 55 лет (24 мужчины и 78 женщин) различного статуса и профессиональной принадлежности. На первом этапе осуществлялось тестирование испытуемых по тесту жизнеспособности человека (Рьльская, 2009) и блокам методик, подобранных применительно к целям и задачам исследования: методики измерения уровня тревожности и ригидности, тест Г. Айзенка для измерения экстраверсии-интроверсии, Гиссенский опросник, методика многофакторного исследования личности Р. Кеттелла, методики диагностики социальной фрустрированности Л.И. Вассермана, коммуникативных и организаторских склонностей (КОС-2), уровня невротизации личности, Мак-опросник В.В. Знакова, методики диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении и коммуникативных установок В.В. Бойко, методика диагностики общей самооффективности (адаптация В. Ромека), самоконтроля в общении (М. Снайдер), самоактуализационный тест (САТ) Л.Я. Гозмана, М.В. Кроза, М.В. Латинской, методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко.

Затем полученные 59 переменных подвергались корреляционному анализу по Спирмену. Для обработки

использовалась программа SPSS 11.5 для Windows.

На следующем этапе был использован метод вычисления статистических различий между крайними группами с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни.

Результаты, обсуждение. Результаты корреляционного анализа позволили представить общую психологическую структуру жизнеспособности человека как систему, включающую три уровня: функционально-индивидуальный, мотивационно-личностный, операционно-субъектный.

На функционально-индивидуальном уровне жизнеспособность отрицательно связана с интенсивностью эмоционально окрашенных жалоб по поводу состояния здоровья ($r = -0.510$; $p = 0.01$), показателями нейротизма ($r = -0.518$; $p = 0.01$), психической ригидности ($r = -0.431$; $p = 0.01$), тревожности ($r = -0.593$; $p = 0.01$), экстраверсии-интроверсии ($r = 0.593$; $p = 0.01$), что вполне объяснимо. Плохое состояние здоровья, эмоциональная неустойчивость, чувства виновенности и беспокойства, озабоченности, депрессивные реакции, неустойчивость в стрессовых ситуациях, неадекватно сильные реакции на внешние воздействия, погруженность в себя, инертность в принятии решений и отсутствие гибкости в ситуациях, требующих психической мобильности, создают крайне неблагоприятные предпосылки для гармоничного существования и эффективного решения жизненных задач.

Мотивационно-личностный уровень общей структуры жизнеспособности представлен, прежде всего,

связью с субъективным ощущением одиночества ($r = -0.631, p = 0.01$). Это свидетельствует о значимости для человека социальных контактов как факторов, способствующих решению жизненных задач в различных сферах бытия. Общая жизнеспособность связана и с уровнем социальной фрустрированности, т.е. со степенью неудовлетворенности социальными достижениями в основных аспектах жизнедеятельности. Выявленная зависимость согласуется с мнениями о роли качества жизни в обеспечении собственно человеческого существования, о физическом и моральном благополучии как некоем базисе, на котором мы строим разумные отношения, социальные контакты, личные инициативы, которые обеспечивают ощущение совершенного бытия (Гурьянова, 2004; Рубанова, 2004).

На этом уровне выявлены значимые положительные связи с личностными характеристиками, представленными показателями теста Р. Кеттелла: *Общительность—Замкнутость* ($r = 0.239, p = 0.05$), *Подчиненность—Доминантность* ($r = 0.223, p = 0.05$), *Робость—Смелость* ($r = 0.383, p = 0.01$), и значимые отрицательные связи с показателями *Уверенность—Тревожность* ($r = -0.285, p = 0.01$), *Конформизм—Нонконформизм* ($r = -0.220, p = 0.05$), *Расслабленность—Напряженность* ($r = -0.220, p = 0.05$).

Отмечены отрицательные зависимости между общей жизнеспособностью и негативными коммуникативными установками: установкой открытой жестокости ($r = -0.556, p = 0.01$), обоснованного негативизма ($r = -0.451, p = 0.01$), брюзжания

($r = -0.305, p = 0.01$) и негативного опыта общения ($r = -0.348, p = 0.01$).

Предположение о связи жизнеспособности с защитными механизмами личности в общении подтвердилось лишь частично. Положительная зависимость выявлена между жизнеспособностью и единственной стратегией психологической защиты — миролюбием ($r = 0.272, p = 0.01$), ни избегание, ни агрессия, судя по результатам корреляционного анализа, не имеют статистически значимых связей с жизнеспособностью. Положительная связь выявлена также между общей жизнеспособностью человека и коммуникативными ($r = 0.832, p = 0.01$) и организаторскими склонностями ($r = 0.573, p = 0.01$).

Структура операционно-субъектного уровня жизнеспособности представлена связями общей жизнеспособности с самоэффективностью ($r = 0.821, p = 0.01$), самоконтролем в общении ($r = 0.821, p = 0.01$), интеллектуальным фактором теста Р. Кеттелла *Консерватизм—Радикализм* ($r = 0.261, p = 0.01$). Особый блок в операционно-субъектном уровне жизнеспособности составляют связи с самоактуализацией. Жизнеспособность значимо коррелирует с базовыми и дополнительными шкалами САТ: *Компетентность во времени* ($r = 0.469, p = 0.01$), *Внутренняя поддержка* ($r = 0.273, p = 0.01$), *Ценности самоактуализации* ($r = 0.279, p = 0.01$), *Спонтанность* ($r = 0.315, p = 0.01$), *Самоуважение* ($r = 0.459, p = 0.01$), *Позитивные представления о природе человека* ($r = 0.331, p = 0.01$), *Познавательные потребности* ($r = 0.253, p = 0.01$). Выявленные связи позволяют говорить о жизнеспособности: во-первых, как о способности

субъекта жить «настоящим», т.е. переживать настоящий момент своей жизни во всей его полноте, ощущать неразрывность прошлого, настоящего, будущего; во-вторых, о высокой степени независимости его ценностей и поведения от внешних воздействий, способности жить как «изнутри направляемая личность». Высокая жизнеспособность предполагает возможность и готовность спонтанно и непосредственно выражать свои чувства, вести себя естественно и раскованно; ценить свои достоинства, положительные свойства характера, уважать себя за них. Жизнеспособному человеку в значительной степени присущи склонность воспринимать природу человека как положительную («люди в основе своей добры»), способность к быстрому установлению глубоких, тесных, эмоционально-насыщенных контактов с людьми, т.е. к субъект-субъектному общению (в соответствии с привычной для отечественной психологии терминологией).

Выявлена также положительная связь жизнеспособности с уровнем эмпатии ($r = 0.346$, $p = 0.01$) – свойством, имеющим ярко выраженную транскоммуникативную (духовную) природу.

Дальнейшее вычисление по критерию Манна–Уитни в основном подтвердило наши предположения. По всем коммуникативным свойствам, кроме конформизма и доминантности, были выявлены значимые различия между испытуемыми с высокими и низкими показателями жизнеспособности.

Таким образом, исследование общей психологической структуры жизнеспособности позволяет обос-

нованно говорить о связи жизнеспособности (на каждом из ее уровней) и коммуникативных свойств человека (экстраверсия-интроверсия, тревожность, общительность, коммуникативные склонности, субъективное ощущение одиночества, установки в общении, склонность к манипулятивному общению, способы психологической защиты в общении, самоконтроль в общении, эмпатия, социальная смелость и др.). Полученные эмпирические результаты свидетельствуют о том, что жизнеспособность (как и любая другая способность) имеет свои функциональные, мотивационные, операционные механизмы, и подтверждают предположение о том, что коммуникативность является сквозной интегральной тенденцией, обеспечивающей жизнеспособность человека.

Исследование компонентной психологической структуры жизнеспособности

Задачи, участники, методика. Задача исследования заключалась в выявлении иерархии связей компонентов жизнеспособности (способностей к адаптации, способностей к саморегуляции, способностей к саморазвитию, осмысленности жизни) и свойств человека как индивида, личности, субъекта. Полученные в предыдущем исследовании 59 переменных подвергались корреляционному анализу по Спирмену, позволяющему определить силу и направления корреляционной связи между анализируемыми переменными.

Результаты, обсуждение. Статистически значимые связи способностей к адаптации и свойств человека

Таблица 1

Связи способностей к адаптации и свойств человека как индивида, личности, субъекта

Свойства	<i>r</i>	Свойства	<i>r</i>	Свойства	<i>r</i>
НР	-0.638 **	КОС	0.690 **	BS	0.346 **
ЗД	-0.488**	ОРС	0.346 **	CS	0.286 *
ТР	-0.604**	НК	0.367 **	FS	0.351 **
СФ	-0.541**	ОК	-0.498 **	GS	0.489 **
УН	-0.714 **	Q ³	0.387*	IS	0.318 *
УОЖ	-0.380**	СЭ	0.748 **	Э	0.317*
УОН	-0.357**	СУ	0.535 **	MDK	0.318*
УНО	-0.310*	СКО	0.569 **	СК	0.334**
О	-0.595 **	AS	0.629 **	DS	0.335**
НС	0.278*				

Примечание. Психические свойства человека как индивида, личности, субъекта: НР – нейротизм, ЗД – интенсивность эмоционально окрашенных жалоб по поводу физического самочувствия, ТР – тревожность, СФ – социальная фрустрированность, УН – уровень невротизации, УОЖ – установка открытой жестокости, УОН – установка обоснованного негативизма, УНО – негативный опыт общения, О – субъективное ощущение одиночества, КОС – коммуникативные склонности, ОРС – организаторские склонности, НК – робость–смелость, ОК – уверенность–тревожность, Q³ – низкий самоконтроль–высокий самоконтроль, СЭ – самооффективность, СУ – способности самоуправления, СКО – уровень самоконтроля в общении, AS – компетентность во времени, BS – внутренняя поддержка, CS – ценности самоактуализации, FS – спонтанность, GS – самоуважение, IS – представления о природе человека, Э – экстраверсия, MDK – адекватность самооценки, СК – эмоциональная неустойчивость–устойчивость, DS – гибкость поведения, NS – самопринятие.

Здесь и далее: * – $p < 0.05$, ** – $p < 0.01$.

как индивида, личности, субъекта представлены в таблице 1.

Компонентная структура жизнеспособности на уровне способностей к саморегуляции характеризуется сравнительно небольшим количеством значимых связей (таблица 2).

Компонент саморазвития насчитывает 26 значимых связей. Наибольший интерес представляют положительные связи с подчиненностью–доминантностью, консерватизмом–радикализмом и отрица-

тельная связь с конформизмом–нонконформизмом. С одной стороны, выявленные закономерности вполне логичны, так как развитие человека невозможно без независимости в суждениях и поведении, наличия интеллектуальных интересов, аналитичности мышления. С другой стороны, отрицательная связь способности к развитию и нонконформизма позволяет предположить, что развивающийся, достаточно конформный человек, следующий общественному

Таблица 2

Связи способностей к саморегуляции и свойств человека как индивида, личности, субъекта

Свойства	<i>r</i>	Свойства	<i>r</i>	Свойства	<i>r</i>
ГК	0.276 *	СЭ	0.398 **	СКО	0.341 **
КОС	0.352 **	СУ	0.454 **	Q ¹	0.286 *

Примечание. Психические свойства человека как индивида, личности, субъекта: ГК — подверженность чувствам—нормативность, КОС — коммуникативные склонности, СЭ — самоэффективность, СУ — способности самоуправления, СКО — уровень самоконтроля в общении, Q¹ — консерватизм—радикализм.

мнению, демонстрирует приемлемый уровень коммуникабельности в отличие от развивающегося доминантного, считающего свой образ мыслей законом для окружающих, самоуверенного, авторитарного, упрямого до агрессивности. Отсюда следует парадоксальный, на первый взгляд, вывод. Высокие показатели доминантности могут «уживаться» с низкими параметрами нонконформизма, не препятствуя развитию, а стимулируя его посредством коммуникативных процессов.

Наконец последняя корреляционная связь, характеризующая саморазвитие как компонент общей жизнеспособности, — это связь с эмпатическими способностями человека. Она положительна и среднезначима на уровне 0.01. Это позволяет предполагать более высокую готовность к саморазвитию под влиянием направленности на сущность другого человека, стимулируемую спонтанным интересом не только к себе, но и к другому, привлекающему своим внутренним миром.

Компонентная иерархия жизнеспособности, отражающая значимые связи способностей к саморазвитию и свойств человека как индивида,

личности, субъекта, представлена в таблице 3.

Корреляционная структура четвертой составляющей общей жизнеспособности — осмысленности жизни — представлена 22 значимыми связями:

1) отрицательными — с показателями нейротизма, тревожности, субъективного ощущения состояния здоровья, социальной фрустрированности, невротизации, с негативными коммуникативными установками, субъективным ощущением одиночества, неуверенностью в себе, склонностью к манипулятивному поведению; 2) положительными — с коммуникативными и организаторскими склонностями, уровнем самоконтроля в общении, самоэффективностью, способностью к самоуправлению, компетентностью во времени, ценностями самоактуализации, спонтанностью, самоуважением, позитивным отношением к человеческой природе, эмпатическими способностями.

Наиболее интересными для нас представляются связи с манипулятивностью. Выявленная нами отрицательная зависимость между макиавеллизмом и саморазвитием, макиавеллизмом и осмысленностью жизни

Таблица 3

Связи способности к саморазвитию и свойств человека как индивида, личности, субъекта

Свойства	<i>r</i>	Свойства	<i>r</i>	Свойства	<i>r</i>
НР	-0.446**	АК	0.335 **	FS	0.374 **
ЗД	-0.583**	ГК	0.451 *	GS	0.584 **
ТР	-0.550**	НК	0.352 **	IS	0.362 **
СФ	-0.637**	ОК	-0.267 **	Э	0.426**
УН	-0.617**	Q ³	0.325*	МАК	-0.298 **
УОЖ	-0.587**	СЭ	0.731 **	ЕК	0.314*
УОН	-0.535*	СУ	0.525 **	Q ¹	0.343**
УНО	-0.393*	СКО	0.657 **	Q ²	-0.410 **
О	-0.584 **	АС	0.425 **	ЕС	0.374**
КОС	0.710 **	BS	0.464 **	MS	0.408**
ОРС	0.476 **	CS	0.446 **	ЭМ	0.377**

Примечание. Психические свойства человека как индивида, личности, субъекта: НР – нейротизм, ЗД – интенсивность эмоционально окрашенных жалоб по поводу физического самочувствия, ТР – тревожность, СФ – социальная фрустрированность, УН – уровень невротизации, УОЖ – установка открытой жестокости, УОН – установка обоснованного негативизма, УНО – негативный опыт общения, О – субъективное ощущение одиночества, КОС – коммуникативные склонности, ОРС – организаторские склонности, АК – замкнутость–общительность, ГК – подверженность чувствам–нормативность, НК – робость–смелость, ОК – уверенность–тревожность, Q³ – низкий самоконтроль–высокий самоконтроль, СЭ – самоэффективность, СУ – способности самоуправления, СКО – уровень самоконтроля в общении, АС – компетентность во времени, BS – внутренняя поддержка, CS – ценности самоактуализации, FS – спонтанность, GS – самоуважение, IS – представления о природе человека, Э – экстраверсия, МАК – макиавеллизм, ЕК – подчиненность–доминантность, Q¹ – консерватизм–радикализм, Q² – конформизм–нонконформизм, ЕС – сензитивность к себе, MS – познавательные потребности, ЭМ – способность к эмпатии.

в целом соответствует результатам исследования, полученным В.В. Знаковым в экспериментальной ситуации экзистенциального выбора, когда люди с высоким уровнем макиавеллизма и низкими показателями осмысленности жизни в большей степени согласны на манипуляцию как в чужой, так и в своей жизни. Они понимают ситуацию эвтаназии

как более этически оправданную по сравнению с людьми, обладающими низкими показателями по Мак-шкале (Знаков, 2005).

Компонентная иерархия жизнеспособности, отражающая значимые связи осмысленности жизни и свойств человека как индивида, личности, субъекта, представлена в таблице 4.

Таблица 4

Связи осмысленности жизни и свойств человека как индивида, личности, субъекта

Свойства	<i>r</i>	Свойства	<i>r</i>	Свойства	<i>r</i>
НР	-0.404**	КОС	0.620 **	АС	0.450 **
ЗД	-0.418 **	ОРС	0.416 **	СS	0.328 *
ТР	-0.458 **	ОК	-0.267*	FS	0.300 **
СФ	-0.596**	ГК	0.355 *	GS	0.336 **
УН	-0.535 **	Q ³	0.325*	IS	0.289 *
УОЖ	-0.386 **	СЭ	0.682 **	МАК	-0.298 **
УНО	-0.326*	СУ	0.561 **	ЭМ	0.341**
О	-0.610 **	СКО	0.665 **		

Примечание. Психические свойства человека как индивида, личности, субъекта: НР – нейротизм, ЗД – интенсивность эмоционально окрашенных жалоб по поводу физического самочувствия, ТР – тревожность, СФ – социальная фрустрированность, УН – уровень невротизации, УОЖ – установка открытой жестокости, УНО – негативный опыт общения, О – субъективное ощущение одиночества, КОС – коммуникативные склонности, ОРС – организаторские склонности, ОК – уверенность–тревожность, ГК – подверженность чувствам–нормативность, Q³ – низкий самоконтроль–высокий самоконтроль, СЭ – самоэффективность, СУ – способности самоуправления, СКО – уровень самоконтроля в общении, АС – компетентность во времени, СS – ценности самоактуализации, FS – спонтанность, GS – самоуважение, IS – представления о природе человека, МАК – макиавеллизм, ЭМ – способность к эмпатии.

Полученные эмпирические результаты предварительно подтвердили предположение о синергетическом характере жизнеспособности человека: суммарная плотность связей общей жизнеспособности и свойств человека как индивида, личности, субъекта выше, чем соответствующая плотность связей этих свойств и отдельных компонентов жизнеспособности.

Для окончательной проверки данного предположения было проведено специальное исследование, в котором приняли участие 43 человека в возрасте от 25 до 43 лет (29 женщин и 14 мужчин) разного социального статуса и профессиональной принадлежности. Испытуемые были обследо-

ваны по тесту жизнеспособности. Результаты исследования продемонстрировали обратную зависимость между выраженностью компонентов жизнеспособности и нереализованностью основных жизненных задач зрелости (низкая профессиональная эффективность, отсутствие семьи, антисоциальные проявления). При низких показателях всех четырех компонентов жизнеспособности частота нереализованности жизненных задач составила 94.5%, при высоких показателях одного компонента (способности к адаптации) – 81.7%, двух компонентов (способности к адаптации и способности к саморегуляции) – 52.6%, трех компонентов (способности к адаптации, способности

к саморегуляции и саморазвитию) — 40.1%, при высоких показателях всех четырех компонентов (способности к адаптации, способности к саморегуляции и саморазвитию, осмысленности жизни) — 6.5%.

Кроме этого, было выявлено, что компоненты жизнеспособности демонстрируют слабые связи друг с другом (от 0.186 до 0.202), что позволяет говорить о том, что компонентная структура жизнеспособности подчиняется системно-генетическому принципу усложнения, дифференциации и организации человеком своей жизни: от адаптации к регуляции и осознанной саморегуляции, а далее к субъектному развитию и обретению смысла жизни. Жизнеспособность человека выступает при этом в качестве синергетической, недизъюнктивной психологической системы, в которой посредством динамических взаимопереходов все стадии психического процесса непрерывно вырастают одна из другой, и, оставаясь объективно различными, они онтологически не отделяются друг от друга.

Исследование жизнеспособности человека в онтологическом контексте

Задачи, участники, методика. Задача данного исследования заключалась в том, чтобы выявить психологические свойства человека, которые в наибольшей степени определяют его жизнеспособность как интегральную возможность духовного становления, развития духовных способностей в процессе решения жизненных задач, формирования собственного многомерного мира.

Поскольку особенности жизнеспособности как интегрального онтологического феномена требуют не только классических методов «объективации субъективного», но и дополнительных инструментов постнеклассической науки, для решения поставленной задачи использовался нарративный метод.

Исследование проводилось на выборке, включающей 102 взрослых человека (от 24 до 46 лет) разного рода занятий.

Результаты, обсуждение. При оценке нарративов мы основывались на устойчивых и обоснованных представлениях о том, что смысловые образования как проявления мотивационно-ценностной сферы являются доминирующими в регуляции жизнедеятельности человека (Братусь, 1985; Галажинский, 2002; Ключко, 2005; Чудновский, 2003; Шакуров, 2003 и др.) и оказываются именно той инстанцией, которая подчиняет себе другие жизненные проявления личности (Леонтьев, 1994).

Анализ нарративов позволил выделить следующие закономерности. Для людей с высокими показателями жизнеспособности наиболее значимы ценностно-смысловые категории, отражающие содержание основных жизненных задач периода зрелости. Они четко определены, высокозначимы и гармонично сочетаемы, не абсолютизированы. Приведем несколько примеров.

...Самое главное для меня — моя семья, близкие, которых очень люблю. Семья помогает мне жить. Сейчас основная задача — достойно воспитать детей. Не представляю своей жизни без любимой работы, своих дорогих коллег, общения с ними. Немного беспокоит кризис,

но мы, русские люди знавали и худшие времена, переживем и эту неприятность.

...Не представляю жизни без общения со своими близкими, детьми, родителями и друзьями. Совершенно определенно не смогу жить без своих малышей (я педагог начальных классов). Каждый день видеть их искренний взгляд, милые улыбки — это большое счастье.

...Моей дочке — полтора года, на сегодняшний день — это главное всего. Моя семья — моя опора. Дочка — моя радость. Ценю свою хорошую работу, горжусь ей. Большая семья, которую люблю, а она любит меня.

...Главное — жить с любовью!

Наиболее часто встречаемой смысловой единицей, характеризующей ценностно-смысловую сферу жизнеспособного человека, является любовь:

- «люблю свою семью»;
- «мой муж меня любит»;
- «люблю свою работу»;
- «любовь к семье, к людям, к природе»;
- «я, как Маргарита у Булгакова, не могу жить без любви».

В нарративах людей с низкими показателями жизнеспособности эта категория встречается гораздо реже (соответственно 75% и 15%), отмечается депривация в отношении любви:

- «любви и заботы от мужа не видела»;
- «хочется написать про самых вечных в мире людей, любовь и счастье, но в нашей жизни типичная картина: озлобленность, ненависть, жестокость, ненависть друг к другу»;
- «жизнь остановилась, не стало любящих меня близких»;
- «сильнейшее желание бросить когда-то любимую, а теперь опостылевшую

работу, закрыть за собой дверь тихо, но плотно...».

В полученных результатах, по сути, нет ничего нового. Значение любви в жизни человека трудно переоценить. Многие исследователи отмечают, что любовь является важнейшим сущностным свойством человека. По мнению Э. Фромма, любовь — это состояние, в котором человек способен почувствовать и пережить свою абсолютную незаменимость, смысл своего существования для другого и смысл существования другого для себя. Любить — значит отдавать часть самого себя. В этом проявляется сила и жизнеспособность человека (Фромм, 1990).

С.Л. Рубинштейн отмечает, что любовь выступает как утверждение бытия человека. Лишь через свое отношение к другому человеку человек существует как человек. Человека любят не за тот или иной его поступок, который может быть случайным, и не за его заслуги, а за него самого, за его подлинную сущность... (Рубинштейн, 2003).

Любовь, по мнению В.Д. Шадрикова, выступает как «превосходная модель духовных способностей»: «В любви как духовной способности органически сочетается духовное начало с природными основами, при этом внутри обозначенного единства наблюдается определенная иерархия; духовное начало человека определяет характер, направленность и этапность любви. Она может остановиться на этапе сексуального влечения или меняться до высот идеализации и подлинной духовности... Многие люди только в любви приходят к познанию своей духовной сущности» (Шадриков, 1996, с. 221–222).

Аналогичное отношение к объекту любви как к одной из высших ценностей, сущность которой созвучна, родственна своей собственной сущности, свойственно и всем другим проявлениям любви — привязанности к родным местам и отчуждению от родины, любви к своему делу (призванию), природе, музыке, многообразным непреходящим глубоким интересам и увлечениям, любви к Отчизне. История и художественная литература богаты многочисленными примерами беспримерного патриотизма, который дает невиданные силы человеку, позволяющие ему оставаться жизнеспособным в условиях физически несовместимых с жизнью.

Вот только один пример — отрывок из рассказа А.Н. Толстого «Странная история».

...Это случилось в те дни, когда Красная армия прорвала на одном из участков немецкий фронт и выбила немцев из сел и деревень. Медведовка была занята, первыми туда ворвались партизаны. На улице к Евтюхову подошла Анна, — волосы у девочки были, как колтун, забиты землей, лицо обтянутое, старушечье, пыльное, платышко изодрано на коленях.

— Вы папашку моего ищете?

— Да, да, что такое с ним?

— Нашу избу сожгли немцы, маму, брата убили. Папашку моего четыре дня пытали, он еще живой висит, идемте.

Анна, как сонная, пошла впереди Евтюкова к прежнему горшковскому дому под железной крышей. Обернулась, с трудом приоткрыла зубы:

— Вы не подумайте, папашка мой ничего им не сказал...

В коровьем сарае под переключиной висел Горшков, в одних подштанниках, с синими опущенными ступнями;

искривленное туловище его было все исполосовано, руки скручены за спиной, ребра выпячены, с правой стороны в грудь был всунут крюк, — он висел под переключиной, повешенный за ребро...

Когда Евтюхов, крикнув ребят, попытался приподнять его, чтобы облегчить муку, Петр Филлипович, видимо, уже не в себе, проговорил:

— Ничего... Мы люди русские (Толстой, 1985, с. 340).

На этом примере ясно видна связь жизнеспособности с особым состоянием человека, которое В.Д. Шадриков называет духовным. Оно предполагает победу морального добра, подчиняющего разум, сопряженную с жертвенностью, сопровождаемой глубоким эмоциональным потрясением, мобилизацией всех сил организма (Шадриков, 1996).

Любовь делает человека сильнее, повышает его жизнеспособность, вселяет веру в свои духовные силы, а ее отсутствие, «невостробованность», формируя «экзистенциальный вакуум», может полностью разрушить человеческую жизнь, попросту «убивает», и не только в образном, «переносном», но и в буквальном смысле. Вот еще один пример. Это строчки из стихотворения известного психолога, нашего современника, жизнь которого оборвалась трагически нелепо и необъяснимо:

Боже мой, человек!

Мне уже тридцать восемь.

Сквозь светоносный вечер,

Раздвигая локтями осень,

На берег опустелый

Выйду. Перед тобою

Не душа моя — только тело

С невостробованной любовью.

(Дружинин, 2000)

Собственно любовь как сущностное чувство, по определению, соединяет с объектом любви и в этом единении дает знание предмета любви. Знание сути объекта любви является важнейшим свойством самого чувства. Поэтому, признавая великую жизненную силу любви, следует признать и то, что способность к жизни определяется наличием у человека великой силы отказаться от объекта любви, воплощающего те ценности, которые им не приемлемы. Это происходит в том случае, если существующая реальность (образ жизни) вступает в противоречие с образом мира, неотъемлемой сверхзначимой частью которого является отношение к объекту. Жизнеспособный человек перестраивает образ мира посредством трансформации ценностно-смысловых оснований жизненного мира:

...Я поняла, что в мире есть не только он, не любящий меня и не достойный моей любви... Я поняла, что солнце светит, трава растет и цветы цветут...

Согласно В. Франклу, человеческое существование есть... самотрансценденция. Поэтому подлинная любовь всегда связана с самотрансцендированием — выходом мотивации человека за рамки направленности на самого себя. В. Франкл говорит о том, что быть человеком означает быть всегда направленным на что-то или на кого-то, отдаваться делу, которому себя посвятил, человеку, которому любишь, богу, которому служишь (Франкл, 1990). Другими словами, любовь — это транскомуникативное чувство. Способность любить, быть любимым — это способности к транскомуникации, к общению и единению душ, без ко-

торого невозможна подлинная жизнеспособность человека.

При исследовании нарративов в современной психологии часто используется классификация жанров, включающая такие, как комедия, роман, трагедия, ирония, соотносимые со временами года (Frye, 1957).

Анализ нарративов в жанровом контексте позволил заметить, что люди с высокими показателями жизнеспособности осознают, что в жизни имеет место и трагическое, и комическое. Торжествует то добро, то зло. Главное в том, чтобы выделить объективное соотношение между ними, их сплетение и адекватно отнестись к каждой ситуации. Суть состоит в соотношении добра и зла, трагического и комического, в осознании противоречий их разрешения, а не в абсолютизации одного чувства. Например, высказывание человека «Я не жалею ни о чем; все, что со мной было, — это моя жизнь» позволяет говорить о целостности его жизненного мира. Целостность жизненного мира, вычленение тех объективных характеристик, которые создают основания для переживания субъектом своей жизни как тотальности, у жизнеспособного человека выражается в констатации факта решения или принципиальной решаемости жизненных задач. Когда человеку это удастся, он переживает жизнь как подлинную, неделимую. Такое переживание можно соотносить с гармоничным жизненным миром.

Трагические события, если они случаются, не нарушают целостности жизненного мира, а приводят к позитивной переоценке ценностей, «корректируя» способы связи с внешним миром: «Я поняла, что

солнце светит, и птицы поют»; «Жизнь не любит, когда не ценишь то, что имеешь»; «Жизнь делится на две части, после сорока я поняла, что она только начинается, но поняла и другое – для чего мне все это было дано, испытания сделали меня лучше, добрее, теперь это помогает мне находить в себе силы тогда, когда их, казалось бы, уже нет».

В нарративах испытуемых с низкими показателями жизнеспособности наблюдается «однобокость», абсолютизация того или иного жанра.

Например, ирония:

...Жил-был на свете человек. Высоко хотел взлететь, да не взлетел на пьедестал, на земле остался. Видно, судьба ему такая от небес досталась...

...Вышла замуж, родила двоих детей, вышла еще раз, еще одного родила. Может, хоть под старость «поднисусть» глоток воды.

Трагедия:

...Хочется добра, но, к сожалению, в жизни все по-другому.

...Человек не задумывался о смысле жизни, начал терять то, что имел, и остался у разбитого корыта.

Таким образом, осознание богатства собственной жизни укрепляет жизнеспособность человека, духовно помогает ему жить полной жизнью. Жизнеспособность, в нашем представлении, характеризует потенциал жизненного мира человека, становление которого осуществляется постепенно, шаг за шагом, и достигается на определенном уровне зрелости посредством выбора способа существования, максимально отвечающего его сущности. Человек по мере своего становления реализует свое главное свойство — способность изменять внешнее по законам внутрен-

него. Отсюда становление есть процесс воплощения личностного содержания в фактах средовых преобразований. Жизненный мир жизнеспособного человека — это духовный мир, он обладает свойствами гармонии, защищенности, надежности, согласия, он является целостным, аутентичным, основанным на «переструктурировании» среды в соответствии со структурой личностных смыслов. Он отличен от другого мира, воплощающего воспроизводство и трансляцию в среду формально освоенных человеком социальных предписаний и норм, не связанных с глубинными ядерными смыслами.

Большую роль в формировании аутентичного жизненного мира играют когнитивные компоненты психики: мышление и память. Умение человека обращать внимание на целое больше, чем на отдельные части целого, характерно, по мнению А. Маслоу, для холистического мышления. Это мышление прорывается через дихотомии, в которых обычно воспринимается реальность. Переживания прошлого, настоящего и будущего, видение жизни и смерти, осознание добра и зла осуществляются в неразрывном единстве (Maslow, 1970). Мышление приобретает особую актуальность в тех ситуациях, когда реальность требует смены образа жизни. Оно выполняет функцию осознания необходимости перестроить образ мира посредством трансформации ценностно-смысловых оснований собственного мира человека.

Еще одним важным фактором жизнеспособности человека является так называемая автобиографическая память, позитивный потенциал

которой показан в эмпирических исследованиях (Нуркова, Василевская, 2003). Однако память человека может не только созидать, но и разрушать его жизнь. Если не удастся включить воспоминание в сегодняшнюю жизнь, преодолеть разрыв между прошлым и настоящим, воспоминание превращается в разрушительную силу, разрастаясь и застилая собой сегодняшнее существование. Человек замыкается в прошлом, целиком отдается своим воспоминаниям, и только они становятся для него подлинной реальностью.

Выводы

1. Духовный контекст исследования жизнеспособности человека подготовлен процессом естественной стадильности становления психологии на пути от классических представлений о психике человека, ориентированных на изучение простых адаптирующихся систем, к постнеклассическим — о целостном человеке как о сложной самоорганизующейся системе, сущностным свойством которой является саморазвитие как «процесс полного, адекватного, правильного и гармоничного развития духовных способностей».

2. Жизнеспособность человека как системы регулируется определенными функциональными, операционными и мотивационными механизмами психики. Ее общая психологическая структура представлена иерархией разноуровневых связей с определенными свойствами человека как индивида, субъекта, личности.

3. На каждом из уровней (функционально-индивидуальном, операционно-субъектном, мотивационно-лич-

ностном) жизнеспособность человека демонстрирует комплекс значимых связей с коммуникативными свойствами человека, что подтверждает предположение о том, что «коммуникабельность является сквозной интегральной тенденцией, обеспечивающей жизнеспособность личности». Коммуникативные свойства обеспечивают баланс избирательности и взаимности в свете базовых отношений или жизненных задач человека, определяют то, что действительно важно, представляет для него ценность, выступая, таким образом, как средство смыслотворчества, позволяющее человеку осуществить свою жизнеспособность специфически человеческим духовным способом.

4. Компонентная психологическая структура жизнеспособности, образованная определенными элементами природных и духовных способностей, подчиняется системно-генетическому принципу усложнения, дифференциации и организации человеком своей жизни: от адаптации к регуляции и осознанной саморегуляции, а далее к субъектному саморазвитию и обретению смысла жизни. Компоненты жизнеспособности существуют в синергетическом единстве, проявляясь в отношениях недизъюнктивности, в которых осмысленность жизни играет роль «вертикали», духовной детерминанты.

5. Жизнеспособность человека определяет особенности становления его жизненного мира. Она «обеспечивается» важнейшими сущностными, духовными, трансцендентными и транскомуникативными свойствами человека: способностью любить и быть любимым, целостным,

«холистическим» мышлением, создающей автобиографической памятью. Высокая жизнеспособность является потенциалом «аутентичного», «подлинного», гармоничного жизненного мира.

Итак, в данной статье представлены некоторые наработки по проблеме жизнеспособности. Они:

1) позволяют более или менее обоснованно определить жизнеспособность как общесистемное интегративное психическое свойство, функцией которого является внутренняя готовность человека к сохранению своей целостности, обеспечи-

вающая динамическое удержание жизни в постоянном сопряжении с требованиями социального бытия и человеческого предназначения;

2) могут послужить ориентирами для дальнейших исследований проблематики жизнеспособности.

Однако следует признать, что мы пока находимся у самых истоков изучения этой проблемы, поскольку в исследованиях жизненных способностей человека неизменно сталкиваемся с «принципом неполноты»: «Человек всегда больше того, что мы можем о нем узнать или сказать» (Зинченко, 2008, с. 11).

Литература

- Абульханова К.А. Способность сознания // Мир психологии. 2006. № 2. С. 80–95.
- Абульханова К.А. Сознание как жизненная способность личности // Психол. журн. 2009. Т. 30. № 1. С. 32–43.
- Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
- Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
- Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М.: Экономика, 1989.
- Боуэн М. Духовность и личностно-центрированный подход // Вопр. психол. 1992. № 3. С. 24–32.
- Братусь Б.С. Нравственное сознание личности: Психологическое исследование. М.: Знание, 1985.
- Всемирная Декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры. [Электронный ресурс]. <http://www.infopravo.ru/fed1998/cp02/akt13969.shtml>. Дата обращения 15.04.2010.
- Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. С. 5–361.
- Выготский Л.С. К вопросу о динамике детского характера // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 5. С. 153–165.
- Галажинский Э.В. Системная детерминация самореализации личности: Дис. ... докт. психол. наук. Томск, 2002.
- Гурьянова М.П. Воспитание жизнеспособной личности в условиях дисгармоничного социума // Педагогика. 2004. № 1. С. 13–18.
- Дружинин В.Н. Законы отражения. СПб.: Имятон, 2000.
- Зинченко В.П. Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили. М.: Новая школа, 1997.
- Зинченко В.П. Общество на пути к «человеку психологическому» // Вопр. психол. 2008. № 3. С. 3–11.
- Знаков В.В. Духовность человека в зеркале психологического знания и

религиозной веры // *Вопр. психол.* 1998. № 3. С. 104–114.

Знаков В.В. Понимание экзистенциального выбора: жизнь в страданиях или эвтаназия // *Вопр. психол.* 2005. № 6. С. 3–13.

Ильинский И.М. О воспитании жизнеспособных поколений российской молодежи // *Государство и дети: реальности России.* М.: Педагогика, 1995.

Ионеску Ж.К. Оценка сопротивляемости: совокупность факторов риска и защиты и необходимость их культурной адаптации // *Травматизм, психологическая безопасность, сопротивляемость и культура: Материалы международной конференции / Под ред. В.В. Латюшина.* Челябинск, 2007. Ч. 1. С. 65–69.

Кабрин В.И. Транскоммуникация и личностное развитие: Психология коммуникативного развития человека как личности. Томск: ТГУ, 1992.

Кабрин В.И. Транскоммуникативная холодинамика психологического универсума личности («Стресс-трансформация») // *Вестник Томского государственного университета.* 1999. № 268. С. 115–120.

Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: Теория, методы исследования. Томск: ТГУ, 2005.

Кабрин В.И. Транскоммуникативный мир человека в постметодологической перспективе психологической антропологии // *Коммуникативное измерение в психологической антропологии.* Томск: ТГУ, 2007. С. 290–334.

Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: Проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2005.

Кондратенко О.А. Воспитание жизнеспособности студентов в условиях ву-

за // *Актуальные проблемы развития среднего и высшего образования / Под ред. М.Д. Даммер, О.Ф. Шеффер.* Челябинск: Изд-во ИИ ЦМУ «Образование», 2010. С. 142–148.

Конопкин О.А. Общая способность к саморегуляции как фактор и показатель субъектного развития // *Вопр. психол.* 2004. № 2. С. 127–135.

Лега В. История западной философии. Ч. 1–2. М.: ПСТГУ, 2009.

Леонтьев А.Н. Философия психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.

Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // *Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова / Под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева.* М.: МГУ, 2002. Вып. 1. С. 56–65.

Леонтьев Д.А. Духовность, саморегуляция и ценности // *Гуманитарные проблемы современной психологии. Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета.* 2005. № 7. С. 16–21.

Макарова К.В. Развитие духовных способностей (на примере младших школьников): Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2006.

Маклаков А.Г. Основы психологического обеспечения профессионального здоровья военнослужащих: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 1996.

Махнач А.В., Лактионова А.И. Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // *Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Морсанова В.И. Стилевые особенности саморегуляции // *Личностные и когнитивные аспекты саморегуляции деятельности человека / Под ред. В.И. Морсановой.* М.:

- Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 18–39.
- Нартова-Бочавер С.К.* Копинг-поведение в системе понятий психологии личности // Психол. журн. 1995. № 5. С. 19–24.
- Ничипоров Б.В.* Введение в христианскую психологию: размышления священника-психолога. М.: Школа-Пресс, 1994.
- Нуркова В.В., Василевская К.Н.* Автобиографическая память в трудной жизненной ситуации // Вопр. психол. 2003. № 5. С. 93–102.
- Пако С.* Старение психологических особенностей человека // Основы геронтологии. М.: Учпедгиз, 1960. С. 38–41.
- Посохова С.Т.* Психология адаптирующейся личности: субъектный подход: Дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2001.
- Разумовский О.С., Хазов М.Ю.* Проблема жизнеспособности систем // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 1. С. 3–7.
- Рубанова Е.Ю.* Взаимосвязь психического здоровья личности и субъективной оценки качества жизни: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
- Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Рыльская Е.А.* Методика исследования жизнеспособности человека // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 1. С. 130–138.
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология человека: Введение в психологию субъектности. М.: Школа-Пресс, 1995.
- Слоним А.Д.* Среда и поведение. Формирование адаптивного поведения. Л.: Наука, 1976.
- Старовойтенко Е.Б.* Парадигма жизни в персонологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 1. С. 3–18.
- Толстой А.Н.* Повести и рассказы. М.: Мысль, 1985.
- Ускова Д.Н.* Развитие интерпретирующей способности личности. М.: Социум, 2006.
- Франкл В.* Плюрализм науки и единство человека // Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Фромм Э.* Искусство любви. Минск: ТПЦ «Полифакт», 1990.
- Фромм Э.* Ради любви к жизни. М.: ООО Изд-во «АСТ», 2000.
- Фромм Э.* Человек для себя: Исследование психологических проблем этики. Минск: Коллегиум, 1992.
- Хухлаева О.В.* Психология развития: Молодость, зрелость, старость. М.: Академия, 2006.
- Хэтчер У.С.* Понятие духовности. Киев: МП «Феникс», 1994.
- Чудновский В.Э.* Психологические составляющие оптимального смысла жизни // Вопр. психол. 2003. № 3. С. 3–14.
- Шадриков В.Д.* Духовные способности. М.: Магистр, 1996.
- Шадриков В.Д.* Происхождение человечности. М.: Логос, 1999.
- Шадриков В.Д.* Ментальное развитие человека. М.: Аспект Пресс, 2007.
- Шакуров Р.Х.* Психология смыслов: теория преодоления // Вопр. психол. 2003. № 5. С. 18–33.
- Яценко Е.Ф.* Ценностно-смысловая концепция самоактуализации. Челябинск: Изд-во «ЮУрГУ», 2005.
- Antonovsky A.* Health, stress and coping. San Francisco: Jossey Bass, 1979.
- Carver C.S., Scheier M.F., Veintraub J.K.* Assessing coping strategies: A theoretically based approach // J. Per. and Soc. Psychology. 1989. 56. 267–283.
- Dohrenwend B.S., Dohrenwend B.P., Krasnoff L.* Exemplification of a method for scaling life events: The PERI Life Events

Scale // J. Health and Soc. Behav. 1978. 19. 205–229.

Frankl V. Psychotherapy and existentialism. N.Y.: Washington Press, 1967.

Frye N. Anatomy of Criticism. N.Y.: Princeton University Press, 1957.

Garmenzy N. Foreword. Vulnerable but invisible. N.Y.: McGrawHill, 1980.

Lazarus R.S., Folkman S. Stress appraisal and coping. N.Y.: Washington Press, 1992.

Maddi S.R., Khoshaba D.M. Hardiness and mental health: A prospective study // J. Personality Assessment. 1994. 63. 265–274.

Maslow A. Motivation and personality. N.Y.: Harper and Row, 1970.

Seligman M.E. The optimistic child. N.Y.: Washington Press, 1996.

O'Leary V.E. Strength in the face of adversity: Individual and social thriving // J. Soc. Issues. 1998. 54. 425–447.

*Специальная тема выпуска:
Юбилей В.П. Зинченко*

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ДЕЛ ВЕЛИКОЙ ПЛЕЯДЫ

Л.Л. ЛЮБИМОВ

Любимов Лев Львович — заместитель научного руководителя НИУ ВШЭ, доктор экономических наук, профессор.
Контакты: llubimov@hse.ru

На рубеже XIX–XX вв. Россия «разродилась» большой плеядой мыслителей мирового уровня, каждый из которых создал значительные труды по философии, социологии, праву, филологии, теологии и психологии. Междисциплинарность и энциклопедизм — их отличительная черта. В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Г.И. Челпанов, В.В. Розанов, А.А. Ухтомский, Н.О. Лосский, Б.П. Вышеславцев, Г.Г. Шпет, М.М. Бахтин — неполный список выдающихся российских гуманитариев. Увы, их поглотила большевистская «тьма», выбросив в чужеземье, подвергнув расстрелу, уморив голодом. Очнувшись от этой «тьмы» в конце

XX в., Россия осталась без пастырей наук об обществе и, как слепая, искала заимствований в чужих мыслях, институтах, формах власти и культуре.

Владимир Петрович Зинченко принадлежит к поколению ученых, созревших уже в эпоху холодной войны. Но его отличительные черты — те же, что и у ученых Серебряного века: гуманитарный энциклопедизм, постоянное «блуждание» по стыкам множества наук, где как раз и прячутся инсайты. Для него это «блуждание» по десяткам научных журналов в качестве редактора, члена редколлегии и автора, по фундаментальным изданиям, литературным памятникам; его собственные

книги и статейные труды составили не одну библиотечную полку. Мне не раз приходилось сравнивать его с Н.А. Бердяевым или С.Л. Франком, рекомендуя коллегам и студентам сходить и послушать вживую «последнего из могикан» русской мысли.

Как мог в советское время появиться наследник упомянутых выше ученых? Даже самому злодейскому политическому климату, каким были режимы нацизма и советского коммунизма, не удалось создать в своих странах интеллектуальную пустыню. Достаточно было прожить, протянуть в этом климате десяток лет Г.Г. Шпету, вырасти где-то в тени несколькими титанам мысли, таким как А.Ф. Лосев, Г.П. Щедровицкий, Э.В. Ильенков и М.К. Мамардашвили, как семена их мудрости начинали прорасти и плодоносить. Значит, и сегодня есть надежда. Да, наше население не знает этих имен, потому что ему 80 лет вдалбливали героические имена тех, кто отличился в создании бомбы, пушки, танка или ракеты. Но пройдет время и... «Тьма» уходит и уйдет из России благодаря таким, как В.П. Зинченко.

Читая его работы, я сразу обратил внимание на то, кого больше всего он любит цитировать из классиков литературы. Это было очень поучительное «открытие». Его любимцы — почти сплошь поэты и писатели с фундаментальными знаниями в области философии, социологии, права — П.Я. Чаадаев, Ф.И. Тютчев, О. Манделштам, Б. Пастернак, Н. Гумилев, А. Блок, И. Гете, М. Пруст. У Владимира Петровича есть совместные работы с выдающимся философом минувшего века — М.К. Мамардашвили. Диапазон его соавторов

широк, и все они профессионалы высшего класса.

В НИУ ВШЭ на факультете психологии В.П. Зинченко — опорный интеллектуальный и духовный пилон. В нынешнюю постсоветскую эпоху, когда растерян, пущен по ветру российский университетский этос, Владимир Петрович верен тысячелетним принципам и миссии гильдии академиков — университетской профессуры: творить истину, распространять истину, судить за предательство истины. В этой миссии и состоит статус университета как храма, одним из главных настоятелей которого и является В.П. Зинченко.

Его последние работы по культурно-исторической психологии, по проблемам сознания и творчества — выдающийся и весьма своевременный вклад в начавшиеся попытки развития в России деятельностной школы. Нашей стране не суждено изменить своему прошлому без этой парадигмы общего образования, которая способна формировать личность, понятие и бытийность которой в России всегда отсутствовали; отсутствуют они и поныне. Работы В.П. Зинченко по психологии деятельностной школы создают глубокую основу для обучения этому знанию учительского корпуса. Вместе с тем они написаны увлекательно, литературно мастерски, и их содержание доступно даже старшеклассникам.

Ординарный профессор НИУ ВШЭ В.П. Зинченко прошел через множество научно-должностных ступеней, руководя кафедрами, отделами, научными центрами, институтами, отделением РАО, изданиями словарей. Он открыл в России целые

отрасли психологической науки, взаимодействовал с коллективами философов, инженеров, информационных, оборонщиков. Академик В.П. Зинченко — автор более 400 опубликованных научных работ, в том числе книг, посвященных проблемам детской психологии, психологии восприятия, памяти, деятельности и действия, мышления, теории и методологии психологии, инженер-

ной психологии и эргономики, образования, истории российской психологии. Более 100 работ изданы на английском, немецком, испанском, японском и многих других языках. Его приход в НИУ ВШЭ, где университетский этос сохраняется бережно и твердо, был нашей изначальной мечтой. Она осуществилась, и это стало крупным событием в жизни нашего университета.

**КАФЕДРА ОБЩЕЙ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ ПОЗДРАВЛЯЕТ
ВЛАДИМИРА ПЕТРОВИЧА ЗИНЧЕНКО
С 80-ЛЕТИЕМ**

**ТВОРЧЕСКИЙ АКТ, ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
ТВОРЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ**

Становление факультета психологии в Высшей школе экономики было непосредственно связано с деятельностью Владимира Петровича Зинченко. Лекции курса «Введение в специальность» нашим студентам первого набора были прочитаны приглашенным академиком В.П. Зинченко. Затем в результате нескольких этапов наших робких уговоров в 2004 г. В.П. Зинченко дал согласие стать профессором молодого факультета психологии Высшей школы экономики.

Это событие стало подарком судьбы и для факультета, и для кафедры общей и экспериментальной психологии, на которой Владимир Петрович стал работать в должности профессора. В качестве живого классика отечественной психологии, создавшего общепризнанные труды в самых разных областях — когнитивной и инженерной психологии, детской психологии, психологической педагогике, психологии духовного развития, философской проблематике сущности человека, — он, разумеется, мог быть знаковой фигурой на любой из психологических кафедр. Но именно для кафедры общей и экспе-

риментальной психологии его знания и исследовательский потенциал в области методологии психологической науки, способность видеть и блестяще эксплицировать глубинные связи между психологическими явлениями внешне разных областей и уровней были особенно важны и вошли в ключевые ресурсы развития.

Лекции Владимира Петровича Зинченко, на которые сбегались не только студенты, но и преподаватели и профессора, выявляли широкий научный и культурный контекст истории психологической мысли в духе культурно-исторического подхода. В этих лекциях он осуществлял культурно-исторический экскурс и реконструкцию психологического пространства, существовавшего в первые десятилетия XX столетия, российского Ренессанса, Серебряного века в искусстве, поэзии и, конечно, в психологии. Лекции В.П. Зинченко — симбиоз науки, поэзии, философии, искусства, поскольку они дают возможность размышлять о становлении интеллектуальной элиты российской философии и психологии. Он приводит цитаты из Н. Бердяева, В. Розанова, М. Бахтина, Г. Шпета

и перемежает их стихами Ф. Тютчева, О. Мандельштама, Н. Гумилева, А. Ахматовой, Б. Пастернака и И. Бродского. Поразительна метафоричность языка профессора В.П. Зинченко, его высказываний и названий его трудов: «Блуждание в трех соснах, или тоска по личности», «Поведение в свете (темноте) аффекта и интеллекта», «Опыт думания о думании», «“Человек” человеку о человеке», «Алексей Ухтомский, слушатель жизни духа».

И собственные исследования Владимира Петровича, и его активное участие в обсуждении и генерации новых работ, ведущихся сотрудниками и аспирантами кафедры, создают особую исследовательскую и обучающую атмосферу. Здесь следует подчеркнуть то, что особенно важно для молодых ученых, — способность Владимира Петровича оценить и поддержать новизну предлагаемых идей и подходов при широчайшей эрудиции в области истории психологии, философии, культуры. Не менее важно, с точки зрения развивающего психологического обучения, его глубоко личностное отношение к людям, внесшим свой вклад в психологию в разные периоды ее сложного развития, желание показать достижения этих людей в аспекте научной и личной судьбы.

«Блестящий, интересный и оригинальный преподаватель» — это совершенно справедливое мнение студентов-первокурсников от первых занятий с Владимиром Петровичем Зинченко трансформируется в понимание мудрости учителя у тех,

кто, взрослея, вошел в его научную школу.

При этом одна из важных составляющих его мудрости, о которой нельзя не упомянуть, говоря о Владимире Петровиче, — чувство юмора, понимание смешного и способность показать смешные стороны бытия; его афоризмы распространяются мгновенно, причем не только среди психологов.

Работоспособность Владимира Петровича не удивляет, а кажется естественной для него: при полной преподавательской нагрузке он ведет сразу несколько направлений исследований, руководит студентами и аспирантами, является активным членом ряда научных и административных советов, осуществляет поездки и делает пленарные доклады на российских и международных конференциях в качестве приглашенного докладчика, организует новые журналы международного уровня и т.д. и т.п. Предмет особого интереса коллег — портфель Владимира Петровича, в котором он регулярно приносит десяток-полтора новых книг и журналов — показать, обсудить, дать почитать, а что-то — просто подарить заинтересованному в теме.

И фундаментальные монографии Владимира Петровича Зинченко, среди которых особое место занимает недавно изданная — «Сознание и творческий акт», и работа-общение с коллегами, и даже мимоходом брошенная шутка-афоризм — образцы того, какими должны быть творческий акт, творческая деятельность, творческое существование.

**КАФЕДРА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ
ПОЗДРАВЛЯЕТ
ВЛАДИМИРА ПЕТРОВИЧА ЗИНЧЕНКО
С 80-ЛЕТИЕМ**

СЛОВО О ВЛАДИМИРЕ ПЕТРОВИЧЕ ЗИНЧЕНКО

В этом году российское психологическое сообщество празднует юбилей выдающегося ученого, начавшего свое творчество в середине XX в. и успешно продолжающего его сегодня, профессора, доктора психологических наук, академика РАО, ординарного профессора Высшей школы экономики Владимира Петровича Зинченко.

Творческий путь Владимира Петровича начался на отделении психологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, которое он окончил в 1953 г. Следует подчеркнуть, что Владимир Петрович — яркий представитель целой династии психологов: сын члена-корреспондента АПН СССР Петра Ивановича Зинченко, брат профессора ЛГУ Татьяны Петровны Зинченко, отец доктора психологии Александра Владимировича Зинченко. И.Н. Семенов называет его связующим столпом поколений этой династии.

Вклад Владимира Петровича в психологическую науку не оценим и чрезвычайно значителен. На протя-

жении научной деятельности он создал выдающиеся труды в области общей психологии, психологии труда, инженерной психологии, эргономики, а в последние годы — в области методологии и философии науки. Без преувеличения можно сказать, что на трудах Владимира Петровича выросло не одно поколение российских психологов. Его работы лежат в основе нашего профессионального мировоззрения и формируют самобытность отечественной психологической науки. Тот факт, что Владимир Петрович продолжает активную научную и преподавательскую деятельность на факультете психологии Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, позволяет надеяться, что традиции отечественной психологической школы не будут утрачены.

Коллектив кафедры организационной психологии НИУ ВШЭ от всей души поздравляет Владимира Петровича с юбилеем и желает ему здоровья и долгих лет активной творческой жизни.

КАФЕДРА ПСИХОФИЗИОЛОГИИ ПОЗДРАВЛЯЕТ ВЛАДИМИРА ПЕТРОВИЧА ЗИНЧЕНКО С 80-ЛЕТИЕМ

Владимир Петрович родился 10 августа 1931 г. в Харькове в семье крупного психолога и мудрого человека Петра Ивановича Зинченко. Самой судьбой ему было предназначено стать психологом, и он стал им! Сейчас он профессор, академик РАО и... Перечисление его званий, наград, советов, в которые он входит и которые возглавляет, занимает несколько десятков строк!

В 1951 г. Владимир Петрович стал учителем психологии и логики в средней школе в Москве, хотя сам был тогда еще студентом отделения психологии философского факультета МГУ; в 1953 г. он это отделение окончил. В то время ни одного факультета психологии в СССР не было, готовили всего 15–20 человек в год, но какие это были психологи и какие у них были учителя! Все те, кто для нас — великие мэтры психологии и философии, для Владимира Петровича — сотрудники, коллеги, а многие и друзья дома. И он о них замечательно рассказывает! Вот и совсем недавно на 3-й Всероссийской конференции «Психология индивидуальности», прошедшей на факультете психологии НИУ ВШЭ в конце прошлого года, Владимир Петрович прочел вечернюю лекцию, во время которой рассказал о многих выдающихся российских психологах. Слушатели до предела заполнили самую большую аудиторию фа-

культета. Рассказ Владимира Петровича получился очень насыщенным и при этом чрезвычайно личностным и эмоциональным.

Научные интересы Владимира Петровича необыкновенно широки: от предельно точной и практичной инженерной психологии (она и начиналась в нашей стране с его работ) до самых высоких методологических и теоретико-философских обобщений, некоторые из них сделаны в соавторстве с лучшими нашими философами — М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицким, Э.В. Ильенковым, А.А. Зиновьевым, А.М. Пятигорским, В.А. Лекторским, Э.Г. Юдиным и др. Среди почти 500 научных публикаций юбиляра можно найти работы, посвященные самым разным темам: и тонким, сложным когнитивным и психофизиологическим экспериментам, и гуманитарным проблемам культурно-исторической психологии. У многих людей независимо от их специальности первое знакомство с психологией произошло благодаря его статье в «Детской энциклопедии». А практически для всех психологов настольной книгой является «Большой психологический словарь», созданный Владимиром Петровичем совместно с Б.Г. Мещеряковым. В XXI в. Владимир Петрович старается вернуть в научную психологию утерянные ею понятия души и духа, а саму психологию

вернуть в контекст культуры. В новой монографии «Сознание и творческий акт», которая вышла в этом году, он рассматривает сложнейшую проблему психологии — проблему сознания.

Научные труды Владимира Петровича читать не просто, но интересно. Возникает чувство приобщения к настоящей серьезной психологии, это требует от читателя мыслительной работы, а не просто скольжения по строчкам. Работы Владимира Петровича позволяют взглянуть с непривычной стороны на работы известных ученых — Л.С. Выготского, Дж. Брунера, П.Я. Гальперина, Ж. Пиаже, А.А. Ухтомского и многих других, поскольку он анализирует самые основания психологической науки в переплетении с культурой, литературой, искусством.

С 1960 г. Владимир Петрович работает на факультете психологии МГУ, он яркий и неутомимый преподаватель. В 1968 г. он стал профессором, в то время самым молодым профессором факультета психологии МГУ, где кафедры возглавляли тогда А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, Е.Н. Соколов, Б.Ф. Зейгарник — самые известные люди советской психологической науки. Там в 1970 г. он организовал и возглавил первую в нашей стране кафедру психологии труда и инженерной психологии. Почти все специалисты в этой области в нашей стране подготовлены либо на этой кафедре, либо на кафедре эргономики МИРЭА, которую тоже создал Владимир Петрович в 1984 г., либо учились у тех, кто сам учился на этих кафедрах.

В наше время, когда техника становится все сложнее, а от работающего с ней человека зависит все

больше, инженерная психология и ее естественно-научная основа — психофизиология — играют все большую роль в создании безопасных и комфортных условий труда и жизни людей. Владимир Петрович много сделал и делает для развития этих отраслей психологии. В 1969–1984 гг. он заведовал отделом эргономики ВНИИ технической эстетики ГКНТ СССР. В отделе работали люди разных специальностей: психологи, инженеры, врачи, биологи. Для проведения экспериментальных исследований была создана уникальная лаборатория, оснащенная по последнему слову тогдашней техники. Электрофизиологическое оборудование позволяло регистрировать движения глаз, ЭЭГ, вегетативные показатели. Особая проекционная система показывала изображения не только в разных частях большого экрана, но и создавала иллюзию перемещения объекта в трехмерном пространстве. За красоту и техническое совершенство, граничащее с искусством, сотрудники называли эту комнату «греческим залом». В отделе проводились и интересные методологические семинары при участии не только экспериментаторов, но и философов — методологов Э.Г. Юдина и В.А. Лекторского. За 15 лет было выпущено около 40 сборников по теоретическим, экспериментальным и практическим вопросам эргономики и создан объемный справочник по эргономике и инженерной психологии. Кроме того, Владимир Петрович совместно В.М. Муниповым написал в то время первый в стране учебник «Основы эргономики». До сих пор ВНИИТЭ — одно из ведущих учреждений страны в данной области.

Всего Владимир Петрович создал и возглавлял пять кафедр и лабораторий в разных вузах страны, которые успешно работают по сей день. А как замечательно он читает лекции — это известно всем, кто их слушал. А слушали его не только студенты МГУ, ВШЭ, МИРЭА, университетов в Дубне и Самаре, где он заведовал кафедрами, но и педагоги, ученые и студенты в разных городах нашей страны от Риги до Биробиджана и Сочи, а также в университетах США, Кубы, Японии, многих стран Европы. Таким образом, сотни и даже тысячи человек могут называть себя учениками Владимира Петровича Зинченко, не говоря уже о тех пятидесяти, которые защитили под его руководством диссертации.

Два года назад Владимир Петрович возродил и возглавил кафедру психофизиологии факультета психологии ВШЭ. Формально кафедра существовала и раньше, но у нее полностью сменился состав преподавателей, так что начинать приходилось практически с нуля. Владимир Петрович пригласил сотрудников кафедры высшей нервной деятельности биологического факультета МГУ — одной из старейших и крупнейших в нашей стране университетских кафедр, направленных на исследование мозга и поведения. Это позволило чрезвычайно быстро развернуть учебную работу с минимальными потерями для учебного процесса на факультете, так как пришли опытные преподаватели с практически готовыми курсами дисциплин, читаемых кафедрой.

Под контролем и опекой Владимира Петровича столь же быстро начала развиваться научная деятель-

ность кафедры. Владимир Петрович, имея за плечами огромный опыт экспериментальной работы в таких областях, как инженерная психология и эргономика, и прекрасно понимая, что психофизиология как наука невозможна без современного научного оборудования, принял самое активное участие в обеспечении кафедры столь необходимыми ей приборами. И научная работа пошла, и есть уже первые публикации, полученные непосредственно в стенах кафедры психофизиологии. Причем вся научная работа проводится при непосредственном участии большого количества студентов. При поддержке Владимира Петровича в текущем году на базе кафедры психофизиологии создана научно-учебная группа когнитивной психофизиологии, что открывает широкие перспективы для научной работы на кафедре.

Основная задача университета — обучать студентов, причем обучать хорошо, на современном уровне науки, давать живые и доступные знания. С помощью нового оборудования, полученного кафедрой благодаря усилиям Владимира Петровича, налажены чрезвычайно насыщенные практические занятия для студентов в рамках дисциплины «Психофизиология». По отзывам студентов, занятия яркие и запоминающиеся; особенно их поразила возможность работать своими руками и видеть реальные, «материальные» проявления своей собственной психики в виде зримых и измеримых психофизиологических показателей. Вскоре этот практикум будет значительно расширен в рамках дисциплины по выбору «Прикладная психофизиология». Именно благодаря Владимиру

Петровичу удалось преодолеть целый ряд преград и впервые организовать для студентов факультета психологии НИУ ВШЭ очень емкий курс практических занятий на магнитоэнцефалографе в Центре нейрокогнитивных исследований (МЭГ-центре), созданном недавно при МГППУ. Следует сказать, что, по мнению многих специалистов, магнитоэнцефалограф — это самый лучший, самый технически продвинутый и самый желанный инструмент в руках психофизиолога. Именно он позволяет увидеть работу мозга, сопутствующую психическим процессам, с невиданным сочетанием временного и пространственного разрешения. Студенты находились под большим впечатлением от этой практики — их поразили «космический» высокотехнологичный антураж лаборатории, атмосфера современной науки и возможность узнать о работе мозга и психики массу нового и интересного.

Владимир Петрович с присущим ему чувством юмора временами подтрунивает над нами, говоря, что мы собираемся «измерить душу». Многочисленные беседы на эту тему с

Владимиром Петровичем, его доклады и просто общение с ним заставили нас по-новому пересмотреть для себя как связь между психикой и телом, так и историю научной дружбы и недружбы между психологами и физиологами. Размышления, к которым подтолкнул нас Владимир Петрович, вылились в написание статьи¹. Кстати, именно по инициативе Владимира Петровича этот номер журнала стал тематическим, посвященным психофизиологии. Были приглашены ведущие специалисты-психофизиологи, которые откликнулись и опубликовали в этом номере статьи по современным направлениям психофизиологии. Подобная интеграция наук о психике и наук о мозге в стенах факультета психологии представляется нам чрезвычайно важной, так как, по нашему глубокому убеждению, именно взаимообогащающая интеграция психологии и физиологии способна на современном этапе дать мощный толчок к развитию обеих наук.

Пожелаем уважаемому Владимиру Петровичу крепкого здоровья и долгой активной творческой жизни!

¹ Чернышев Б.В., Чернышева Е.Г. Методологические и концептуальные противоречия между психологией и физиологией // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8. № 1. С. 62–77.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-РЕФЛЕКСИВНАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.П. ЗИНЧЕНКО

И.Н. СЕМЕНОВ

Семенов Игорь Никитович — профессор факультета психологии НИУ ВШЭ, доктор психологических наук, лауреат Премии Президента РФ в области образования.

Сфера интересов — психология мышления, рефлексии, сознания, индивидуальности, профессиональной деятельности, творчества.

Основные труды: «Тенденции развития психологии мышления, рефлексии и познавательной активности» (2000), «Исследование экзистенциальной рефлексии в проблемно-конфликтных ситуациях» (в соавт., 2002), «Проектно-исследовательский подход в рефлексивной психологии инновационного образования» (в соавт., 2011), «Рефлексивно-организационная психология» (в соавт., 2011).

Контакты: i_samenov@mail.ru

Резюме

В статье предлагается культурно-историческая периодизация жизнедеятельности В.П. Зинченко, дается целостный абрис панорамы его познавательных интересов и показывается разнообразный вклад в современную науку и культуру. При этом выделяются и систематизируются основные аспекты научного творчества В.П. Зинченко, суть которого определяется как энциклопедизм ренессансного типа. На фоне анализа человекознания рубежа XX–XXI вв. характеризуется созданная им оригинальная философско-психологическая система и ее конкретизация в виде развития общепсихологической теории деятельности и построения системно-психологических концепций взаимодействия образа и действия, интеллекта и аффекта, сознания и рефлексии, интуиции и творчества. Показано присущее научной деятельности В.П. Зинченко единство фундаментальных исследований и их практической реализации в сфере психологического обеспечения развития системотехники и управления, эргономики и дизайна, педагогики и образования, литературы и культуры.

Ключевые слова: *человекознание, психология, Зинченко В.П., жизнетворчество, образ, деятельность, сознание, рефлексия, интуиция, культура.*

Введение:
О рефлексивно-персонологическом подходе к анализу жизнотворчества индивидуальности

Одной из новаций современного человекознания является выдвижение стратегии построения персонологии в целях психологического исследования целостной личности как субъекта жизнедеятельности во всей полноте его самобытного бытия и системного проявления индивидуальных свойств. Согласно В.П. Зинченко (2010), рефлексия во многом определяет целостность сознания человека. Действительно, ключевым механизмом, конституирующим эту целостность служит экзистенциальная рефлексия (Аникина и др., 2002), осуществляющая не только осознание и переосмысление личностью перипетий своего жизненного пути в ситуациях поведения и деятельности, но также целеобразование, самоотношение и самоопределение субъекта в процессе его личностно-профессиональной самореализации в социокультурном пространстве (Семенов, 2011).

Наиболее ярко персонологическая и экзистенциально-рефлексивная феноменология проявляется в прецедентах жизнедеятельности творческих личностей, комплексное изучение которых требует междисциплинарного взаимодействия персонологии с психологией: личности и индивидуальности, сознания и деятельности, рефлексии и творчества. С учетом опыта наших историко-персонологических исследований психологии индивидуальности ученых, философов, писателей (Семенов, 2006а, 2009а) обратимся к социокультурному и экзи-

стенциально-рефлексивному анализу персонологии жизнотворчества и содержания профессиональной деятельности нашего современника, крупного ученого, креативной личности и яркой индивидуальности — Владимира Петровича Зинченко, 80-летний юбилей которого отмечается ныне научной общественностью.

О становлении ученого на перекрестке научных школ, традиций и новаций

Плодотворную, но недооцененную роль в развитии науки, техники, культуры играют коллективно-распределенные субъекты совместного творчества: литературные, философские и научные школы; художественные, исследовательские и конструкторские группы; ценностные, эстетические, стилевые, предметные и методологические традиции; а также новаторские объединения энтузиастов (в образовании, науке, технике, искусстве) и семейно-профессиональные династии, в экзистенциально-рефлексивном лоне которых формируются творческие индивидуальности (причем явно опровергая расхожий трюизм о том, что природа якобы отдыхает на детях талантливых отцов). Тому тьма ярких примеров в истории культуры и науки: вспомним династии композиторов Бахов; художников Бенуа; писателей Дюма; философов Дж. и Дж.Ст. Милль; физиков М. и И. Кюри, П.Л. и Л.П. Капицы; микробиологов Г.К. и К.Г. Скрябиных; эволюциониста Ч. Дарвина и его близкого родственника психолога Ф. Гальтона.

Полуторастолетняя (со времен И.М. Сеченова, А.А. Потемни, В.М. Бехтерева) история поступательного

развития российской психологии не только характеризуется в эпистемически-продуктивном плане фундаментальными и прикладными достижениями, оригинальными концепциями и методами, но и знаменуется в экзистенциально-персоналогическом плане яркими творческими индивидуальностями, а порой и выдающимися научными династиями: Л.С., Г.Л. Выготские-Кравцовы; А.Н., А.А., Д.А. Леонтьевы; А.В. и В.А. Петровские; А.В. и В.А. Барабанщиковы; Л.И., Е.Д. Божовичи; Л.А. и А.Л. Венгеры; М.П. и Л.М. Коробейниковы-Митины, Т.В. и В.Т. Кудрявцевы; Т.Н. и Д.В. Ушаковы, Н.Н. и А.Н. Поддьяковы и др.

Пожалуй, одной из наиболее разветвленных среди них является династия П.И., В.П., Т.П., А.В. Зинченко — научное творчество трех поколений прогрессирует в XX–XXI вв. сначала на Украине (Петр Иванович в Харькове), затем в России (Владимир Петрович в Москве, Татьяна Петровна в Петербурге) и теперь (Александр Владимирович) в США, являясь наглядным воплощением интернациональных и междисциплинарных взаимосвязей ученых-психологов в современном глобализирующемся обществе знаний. Связующим столпом поколений этой династии является яркая, самобытная, многогранная творческая личность академика РАО Владимира Петровича Зинченко — сына преподавательницы психологии в консерватории и члена-корреспондента АПН РСФСР Петра Ивановича Зинченко, брата профессора ЛГУ Татьяны Петровны Зинченко, отца доктора психологии Александра Владимировича Зинченко и супруга психолога Натальи Дмитриевны Гордеевой.

Их научную деятельность объединяет не только схожий фундаментально-прикладной интерес, прежде всего, к когнитивной сфере психики: П.И. Зинченко (1961) — к проблемам памяти, В.П. Зинченко (1958, 1997), Т.П. Зинченко (2000), Н.Д. Гордеева (2001) — восприятия, действия, памяти, внимания и оперативного мышления, а А.В. Зинченко (2009) в духе времени комплексно изучает когнитивное развитие личности в психотерапевтических практиках (см.: Зинченко, 2010, с. 272–274), но также сходные исследовательские интересы и общие концептуально-методологические подходы. Эти принципиальные позиции восходят к традициям и новациям крупных отечественных научных школ: культурно-исторической психологии Л.С. Выготского — А.Р. Лурии и новаторски развивавших ее идеи харьковской школы психологии деятельности и действия А.Н. Леонтьева — П.Я. Гальперина и московской школы детской психологии А.В. Запорожца — Д.Б. Эльконина (ее потом в разных направлениях продуктивно развивали В.В. Давыдов и В.П. Зинченко, которые в многолетнем творческом содружестве тесно взаимодействовали не только с психологами, но и с философами: Э.В. Ильенковым, В.А. Лекторским, В.А. Лефевром, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорским, В.Л. Рабиновичем, В.С. Швыревым, Г.П. Щедровицким, Э.Г. Юдиным и др.).

Всех этих выдающихся психологов В.П. Зинченко хорошо знал (кроме Л.С. Выготского) с юности лично и считал их своими главными учителями. Ибо они являлись не только носителями мощных психологических

традиций, но и авторами оригинальных психологических новаций, которые рождались и рефлексировались порой непосредственно в присутствии В.П. Зинченко в 1940–1960-е гг.: на домашних творческих семинарах, в университетских лекциях и на заседаниях кафедр и Ученого совета отделения психологии философского факультета МГУ. Среди этих корифеев отечественной психологической мысли наибольшее влияние на формирование молодого психолога В.П. Зинченко оказали его непосредственный учитель, выдающийся психолог и педагог академик АПН РСФСР А.В. Запорожец (в лаборатории и в семье которого он систематически обсуждал проблемы своих первых экспериментальных и теоретических исследований), а также креативно-развивающая среда интеллектуального общения как с уже состоявшимися, так и с начинающими молодыми учеными — психологами и философами.

О периодизации и энциклопедической панораме научного творчества В.П. Зинченко

Разнообразие научных интересов и параллельных изысканий, присутствующих всей многогранной жизнедеятельности В.П. Зинченко, ставит перед рефлексирующим ее перипетии историком науки сложную, практически трудновыполнимую задачу схемной периодизации его творчества как целостного способа рефлексивно-персонологической характеристики его вклада в науку. Пожалуй, с аналогичной сложностью мы столкнулись разве что при рефлексивно-персонологическом анализе и

экзистенциально-социокультурной реконструкции жизнедеятельности выдающегося ученого-энциклопедиста, российского психофизиолога Серебряного века русской культуры рубежа XIX–XX вв. Н.Я. Пэрна (1925), соратника академиков-физиологов Н.Е. Введенского и А.А. Ухтомского, творчество которого столь же многогранно и полипредметно (см.: Деркач и др., 2005), сколь саморефлексивно и методологично, как и у В.П. Зинченко (1995, 2004).

Исходя из анализа пройденного им пути и выделения в нем ключевых вех жизнедеятельности можно дифференцировать в ней следующие основные периоды.

На первом этапе рубежа 1940–1950-х гг. В.П. Зинченко получает психологическое образование и первые навыки научно-исследовательской деятельности на психологическом отделении философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

На втором — в 1950-е гг. — параллельно в МГУ и Институте дошкольного воспитания АПН РСФСР ведет исследования по генезу психологии зрительного восприятия и по детской психологии.

На третьем — на рубеже 1950–1960-х гг. — он в МГУ осуществляет свои фундаментальные общепсихологические исследования по восприятию, памяти и действию в контексте прикладной проблематики инженерной психологии.

На четвертом — на рубеже 1960–1970-х гг. — он обогащает в МГУ инженерно-психологические исследования познавательной и исполнительной деятельности междисциплинарными

прикладными изысканиями и переходит в ВНИИТЭ к проектно-моделирующим разработкам в сфере новой дисциплины интегративного типа — эргономики.

На пятом этапе — в 1970–1980-е гг. — он развивает в МГУ и совместно с В.М. Муниповым в ВНИИТЭ изучение эргономической проблематики в ее взаимодействии с дизайном (технической эстетикой) с опорой на методологию системно-деятельностного подхода к проектированию средств отображения информации и органов управления систем «человек — машина — средства труда — производственная среда» и инженерно-психологическому обеспечению принятия решений в системах управления.

На шестом этапе — на рубеже 1980–1990-х гг. — он участвует в организационно-содержательной перестройке АПН СССР в РАО РФ и координирует с А.В. Петровским и В.В. Давыдовым взаимодействие психологии с педагогикой и возрастной физиологией в социокультурном контексте строительства новой демократической российской государственности.

На седьмом этапе — на рубеже 1990–2000-х гг. — он осуществляет научную и преподавательскую деятельность в Международном университете в городе физиков-ядерщиков Дубне и ведет свои теоретические исследования во взаимодействии с естествознанием и гуманитаристикой, будучи профессором психологии Самарского университета.

На восьмом этапе — в 2000-е гг. — он ведет свою теоретическую и преподавательскую деятельность на факультете психологии Национального исследовательского университета —

Высшая школа экономики в социокультурном контексте взаимодействия общей психологии и психофизиологии с социоэкономическими и гуманитарными науками.

Однако нельзя не отметить, что в представленную здесь схему периодизации основных этапов жизнедеятельности В.П. Зинченко весьма трудно органично вместить и достаточно полно охарактеризовать все разнообразное содержание его научного творчества — настолько оно полифонично по тематике, многогранно по жанру исследований и своеобразно по форме обобщения их результатов. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить и рефлексивно эксплицировать содержательные и стилевые различия двух обобщающих — и при этом весьма разных по тематике — монографий В.П. Зинченко, итоговых для его научной деятельности: в 1990-е гг. «Образ и деятельность» (1997а) и в 2000-е «Сознание и творческий акт» (2010).

Важно подчеркнуть, что на различных этапах весьма существенной для В.П. Зинченко была разработка тематического ядра его творчества — в виде сквозных для всей его научно-энциклопедической деятельности проблем: философского, методологического, общенаучного, историко-научного, общепсихологического, онтогенетического, инженерно-психологического, эргономического, психолого-педагогического, художественно-эстетического, литературно-критического, социокультурного и публицистического характера. Одной из таких первых (наряду с восприятием и действием) по времени стала для В.П. Зинченко фундаментальная разработка общепсихологической проблематики деятельности,

изучавшейся им с позиций психологической теории деятельности, физиологии активности и культурно-исторической психологии в социокультурном контексте развития таких новых областей прикладного знания, как системотехника, дизайн (техническая эстетика) и эргономика.

**О психолого-эргономической
концепции познавательной
и исполнительной деятельности
В.П. Зинченко**

За продуктивной эволюцией разработки концепции деятельности в трудах В.П. Зинченко научная общественность философов, психологов, физиологов и эргономистов следила по его многочисленным публикациям, отражавшим прогресс общепсихологического и инженерно-психологического знания. Мне же как историку и методологу науки (философских школ Н.Г. Алексеева, Г.П. Щедровицкого, Э.Г. Юдина), а также исследователю психологии мышления и творчества (научных школ П.Я. Гальперина, Я.А. Пономарева, М.Г. Ярошевского) — довелось непосредственно наблюдать за эвристическим развитием деятельностной концепции В.П. Зинченко изнутри: в качестве его многолетнего сотрудника. Если спроецировать экзистенциально-персонологическую рефлексию творчества В.П. Зинченко на периодизацию его научного пути, то источником ее феноменологии для меня служит не только анализ предметно-публикационного ряда его многочисленных трудов, но и личное включенное наблюдение в различные ситуации развития социокультурной деятельности их ав-

тора. Ибо в течение почти полувека мне пришлось не только лично встречаться с В.П. Зинченко с начала 1960-х гг., но и тесно взаимодействовать с ним на протяжении четвертого, пятого, шестого и восьмого обозначенных выше периодов его жизнедеятельности.

Так, на четвертом ее этапе в середине 1960-х гг., будучи пытливым студентом МГУ и лаборантом одной из исследовательских групп инженерно-психологической лаборатории, я с интересом посещал на психологическом отделении философского факультета МГУ захватывающие доклады и впечатляющие лекции яркого молодого ученого, энтузиаста общей, возрастной и инженерной психологии В.П. Зинченко, который вскоре при поддержке декана академика АПН РСФСР А.Н. Леонтьева организовал одноименную кафедру на возникшем в 1966 г. факультете психологии.

Позднее, на пятом этапе, мне довелось работать в 1975–1984 гг. под непосредственным началом В.П. Зинченко в возглавлявшемся им отделе эргономики ВНИИ технической эстетики, куда вместе с Н.Г. Алексеевым я был приглашен видным российским философом и системным методологом Э.Г. Юдиным в лабораторию методологии деятельности, организованную им при поддержке В.П. Зинченко и заместителя директора по науке ВНИИТЭ В.М. Мунипова.

Ассимилируя достижения отечественных концепций психологии деятельности (К.А. Абульханова, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, А.В. Запорожец, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.В. Петровский,

С.Л. Рубинштейн, В.Д. Шадриков, Д.Б. Эльконин, М.Г. Ярошевский и др.) и отталкиваясь — часто критически, порой творчески — от ее философско-методологических трактовок (Г.С. Батищев, Э.В. Ильенков, В.А. Лекторский, М.С. Каган, В.С. Швырев, Г.П. Щедровицкий), Э.Г. Юдин с культурно-исторических и системно-методологических позиций выдвинул программу междисциплинарного изучения структуры и способов деятельности в прикладных контекстах ее социокультурного анализа психологического исследования, эргономического проектирования и дизайнерских разработок.

Эта программа начала реализовываться в 1975 г. в лаборатории Э.Г. Юдина (перед самой его внезапной безвременной кончиной) учеными-эргономистами (В.М. Мунипов, В.М. Гордон) в содружестве с философами (В.А. Лекторский, А.П. Огурцов, В.С. Швырев, Н.С. Юлина и др.) и психологами (Н.Г. Алексеев, В.В. Давыдов, В.П. Зинченко, И.Н. Семенов и др.) в коллективной монографии «Методологические проблемы исследования деятельности», опубликованной в качестве 10-го выпуска в серии «Труды ВНИИТЭ». Поскольку соавторами этой книги были видные философы весьма передовых (для самого разгара брежневской эпохи застоя) взглядов, а сам ее инициатор Э.Г. Юдин был на рубеже 1950–1960-х гг. безвинно репрессирован за демократические взгляды на развитие философии (см. послесловие Б.Г. Юдина ко 2-му изданию книги его брата), то она все же вышла в свет в начале 1976 г. лишь благодаря научной принципиальности и дипломатическим усилиям ответ-

ственного редактора этой книги, заведующего кафедрой психологии труда и инженерной психологии, профессора МГУ и заведующего отделом эргономики ВНИИТЭ В.П. Зинченко. По его с В.М. Муниповым ответственным поручениям мне пришлось челночно возить рукопись этой дискуссионной и новаторской по тем временам книги для паллиативного редактирования и идеологического согласования по экспертам, цензорам и инстанциям. В результате тогда все-таки удалось добиться публикации этой книги при поддержке научных друзей покойного Э.Г. Юдина во главе с В.П. Зинченко и В.В. Давыдовым.

Согласно появившимся в отечественных журналах «Вопросы философии» и «Техническая эстетика» рецензиям, эта книга явилась существенным продвижением в междисциплинарной разработке философской, эстетической, методологической, социологической, психологической, эргономической проблематики деятельности, о чем также свидетельствует изданный вскоре в США перевод ряда ее разделов. Наряду с другой книгой В.П. Зинченко и В.М. Мунипова «Методологические проблемы эргономики» (М.: Знание, 1974) эта коллективная монография стала первым шагом в систематическом изучении методологических проблем эргономики. Оно было развернуто в ВНИИТЭ при поддержке В.П. Зинченко и В.М. Мунипова в организованной Н.Г. Алексеевым группе методологических проблем эргономики, возглавлявшейся мною в 1976–1984 гг. По их заданию эта группа (Н.Г. Алексеев, В.К. Зарецкий, Н.Б. Ковалева, И.Н. Семенов,

А.Б. Шеин и др.) стала разрабатывать методологические средства системного анализа проблем эргономики, в том числе проектирования, исследования и оптимизации познавательной и исполнительской деятельности в процессе принятия оперативных решений (см.: Труды ВНИИТЭ, вып. 17, 20, 23, 26).

Параллельно изучению этой методологической проблематики мною в отделе эргономики ВНИИТЭ завершалось начатое еще в МГУ (под руководством П.Я. Гальперина на кафедре Н.Ф. Талызиной) и продолженное в Институте истории естествознания и техники АН СССР (под руководством Н.Г. Алексеева и М.Г. Ярошевского) теоретико-экспериментальное исследование новой, считавшейся в то время довольно экзотичной проблемы рефлексивной организации творческого мышления. Наша первая работа (Семенов и др., 1977), специально посвященная изучению рефлексивного аспекта принятия решений, была взята В.П. Зинченко в 14-й выпуск трудов ВНИИТЭ по эргономике, опубликованный под его редакцией. Несмотря на то что я связывал разработку этой проблемы со считавшимися тогда «одиозными» трудами эмигранта В.А. Лефевра и философского «изгоя» Г.П. Щедровицкого, В.П. Зинченко — в силу присущей ему широты научных интересов и смелости своих гражданских взглядов — поддержал своим научным авторитетом эту работу и создал благоприятные производственные условия для завершения мной кандидатской диссертации, за что я ему глубоко благодарен.

На рубеже 1970–1980-х гг. наша группа разрабатывала теоретиче-

ские проблемы и методологические средства эргономики, издав ряд сборников и пособие «Эргономика в определениях» (М.: ВНИИТЭ, 1980) под редакцией В.П. Зинченко и В.М. Мунипова. При этом группа энергично участвовала в создании и реализации инновационного и масштабного для того времени международного проекта — разработке во ВНИИТЭ по линии сотрудничества с учеными стран Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) фундаментального руководства «Эргономика: Принципы и рекомендации», опубликованного первым (1981) и вторым дополненным (1983) изданием под редакцией В.П. Зинченко и В.М. Мунипова. Методологическое обеспечение этого руководства и дальнейшего развития эргономики как становящейся научной дисциплины интегративного типа привело к оформлению созданной Э.Г. Юдиным и Н.Г. Алексеевым при поддержке В.П. Зинченко и В.М. Мунипова Останкинской методологической школы (см. о ней: Семенов, 1992) системного психолого-эргономического анализа концептуальных схем деятельности поиска и принятия решений (см.: Алексеев и др., 1991; Алексеев и др., 1983; Бошев и др., 1981; Мунипов и др., 1979; Юдин Э.Г., 1978; Юдин Б.Г., 1986 и др.).

Отправным пунктом для системно-методологического изучения этой научной школы междисциплинарной проблематики деятельности послужили, с одной стороны, критика на руководимом Э.Г. Юдиным семинаре абстрактной системно-диалектической трактовки деятельности М.С. Кагана и социотехнической теории нормативно-внесубъектной

деятельности Г.П. Щедровицкого (см.: Зинченко, 2004), а с другой — анализ и обобщение в нашей лаборатории общепсихологической концепции деятельности А.Н. Леонтьева и ее дальнейшее теоретико-методическое развитие В.П. Зинченко в его концепции взаимодействия познавательной и исполнительной деятельности. Согласно этой концепции, В.П. Зинченко теоретически расширил теорию деятельности А.Н. Леонтьева, введя в ее структуру такой новый компонент, как функциональные блоки, причем на основе не только результатов собственных экспериментальных исследований, но и на базе достижений физиологии активности Н.А. Бернштейна. Рефлексируя результаты экспериментального исследования этого компонента в дальнейшем при изучении проблематики творческого акта, В.П. Зинченко характеризует его следующим образом: «Функциональные блоки (они же уровни) обработки информации, подобно функциональным органам, существуют виртуально, они актуализируются по мере необходимости при возникновении поведенческих или других задач. Они могут быть организованы иерархически. Возможна и гетерархия, которая может представлять собой своего рода когнитивный пул, т.е. не последовательное, а параллельное сочетание сил, направленных на решение задачи» (Зинченко, 2010, с. 231).

Построение этой новой общепсихологической концептуальной схемы оперативной деятельности оказалось возможным благодаря созданию В.П. Зинченко оригинальных методов микроструктурного, микро-

генетического и микродинамического анализа познавательной (восприятие, память, внимание) и исполнительной деятельности (оперативные действия, информационная подготовка и принятие решений), а также фундированному экспериментальному исследованию ее механизмов в прикладном контексте не только инженерно-психологических разработок и эргономического проектирования, но также продуктивно-эстетического восприятия и визуально-художественного мышления.

Большинство результатов этих исследований научной школы В.П. Зинченко публиковалось им и его сотрудниками в изданиях факультета психологии МГУ, а также в научных трудах и методических руководствах ВНИИТЭ, где он десятилетиями был ответственным редактором двух научных серийных изданий: «Эргономика. Труды ВНИИТЭ» и «Эргономика. Принципы и рекомендации». В целом все это составило концептуально-дидактический базис для создания ряда учебных пособий в целях совершенствования преподавания общей, инженерной психологии и психологии труда в МГУ и МИРЭА, а также теоретико-методологическую базу для научного обеспечения во ВНИИТЭ прикладных инженерно-психологических исследований и развертывания системотехнических проектов и стандартов в таких новых интегративных научно-практических областях, как эргономика и дизайн. Если проблематика деятельности доминировала в первой половине жизнетворчества В.П. Зинченко, то, не изменяя ей, во второй его половине он в большей

степени обобщал свои исследования сознания и творчества, что в результате привело его размышления фактически к созданию (2010) оригинальной философско-психологической системы.

О философско-психологической системе В.П. Зинченко

Общим вектором логики развития жизнетворчества В.П. Зинченко является прогресс его научно-профессионального сознания от анализа частных, эмпирически наблюдаемых и экспериментально исследуемых психических процессов (движения, восприятия, памяти, внимания) через освоение высших творческих образцов эстетической и интеллектуальной культуры к построению оригинальной философско-психологической системы, обобщающей собственные теоретико-экспериментальные результаты и интегрирующей достижения отечественной и мировой мысли в области человекознания. Рефлексируя жанр и стиль своей итоговой книги, В.П. Зинченко отмечает, что в ней «была сделана попытка осмыслить и соединить философские, поэтические, психологические и психоаналитические представления о познании и действии, значении и смысле, интуиции и рефлексии, аффекте и переживании. Все это богатство соединяется в мгновенных актах мысли, происходящих в зазорах длящегося опыта. Движение по этому пути (к неклассическим формам рациональности. – *И.С.*), возможно, приведет нас к пониманию микроструктуры и микродинамики творческого акта» (Зинченко, 2010, с. 557).

Эволюция научной деятельности В.П. Зинченко (1958) началась с конкретных экспериментов по зрительному восприятию, выяснению роли в нем движений руки и глаза, что трансформировалось в изучение фундаментальной проблемы формирования образа. Ее онтогенетическое и общепсихологическое теоретико-экспериментальное исследование привело не только к комплексному микроструктурному и микродинамическому изучению системного взаимодействия двигательной и когнитивной активности человека, но и к прикладному инженерно-психологическому анализу, эргономическому моделированию и дизайнерскому проектированию его познавательной и исполнительской деятельности, а позднее — к разработке психологических основ оригинальной педагогики «живого знания» (Зинченко, 1998) и созданию философско-психологической системы рефлексирующего сознания и интуитивно-творческого акта.

Социокультурными предпосылками для всех этих инноваций В.П. Зинченко послужили не только рациональная ассимиляция им и оригинальное развитие конструктивных научных подходов (культурно-исторического, деятельностно-формирующего, когнитивно-системного в психологии, в физиологии — полифункционального изучения доминанты и активности в естествознании) и достижений философско-методологической мысли (Зинченко, 2004), но также эстетическое освоение и экзистенциальная рефлексия высших творческих образцов русской и мировой художественной культуры в сфере поэзии, прозы, живописи (Зинченко, 1994, 1997б, 2000).

Ряд своих работ — как ранних, так и поздних — В.П. Зинченко посвятил исследованиям творческого акта, а также сознания и рефлексии. Результаты их многолетнего изучения интегрированы В.П. Зинченко в его философско-психологической концепции (2010), сравнимой по своей феноменологической глубине и прекрасному художественно-образному стилю с книгой Б.М. Теплова «Ум полководца» (1943, 1961), а по системно-обобщающей масштабности, теоретико-экспериментальной фундаментальности и полипредметному энциклопедизму с трудами С.Л. Рубинштейна середины XX в. (1957), несмотря на их принципиальное различие (см.: Семенов, 2009) во временных и социокультурных контекстах, в онтологических позициях, методологических подходах и теоретических трактовках психики и поведения, восприятия и мышления, души и тела, сознания и рефлексии, деятельности и творчества, человека и мира в целом. В обоих случаях оригинальные теоретические конструкции созданных В.П. Зинченко и С.Л. Рубинштейном философско-психологических систем базируются на концептуальных обобщениях ими громадного эмпирического и экспериментального материала, охватывающего феноменологию практически всех основных психических функций, системные взаимосвязи которых интерпретируются в целях изучения фундаментальных проблем психологической науки — развития личности, ее сознания и поведения, деятельности и творчества, бессознательного и интуиции, эмоций и переживаний, рефлексии и самосознания, образа Я и бытия в контексте об-

щения человека с другими людьми и его взаимодействия с природной средой и миром культуры.

Разумеется, итоговая книга В.П. Зинченко (2010) станет в дальнейшем предметом специального изучения и поликонтекстуального анализа разных ученых — методологов, эстетиков, филологов, педагогов, но, прежде всего, философов, психологов и физиологов. Пока же ограничимся кратким анализом ряда ее ключевых аспектов, иллюстрируя их трактовку характерным авторским словом и захватывающим стилем.

О концепции сознания и рефлексии В.П. Зинченко

Важную роль в изучении сознания играет анализ его смысловой сферы и роли в ней рефлексии. Говоря о рефлексии, В.П. Зинченко подчеркивает: «...отмечу важнейшую особенность человеческого мышления. Найденный человеком смысл, рожденная им мысль — объективны; точнее, они становятся объективными в актах рефлексии. В таких актах мыслящее Я отделяет от себя возникшую мысль и может оценивать ее как объект, как вещь, т.е. как нечто такое, что может или не может реализоваться, что подлежит оценке, в том числе и нравственной, культурной, этической» (Зинченко, 2010, с. 377–378).

В теоретическом плане интегральная книга В.П. Зинченко обобщает многолетнее изучение им строения сознания, предлагая его трехслойную структуру, согласно которой оно состоит из бытийного, рефлексивного и духовного слоев: «Бытийный слой образуют биодинамическая ткань живого движения и

действия и чувственная ткань образа. Рефлексивный слой образуют значение и смысл. Духовный — Я и Ты. По отношению к выделенным уровням сознания различие сознательно-го/бессознательного лишено смысла» (там же, с. 251). Как подчеркивает В.П. Зинченко, «компоненты структуры сознания... представляют собой гетерогенные образования, каждое из которых несет на себе свойства целого. Это формы активности, не только заслуживающие, но и выступающие в качестве предметов самостоятельного исследования» (там же, с. 252).

Так, например, в рефлексивном слое В.П. Зинченко выделяет такие компоненты и особенности сознания, как: значение, смысл, биодинамическая ткань, чувственная ткань, наблюдаемость компонентов структуры, относительность разделения слоев, гетерогенность компонентов структуры сознания (там же, с. 253–264). Интерес у меня как специалиста по психологии рефлексии вызывает теоретическое положение В.П. Зинченко о том, что «возникающие в ходе взаимодействия биодинамической и чувственной ткани эффекты, названные фоновой рефлексией, в качестве результата дают основания для принятия решения о возможности осуществления поведенческого акта» (там же, с. 275). Заметим, что с такого рода эффектами мы также столкнулись при экспериментальном изучении роли рефлексии в регуляции практического мышления при решении субъектом двигательно-творческих задач (Дмитриев и др., 1992; Кузнецов, Семенов, 1994 и др.).

Однако В.П. Зинченко не ограничивается теоретическим введением

понятия фоновой рефлексии и его экспериментальной верификацией в своих изящных экспериментах с Н.Д. Гордеевой (2001), но и обращается к противоположному полюсу высших форм рефлексирования человеком бытия: «Значения и смыслы, которыми оперирует сознание, не всегда могут быть вербализованы, в том числе и потому, что слово нередко убивает открываемые и порождаемые им смыслы. По мере накопления опыта созерцания, переживания, страдания душа как бы впадает в понимание, фиксирует неотрефлексированные значения и смыслы. Я не хочу сказать, что созерцание — медитация — переживание, равно как и формы искусства, побуждающие душу вновь впасть в эти состояния, не рефлексивны или дорефлексивны. Возможно, что они представляют собой высшие формы рефлексии — рефлексии духовной, которая сродни озарению, сатори, инсайту» (Зинченко, 2010, с. 354).

В связи с этим В.П. Зинченко исследует проблему смысла в философском, эстетическом, культурологическом, лингвистическом и психологическом аспектах, в итоге отмечая: «Конечно, трудно спорить, что в сознательной осмысленной деятельности возможно рождение новых смыслов. Но возможна ведь и утрата смыслов, обесмысливание деятельности, что, впрочем, может оказывать благотворное влияние как на деятельность, так и на выполняющего ее актора. У последнего может появиться шанс найти новые смыслы, а затем построить новую деятельность. Нахождение, открытие, обретение смысла — это только часть дела, хотя и важнейшая, за ней следует его

инкубация, созревание и развитие, заключительной частью является выражение, воплощение смысла. Оно далеко не всегда удается, и его можно условно назвать нисхождением смысла... Нисхождение смысла — это его материализация, опредмечивание в операциональных, предметных, перцептивных, эмоциональных, концептуальных, символических или, наконец, в вербальных значениях. В конце концов, в действии, в деле, в поступке» (там же, с. 320–321). Эта микродинамика смыслообразования подтверждается также нашими исследованиями его макродинамики как «восхождения — нисхождения» смыслов через инсайтную кульминацию рефлексивно-творческого процесса, что позволило описать его психологический механизм в виде «кристаллической модели» (Степанов, Семенов, 1990) креативно-инновационного разрешения проблемно-конфликтной ситуации посредством интенсификации интеллектуально-личностных ресурсов человека. Как отмечает В.П. Зинченко, еще А.В. Запорожец применил метафору «кристаллизации» для характеристики формирования действия, назвав «знаковую операцию или операциональное значение кристаллом действия» (Зинченко, 2010, с. 389), сам он также неоднократно использует ее при анализе взаимодействия значения и смысла в творческом акте.

Существенный интерес в контексте общепсихологической теории сознания и художественного творчества вызывает разработка В.П. Зинченко проблемы метафоры: «Посредством нее осмысливается и заполняется пустота, заполняются разрывы,

трещины, пропасти. Пустота, осваиваясь, превращается в жизненное пространство, в пространство Между. Мера ее творческого потенциала определяется числом кинематических цепей степеней свободы тела живого существа, которое измеряется несколькими сотнями... Отсюда — практически неограниченные генеративные возможности метафоры в создании бесконечных вариаций, новых динамических форм как реальных, так и виртуальных, как знаково-символических, так и предметных, как эстетических, так и утилитарных» (там же, с. 328). Отсюда В.П. Зинченко делает справедливый вывод о том, что «обращение психологии к проблематике смысла повлечет за собой возвращение в нее проблематики души. И то и другое есть необходимое условие интеграции психологического знания, о которой сегодня многие заботятся» (там же, с. 329). В этом выражается логика развития философско-психологического изучения проблемы души и индивидуальности человека, о чем также свидетельствует историко-научный анализ прогресса психологического познания (см.: Абульханова и др., 2009; Деркач и др., 2005; Рубинштейн, 1957; Семенов, 1973, 2006 а, б; 2009 б; Шадриков, 2006 и др.).

Необходимо подчеркнуть, что одним из конструктивных подходов к подобной интеграции является развиваемая В.П. Зинченко концепция сознания, согласно которой в целом «мыслимая структура сознания не только диалогична, т.е. открыта, полифонична, но и полицентрична. Каждая из образующих бытийного, рефлексивного и духовного слоев сознания обладает известными степенями

свободы, ограничению которых служит взаимодействие с другими. Полицентризм означает, что любая из образующих может по ходу работы сознания становиться его смысловым центром, своего рода доминантой, подчиняющей себе другие центры. Смена таких... центров тем легче, чем выше духовная вертикаль, представленная в сознании... Смена необходима и для поиска точки опоры для самосознания» (Зинченко, 2010, с. 279). От указанных положений о свободе и открытости сознания, о его полифоничности и полицентричности — прямой путь к переходу от первой части книги «Сознание» к психологии «Творческого акта», что и составляет содержание ее второй части. Ибо, как подчеркивает В.П. Зинченко, «сознание, пусть даже в его бессознательных формах, и творчество, пусть даже в его сознательных формах, неразделимы» (там же, с. 333).

О концепции творческого акта и интуиции В.П. Зинченко

Отмечая, что «скромность успехов в познании творчества не должна удивлять, особенно если учесть, что для раскрытия строения атома понадобилось 2,5 тысячи лет» (Зинченко, 2010, с. 342), В.П. Зинченко исходит из максимы, согласно которой «для понимания продуктивного мышления недостаточно классической формы научной рациональности: необходимо ее расширение» (там же, с. 344). В гносеологическом плане он считает: «В творческой деятельности участвуют все силы души, как бы они ни назывались: психологические функции, процессы, орудия, систе-

мы, функциональные органы и т.п. Важно, что каждая из этих сил, будь то восприятие, внимание, память, мышление, переживание и т.д., содержит в себе главные атрибуты души — познание, чувство и волю (действие). Они не только когнитивны, но деятельностны и пристрастны» (там же, с. 346). В феноменологическом плане В.П. Зинченко подчеркивает: «Взаимное наполнение... внутренних форм движений, действий образов, слов, эмоций следует рассматривать в контексте интеллектуализации психических функций (Л.С. Выготский), благодаря которой они могут стать высшими. В культуре издавна существуют свидетельствующие об этом выражения и метафоры: умное действие, умные эмоции, живописное соображение, визуальное мышление, разумный глаз, глазастый разум, осмысленный образ, зрячих пальцев стыд, кинестетическая мелодия и т.п. Да и слово не должно быть пустым и полым: поэты ведь и образ мира являют в слове» (там же, с. 349). Такая трактовка феноменологии продуктивности психики позволяет перекинуть мостик от экспериментальной психологии творчества к эмпирической психологии искусства: «В актах творчества и в актах восприятия произведений искусства непременно присутствуют вчувствование, скрытый диалог и восполнение кругозора другого своим избыточным видением» (там же, с. 352).

Культурно-исторический и функционально-деятельностный анализ феноменологии творчества человека как его «смыслообразующей работы своей собственной души» (там же, с. 356) позволяет В.П. Зинченко, отталкиваясь от учения В. Гумбольдта

и Г.Г. Шпета о внутренней форме слова, выдвинуть онтологический принцип бытия психического: «*Внешнее зарождается внутри, а внутреннее зарождается вовне*. Например, образ, зарождающийся в действии, потом сам может породить новое действие... реализация действия есть декомпозиция и образа, и ситуации, и образа действия, регулирующего эту реализацию; и одновременно с этим есть композиция образа измененной действием ситуации, а возможно, и композиция будущего образа действия» (там же, с. 358). В этой онтологеме существенный прогресс психологического знания на базе методологического развития теории детерминизма, синтезирующей (по принципу дополнительности) его трактовки в концепциях бытия психики человека Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна (см.: Семенов, 1973, 2009 а, б).

Далее В.П. Зинченко углубляет эту онтологему интегративно-междисциплинарным принципом амплификации — как общегенетическим принципом развития психического: «Путь от сохраняющего интегрального начала, будь оно физиологическим, психологическим или художественным, является общим. Это путь его амплификации и последующего вычленения, дифференциации отдельных функций, а затем формирования специализированных центров, динамических функциональных органов индивида и обеспечивающих их работу функциональных органов нервной системы. В результате вычленения и дифференциации, происходящих в ходе развития индивида, происходит относительная автономизация действия, образа, слова, мысли, аффекта, и речь уже идет не об

их интеграции, а о союзе, единении, координации, субординации, синхронизации, пуле и других путях, обеспечивающих необходимое взаимодействие автономизировавшихся подсистем» (там же, с. 484). Учет этой «предиспозиции развития» (там же, с. 485) необходим при изучении интуиции как творческого акта.

Констатируя, что ученые «в анализе механизмов творчества тоже не очень далеко ушли от поэтов» (там же, с. 360), ибо «Каждый исследователь мышления выбирает для изучения какой-либо один инструмент, неминуемо утрачивая целое» (там же, с. 360), В.П. Зинченко выдвигает важный методологический принцип, согласно которому «при изучении творчества нельзя ограничиваться каким-либо одним из его источников будь то воображение (даже трансцендентальное), мышление или даже *память муз*, которую поэты называют *всего причиной*. Наличие многих источников творчества — это и есть его гетерогенность» (там же, с. 368). Исходя из этого тезиса, В.П. Зинченко ставит перед собой и оригинально эпистемически решает извечную феноменологическую задачу: «Не претендуя на разгадку механизма творчества... хотя бы схематически представить, что происходит при создании нового... В этом процессе выделяются следующие основные стадии: 1. Возникновение темы... 2. Восприятие темы, анализ ситуации, *осознание* проблемы... 3. Работа над решением проблемы... 4. Возникновение продуктивной идеи, образа — эйдоса решения... 5. Исполнительная, по сути, техническая стадия... Все эти стадии характеризуют как индивидуальную, так и коллективную

работу» (там же, с. 368–369). Рефлексируя эту предложенную им концептуальную схему творческого процесса, В.П. Зинченко интерпретирует ее значение так: «На каждой стадии есть свои внешнее и внутреннее, своя тайна и своя драма. Есть место и озарению, и инсайту. Не так легко в творческом процессе отделить начала и концы, оригинальность и рутину. Эта схема — не столько результат изучения, сколько экстракт, собирательный образ и обобщение того, что рассказано о собственной работе создателями произведений в сферах искусства, науки, техники» (там же, с. 369–370).

Новизной и оригинальностью в этой схеме, как и во всей концепции творческого акта, является, кроме прочего, не только постановка В.П. Зинченко малоизученной (по сравнению с детерминацией срединности поиска) проблемы «начал и зазоров» составляющих его процессов, но и ее решение, в частности, в виде положений о продуктивной роли «молчания» как «активного покоя». В связи с этим «вновь приходится обращаться к пространствам между Я — Ты, между “сознательным” и “бессознательным”. Такие пространства представляют собой и зазоры в времени длящегося опыта, когда происходит обучение, самообучение и развитие, зазоры, получившие название активного покоя, зазоры — молчания, которое дороже слова. Речь идет о хронотопе сознательной и бессознательной жизни» (там же, с. 508). Ибо «персонификация молчания соответствует и персонификации слова (не только Божьего), исходящей от поэтов, философов и ученых» (там же, с. 498). Ведь «за

молчанием, словом, паузой стоят образы, символы, действия, в том числе и такие действия, которые психологи называют внутренними... между словом и молчанием имеется синхроническая связь, когда они одновременны, например, когда умолчание маскируется словом... В подлинном диалоге, как и в подлинном произведении искусства, непременно недосказанность, порой — сверхсказанность, оставляющая избыточность степени свободы для понимания и вчувствования в сказанное и для мысли, чувства и для действия по поводу несказанного» (там же, с. 500).

В.П. Зинченко убедительно показывает, что «живое, плодотворное молчание подобно плавильному тиглю», где «переплавляются внутренние формы слова, образа, действия и рождаются новые формы, питаемые внутренними ритмами, энергией покоя и освещаемые внутренним невидимым для окружающих светом молчания, сосредоточенности, вдохновения» (там же, с. 501), и подчеркивает: «Метафора плавильного тигля схватывает интегральность смысла (сознания) и плавку металлов, порождающих нечто новое» (там же, с. 509). В этом тигле плавятся внутренние формы — из-за их динамического характера: «их называют живыми, энергичными, резонансными формами, формами силы... творчество — это преодоление стихии сознания и бытия, преодоление хаоса, но хаоса не первобытного, а плодотворного, производного от чего-то ранее оформленного и находящегося в некотором осмысленном функциональном пространстве» (там же, с. 513). Итак, «внутренняя форма... подобна геному, но не телесного,

органического, а психологического, культурного, духовного развития» (там же, с. 518).

Исходя из анализа психологии внутренней формы сквозь призму категории «непосредственное—опосредствованное», В.П. Зинченко трактует роль интуиции и дискурса в творчестве: «...в интуитивном акте открывается смысл, в дискурсивном — цепочка значений, в которых смысл находит свое новое воплощение, готовое к объективации в виде нового образа, слова, мысли, действия. Содержательно процесс познания (мышления, понимания) может быть описан как чередование противоположно направленных актов осмысления значений (предметных, операциональных, вербальных, концептуальных и т.п.) и означения смыслов. Указанные акты не только противоположно направлены, но и асимметричны. В зазоре, просвете между ними нередко происходит драматический спор между уже означенными и невыразимыми, но ощущаемыми смыслами. Последние, несмотря на невыразимость, подпитывают дискурсию... именно в таких просветах имеется место для того, что М. Хайдеггер назвал прозрение в то, что есть... Прозрение, видимо, представляет собой высшую форму творческой интуиции. Его результаты не просто означаются, а служат основой творения» (там же, с. 539–540). Заметим, что в связи с этой оригинальной концепцией интуитивного акта, предложенной В.П. Зинченко, специалистам в области психологии творчества была бы интересна трактовка им концептуальных моделей интуиции, разработанных философом (В.Ф. Асмус, М. Бунге, А.А. Нал-

чаджян) и психологами, которые также не только учитывают ее сознательные и рефлексивные аспекты, как Л.Л. Гурова и Я.А. Пономарев, но и строят модель их взаимодействия (Асмус, 1963; Семенов, 2000), верифицируя ее эмпирически (Бершацкий, Семенов, 2003; Семенов, 2006 а).

Исходя из онтологемы, что «хаос — это избыток степеней свободы не только внешних, но и внутренних форм, являющийся условием и основанием их динамики» (Зинченко, 2010, с. 549), В.П. Зинченко считает: «Итогом творческого акта (деятельности) является новообразование, иная организация хаоса (иной порядок), создание новых внешних и внутренних форм, несущих смысловую нагрузку. Сердцевиной творческого акта является формообразование, а его движущей силой — трансцендирование — выходение за пределы себя» (там же, с. 547).

Отмечая, что «непосредственность творчества столь же значима, как и его опосредованность» (там же, с. 552), В.П. Зинченко глубоко проникает в самую экзистенциальную суть творчества: «...переосмысление соотношения непосредственного и опосредованного в человеке — не столь уж дорогая плата за живость творимых произведений, знаний, за их способность к внутренней пульсации, лежащей в основе их влекущей и приглашающей силы» (там же). Задаваясь гносеологическим вопросом: «Есть ли в нашем “доме творчества” хозяин, в чем заключаются его обязанности и функции?» (там же), В.П. Зинченко дает свой онтологический ответ: «Под “хозяином” я понимаю сознание, которое ведает, что творит его носитель. Разумеется,

средством такого ведения должна быть рефлексия в ее осознаваемых и неосознаваемых формах» (там же). Одной из новаций В.П. Зинченко является введение им понятия о фоновой рефлексии — как «неосознаваемой, «неответчивой» или фоновой рефлексии без Я (там же, с. 455), — верифицированное им в совместных экспериментах с Н.Д. Гордеевой (2001). Теоретико-экспериментальное выделение В.П. Зинченко фоновой рефлексии существенно дополняет типологию рефлексии, согласно которой дифференцируются такие ее виды, как: интеллектуальная, личностная, диалогическая, коммуникативная, кооперативная, экзистенциальная, культуральная, духовная рефлексия (Семенов, 2000, 2006б, 2009). В концепции В.П. Зинченко: «Рефлексию в контексте спонтанного творчества следует понимать как особую смысловую санкцию, относящуюся к адекватности замыслу формы и содержания шагов творчества. В этой санкции присутствует эмоциональный компонент» (Зинченко, 2010, с. 556–557). Действительно, социокультурное выражение эмоциональной рефлексии переживаний человеком проблемно-конфликтных ситуаций его жизни составляет сферу искусства как художественного творчества.

Важное значение для психологии художественного творчества имеет понятие фоновой рефлексии, которое позволяет В.П. Зинченко дать психологическое объяснение одной из экзистенциально-персонологических тайн творчества, связанной с загадочной ролью в нем вдохновляющей творца Музы: «Нередко процес-

суальная фоновая рефлексия чувства порождающей активности “творца” персонифицируется и сознается как своя собственная активность либо выступает под именами Музы, Донны, Лауры, Беатриче, с которыми поэты связывают источники душевных порывов и вдохновений» (там же, с. 557). С этим связана идея поэтической антропологии (Зинченко, 1994).

Подытоживая изучение проблематики творчества и источников внутренней формы человека, В.П. Зинченко подчеркивает: «Моя гипотеза состоит в том, что человек по мере активного, длительного или созерцательного проникновения во внутреннюю форму слова, символа, другого человека, произведения искусства, природы, в том числе и своей собственной, строит свою внутреннюю форму, расширяет внутреннее пространство своей души» (Зинченко, 2010, с. 559).

С учетом этого в общепсихологическом плане В.П. Зинченко считает, что «субъект — опосредован, он опутан инструкциями и нормами. Личность — непосредственна, ей свойственны “участность в бытии”, “поступающее мышление”, свободные действия — поступки» (там же, с. 545). Исходя из этого он делает принципиальный общепсихологический вывод, что «подлинным предметом психологического изучения пресловутой и не слишком “святой троицы” “субъект — индивид — личность” является индивидуальность... У индивидуальности есть альтернатива: движение либо к субъекту, либо к личности. Первый путь — обеднение, обкрадывание себя, вплоть до утраты индивидуальности. Второй —

обогащение собственной индивидуальности» (там же). Такое понимание индивидуальности существенно дополняет ее трактовки, разрабатываемые (Абульханова и др., 2009) на факультете психологии НИУ ВШЭ под научным руководством В.Д. Шадрикова (Шадриков, 1982, 2006), в частности, с позиций системогенеза деятельности и мира внутренней жизни человека.

В методологическом плане итоговый труд В.П. Зинченко (2010) характеризуется не только его инкорпорированностью в широкий социокультурный контекст современной многоликой и бурной переходной эпохи рубежа XX–XXI вв., его полифонической связью с художественными образами и с литературными ассоциациями, его многоплановым диалогом с философской классикой, его полемическим взаимодействием с современной психологической мыслью и строгой экспериментатикой, но также и модельно-схемной конструктивностью ключевых теоретических обобщений. Ибо, согласно И. Канту, схематизмы мышления являются продуктивным базисом научного знания.

Предлагаемый В.П. Зинченко ряд схематизмов представлен в системе моделей, обобщающих как анализируемые философско-методологические, историко-научные и культурно-феноменологические предпосылки его теоретических построений, так и вводимые им в категориально-наглядной форме ключевые для его теории сознания концептуальные конструкты: «узел развития» (Зинченко, 2010, с. 160); «вертикаль развития» (там же, с. 162); «онтологический и идеальный планы развития»

(там же, с. 180); «вариант возможного пути развития (не слишком успешного)» и «(более оптимистического)» (там же, с. 181); «хронотоп (виртуальная единица вечности) живого движения» (там же, с. 206); «интериоризация сознания, мысли и духа в предметную деятельность (пути одухотворения предметной деятельности)» (там же, с. 213); «подъем предметной деятельности до уровня сознания, мысли, духа» (там же, с. 218); «языки описания реальности движения» (там же, с. 286); «функциональная модель предметного действия» (там же, с. 424–425); типы «взаимодействия [внешней и внутренней. — И.С.] форм в концептуальной модели» слова (там же, с. 428). Совокупность этих концептуально проработанных, научно обоснованных и феноменологически наглядных схемных моделей образует исследовательскую стратегию их дальнейшей теоретико-методической разработки и экспериментально-эмпирической верификации.

О рефлексивно-персонологической специфике научной жизнедеятельности В.П. Зинченко

Исследовательская деятельность В.П. Зинченко началась с изучения генеза взаимодействия восприятия и действия – сначала в контексте детской и общей психологии, а потом инженерной психологии и эргономики. В 1940–1960-е гг. эта научная деятельность протекала в его плодотворном научном и тесном личном общении не только со старшими коллегами отечественной психологии (Л.И. Божович, П.Я. Гальперин,

А.В. Запорожец, Б.В. Зейгарник, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, Д.Б. Эльконин и др.) и философской мысли (В.Ф. Асмус, Э.В. Ильенков, Б.М. Кедров, Ю.А. Левада и др.) на психологическом отделении философского факультета МГУ и Института психологии АПН РСФСР (С.Г. Геллерштейн, Н.И. Жинкин, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов), но и со своими талантливыми сверстниками, которые в конце XX в. стали цветом российской гуманитаристики и человекознания (К.А. Абульханова, Н.Г. Алексеев, А.С. Арсеньев, В.С. Библер, И.В. Блауберг, А.А. Брудный, А.В. Брушлинский, Ф.Д. Горбов, В.В. Давыдов, В.А. Лекторский, В.Е. Лепский, В.А. Лефевр, Б.Ф. Ломов, В.М. Мунипов, В.Д. Небылицын, М.К. Мамардашвили, Ф.Т. Михайлов, А.П. Огурцов, Д.Ю. Панов, А.В. Петровский, Я.А. Пономарев, В.Н. Пушкин, В.Л. Рабинович, В.Н. Садовский, Г.Л. Смолян, О.К. Тихомиров, В.Д. Шадриков, В.С. Швырев, Ю.А. Шрейдер, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. и Б.Г. Юдин и др.).

Вместе с психолого-педагогической концепцией В.В. Давыдова творчество В.П. Зинченко вызывало встречный интерес у крупных философов. В этой связи заведующий отделом познания Института философии РАН В.А. Лекторский отмечает: «Не случаен его (Э.В. Ильенкова. — *И.С.*) интерес к вопросам психологии, педагогики, этики, эстетики. Среди его учеников и сподвижников оказалось немало выдающихся деятелей в этих областях (назову только В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, А.И. Мещерякова)» (Как это было..., 2010, с. 216). Натура творческая, общительная, постоянно ищущая, глубоко

размышляющая, энциклопедически эрудированная, искрящаяся юмором, любознательная, экспериментирующая и импровизирующая — выразительная личность В.П. Зинченко всегда, где бы он ни был (в институтах, на факультетах, в редакциях психологии, философии или педагогики), привлекала к себе внимание и была в центре дискуссий интенсивно общавшихся тогда молодых интеллигентов-шестидесятников (С.С. Аверинцев, Е.П. Велихов, Б.А. Грушин, А.А. Зиновьев, М.К. Петров, А.М. Пятигорский, И.Т. Фролов, Э.Г. Юдин и др.), ярким представителем поколения которых он является.

Эти прогрессивные социокультурные и экзистенциально-персонологические ценности В.П. Зинченко целеустремленно развивал и отстаивал, а также успешно реализовал в непростое время смены вех, причем не только в своем многогранном творчестве, но и в разнообразной научно-организационной деятельности, будь то создание кафедры инженерной психологии и психологии труда в МГУ, кафедры эргономики в МИРЭА и отдела эргономики в Институте технической эстетики, координация работы отделения психологии и возрастной физиологии в РАО и организация Института человека в РАН или консультирование органов власти новой демократической России, не говоря уже о его конструктивной роли в редколлегиях множества научных изданий: журналов и книг, сборников конференций и переводов, энциклопедий и словарей. Так, В.П. Зинченко многие годы — член редколлегий журналов «Вопросы психологии» и «Вестник МГУ. Серия 14. Психология» и др., а также

бесценно представляет психологию в редколлегии журнала «Вопросы философии» и в ежегоднике РАН «Системные исследования. Методологические проблемы», является главным редактором созданного им международного научного журнала «Культурно-историческая психология».

В своих недавних воспоминаниях о развитии философской мысли во второй половине XX в. главный редактор журнала «Вопросы философии» академик РАН В.А. Лекторский подчеркивает, что в его редколлегию «с начала 1988 г. ...вошли такие наши крупнейшие ученые, знающие и любящие философию: математики Н.Н. Моисеев и Б.В. Раушенбах, филолог Д.С. Лихачев, физиолог П.В. Симонов, психолог В.П. Зинченко» (Как это было..., 2010, с. 259–260). Важно отметить, что при этом В.П. Зинченко не только интеллектуально общался в столичной философско-психологической элите, но и обогащал и ретранслировал ее достижения, способствуя развитию научной молодежи (студентов, аспирантов) в университетах как Москвы, так и российской провинции — в Дубне и Самаре, где ряд лет вел преподавание в качестве профессора. Он также неоднократно представлял отечественную психологическую науку на множестве международных конгрессов и конференций, читал курсы лекций в ряде зарубежных университетов и в научных центрах Европы и США.

Оперативно, но основательно откликаясь на вызовы бурного и требовательного времени, В.П. Зинченко при этом тонко чувствует перспективы грядущего развития, мыслит мас-

штабно, ведет со своих научных позиций интеллектуальный диалог с соратниками и оппонентами, связывая с этим возможности прогресса в науке и технике, культуре и образовании. Достоянием отечественной истории психологии являются не только его фундаментальные общепсихологические и прикладные инженерно-психологические и психолого-педагогические труды, но и страстное, принципиальное и аргументированное участие в научных дискуссиях второй половины XX в. между последователями научных психологических школ Л.С. Выготского и Б.Г. Ананьева, С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова и В.М. Мунипова, П.Я. Гальперина и Н.А. Менчинской, В.В. Давыдова и Л.В. Занкова, А.В. Брушлинского и И.М. Розета, В.Н. Пушкина и О.К. Тихомирова и др.

Самостоятельное значение имеют собственно философско-методологические, социокультурно-персоналогические, художественно-критические и историко-научные труды В.П. Зинченко. Так, серия его работ посвящена не только экспликации и рефлексии психологических аспектов философских концепций (М.М. Бахтин, Э.В. Ильенков, Б.М. Кедров, В.А. Лефевр, А.Ф. Лосев, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, Г.Г. Шпет, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин и др.), но и анализу художественного творчества: изобразительного (В.В. Кандинский, К. Хокусай, М. Эшер), литературного (А. Белый, М.А. Булгаков, Ф.М. Достоевский), и особенно поэтического (А. Ахматова, А. Блок, И. Бродский, П. Валери, Н. Гумилев, О. Мандельштам, Б. Пастернак,

Д. Пригов, В. Рабинович, Р.-М. Рильке, М. Цветаева, Т. Элиот и др.). В связи с этим интерес вызывает выдвинутая В.П. Зинченко (1994) оригинальная концепция поэтической антропологии, которая по своему философско-психологическому пафосу перекликается с новациями Серебряного века русской культуры (см.: Семенов, 2006 б), возрождая и творчески развивая их ценности в нашей прагматичной современности. Так, после революции ученый и поэт А. Чижевский выступил с проектом создания «Академии стиха» (Калуга, 1918), а поэт-акмеист Н. Гумилев не только разработал (вслед за В. Брюсовым) технологии обучения стихосложению, но и реализовал их в мастер-классах «Цеха поэтов», которые после его варварского расстрела в 1921 г. большевиками развивались еще вплоть до Второй мировой войны как в России, так и особенно в эмиграции (во Франции, Чехословакии, Сербии, Китае).

Необходимо отметить важную роль В.П. Зинченко в изучении творческого наследия поэтов и философов (А. Ахматова, А. Белый, А. Лосев, О. Мандельштам, Б. Пастернак, П. Флоренский, С. Франк, Г. Шпет и др.) Серебряного века русской культуры и в выяснении его реального воздействия на развитие отечественной философской и психологической мысли. В этом контексте интересным для специалистов было бы соотнесение психолого-эстетической концепции В.П. Зинченко с интегральным трудом малоизвестного психофизиолога-энциклопедиста

Серебряного века Н.Я. Пэрны «Жизнь, ритм, творчество» (М., 1925) и с теоретическим предтечей «Психологии искусства» Л.С. Выготского — трудом датского философа Б. Христиансена «Философия искусства» (М., 1916), а также с достижениями научной школы искусствоведа Б.С. Мейлаха (1974 и др.), наиболее масштабной по эмпирическому охвату и междисциплинарному изучению проблематики художественного творчества в отечественной науке.

Особый историко-научный цикл среди трудов В.П. Зинченко составляют серии его теоретических статей, специально посвященных концептуальному анализу достижений крупнейших отечественных психологов (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, Д.Б. Эльконин), физиологов (Н.А. Бернштейн, А.А. Ухтомский) и ученых-энциклопедистов (В.И. Вернадский, Б.М. Кедров, П.А. Флоренский). С особым трепетом В.П. Зинченко вспоминал свои многолетние встречи и глубоко характеризовал в специальных статьях научное творчество ближайших друзей и выдающихся сподвижников: психолога В.В. Давыдова и философа М.К. Мамардашвили. Все эти статьи В.П. Зинченко, на наш взгляд, являют собой научно-художественные образцы рефлексивно-персонологической прозы, как и ряд разделов его книги (2010), на страницах которой оживают образы его современников: соратников по философским штудиям и психологическим изысканиям.

Заключение: научная школа и векторы развития творческой деятельности В.П. Зинченко

Будучи крупным организатором науки и неутомимым тружеником, В.П. Зинченко умеет целенаправленно заинтересовать молодых ученых актуальными, но малоизученными проблемами, вдохновить их на кропотливую исследовательскую работу и создать им институциональные и лабораторные условия для эффективной научной деятельности, порой жестко отстаивая интересы своей научной школы в современной конкуренции психологических направлений. Он высоко ценит достижения своих учеников и сотрудников, составляющих, по сути, зинченковскую научную школу: Б.И. Беспалов, Ф.Е. Васильюк, Н.Ю. Вергилес, Г.Г. Вучетич, Н.Д. Гордеева, В.М. Гордон, А.Б. Леонова, Б.Г. Мещеряков, А.И. Назаров, С.К. Сергиенко, Ф.В. Соркин, Ю.К. Стрелков, Е.И. Шлягина, Д.М. Эльберт и др. Эта школа развивается и разветвляется в разных университетах: Москвы и Самары, в Высшей школе экономики, в Международном университете в г. Дубне и в ряде вузовских кафедр и научных лабораторий. Для научной молодежи творческая судьба и труды В.П. Зинченко служат впечатляющим примером продуктивного целеобразования, рефлексивно-личностного развития и достижения социальных успехов в профессиональной деятельности.

Более чем полувековое развитие научно-творческой деятельности В.П. Зинченко осуществлялось в нескольких параллельных направлениях: культурологическом, феноме-

нологическом, экспериментальном, методическом, теоретическом, философском, эстетическом, методологическом, праксиологическом, организационном, публицистическом. Человек широкой культуры, огромной эрудиции, глубоких профессиональных познаний, тонкий наблюдатель-натуралист, вдумчивый феноменолог-интерпретатор, строгий экспериментатор, создатель оригинальных теоретических подходов, экспериментальных методик и интегральных концепций в общей, детской, инженерной, когнитивной и креативной психологии, а также междисциплинарный исследователь в прикладных (эргономика, педагогика, праксиология) и фундаментальных (философия, методология, эстетика) областях познания, В.П. Зинченко является мыслителем-энциклопедистом. Громадная трудоспособность, множество талантов и широкий диапазон его философско-научных и образовательно-культурных интересов, глубина системного анализа и междисциплинарного изучения проблем переднего края науки, обоснованность предлагаемых им концепций и неповторимый стиль их изложения — легкий, увлекательный, изящный и образный, а также отменный эстетический вкус и харизма в доброжелательном общении, сдобренном острым юмором — все это являет действительно ренессансную личность.

Выражаясь метафорически-образным стилем — экзистенциально характерным для творческой индивидуальности самого В.П. Зинченко, его развитие как ученого-психолога и мыслителя-философа можно уподобить все расширяющемуся и воспаряющему ввысь мёбиусообразному

конусу, выплавляющему в тиглях психолого-междисциплинарных исследований и мировоззренчески-эстетических раздумий мозаично-целостную картину философского осмысления бытия человека в природе и культуре, сознающего рефлексией и реализующего действиями свое творческое предназначение в мире.

Если попытаться в целом охарактеризовать содержание многогранной жизнедеятельности В.П. Зинченко, то он внес творческий вклад в науку и культуру рубежа XX–XXI вв. как философ, историк, методолог и организатор науки, общий, детский, педагогический, инженерный психолог и эргономист, педагог, культуролог,

персонолог, литературный и художественный критик, популяризатор науки и публицист. Энциклопедизм В.П. Зинченко свидетельствует о продуктивном воздействии психологии на развитие системного взаимодействия современного естествознания, техникзнания, обществознания и человекознания.

Как афористично изрек философ и поэт В.Л. Рабинович о своем друге-ученом и соратнике-мыслителе в метафорическом послесловии к его итоговой книге: «Владимир Зинченко — тайновидец, но и тайнодержец, обладающий умной душой и ведущий нас сквозь термины — к звездам».

Литература

Абульханова К.А., Семенов И.Н., Старовойтенко Е.Б. и др. Психология индивидуальности: новые модели и концепции / Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МПСИ, 2009.

Алексеев Н.Г., Зарецкий В.К., Семенов И.Н. и др. Методология рефлексии концептуальных схем деятельности поиска и принятия решений. Новосибирск: НГУ, 1991.

Алексеев Н.Г., Семенов И.Н., Шейн А.Б. Развитие методологических исследований в эргономике // *Техническая эстетика*. 1983. № 3.

Аникина В.Г., Коваль Н.А., Семенов И.Н. Исследование экзистенциальной рефлексии в проблемно-конфликтных ситуациях. Тамбов: ТГУ, 2002.

Асмус В.Ф. Проблема интуиции в философии и математике. М.: Мысль, 1963.

Бершацкий Г.Н., Семенов И.Н. Концептуальные модели интуиции и рефлексии в структуре творческого мышления и их апробирование в управлении // *Рефлексивно-организационные проблемы формирования мышления и личности в образовании и управлении*. М.: ИРПТиГО, 2003.

Бошев П., Зинченко В.П., Семенов И.Н. и др. Теоретические основы эргономики // *Эргономика: принципы и рекомендации: Методическое руководство* / Под ред. В.М. Мунипова, В.П. Зинченко, Н.Г. Алексеева и др. М.: ВНИИТЭ – СЭВ, 1981.

Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Роль рефлексии в построении предметного действия // *Человек*. 2001. № 6.

Держач А.А., Семенов И.Н., Балаева А.В. Рефлексивная акмеология творческой индивидуальности. М.: РАГС, 2005.

- Дмитриев С.В., Семенов И.Н., Кузнецов С.В.* Механизмы и закономерности рефлексивно-смысловой регуляции при решении интеллектуальных задач по биомеханике двигательных действий // Психология рефлексивных процессов. Новосибирск: НГУ, 1992.
- Зинченко А.В.* Ностальгия: диалог памяти и знания // Культурно-историческая психология. 2009. № 2.
- Зинченко В.П.* Движение глаз и формирование зрительного образа // Вопр. психол. 1958. № 5.
- Зинченко В.П.* Возможна ли поэтическая антропология? М., 1994.
- Зинченко В.П.* Психология в моей жизни // Мир психологии. 1995. № 5.
- Зинченко В.П.* Образ и деятельность. М.: Изд-во «Институт практической психологии», 1997а.
- Зинченко В.П.* Посох Манделштама и трубка Мамардашвили. К началу органической психологии. М., 1997б.
- Зинченко В.П.* Психологическая педагогика. Ч. 1: Живое знание. Самара: СГУ, 1998.
- Зинченко В.П.* Мысль и слово Густава Шпета: (Возвращение из изгнания). М.: УРАО, 2000.
- Зинченко В.П.* Комментарий психолога к трудам и дням Г.П. Щедровицкого // Познающее мышление и социальное действие (наследие Г.П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли). М.: Ф.А.С.; Медиа, 2004.
- Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Зинченко В.П., Мунипов В.М.* Основы эргономики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
- Зинченко П.И.* Непроизвольное запоминание. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
- Зинченко Т.П.* Когнитивная и прикладная психология. М.; Воронеж: МОДЭК, 2000.
- Как это было: воспоминания и размышления / Под ред. В.А. Лекторского. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. (Серия: Философия России второй половины XX в.).
- Кузнецов С.В., Семенов И.Н.* Невербальная рефлексия в микроорганизации практического мышления // Образование и культура. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1994.
- Мунипов В.М., Алексеев Н.Г., Семенов И.Н.* Становление эргономики как научной дисциплины // Проблемы методологии в эргономике / Отв. ред. В.П. Зинченко. М.: ВНИИТЭ, 1979. (Труды ВНИИТЭ; Вып. 17).
- Ритм, пространство и время в литературе и искусстве / Под ред. Б.С. Мейлаха. Л.: Наука, 1974.
- Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Семенов И.Н.* Выготский Лев Семенович. Душа. Индивидуальность // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: БСЭ, 1973.
- Семенов И.Н.* Останкинская методологическая школа концептуальных схем деятельности // Методологические концепции и школы в СССР (1951–1991). Новосибирск: НГУ, 1992. Ч. 2.
- Семенов И.Н.* Тенденции развития психологии мышления, рефлексии, познавательной активности. М.; Воронеж: МОДЭК, 2000.
- Семенов И.Н.* Психология научного творчества Я.А. Пономарева во взаимодействии с российскими учеными // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006а. (Серия «Научные школы ИП РАН»).

Семенов И.Н. Значение творчества Ф.И. Тютчева для развития поэзии акмеизма и науки акмеологии в культуре Серебряного века // Россия и Европа: потенциал и перспективы развития в контексте идей Н. Данилевского и Ф. Тютчева. Брянск: ОРАГС, 2006б.

Семенов И.Н. Панорама развития философско-психологической системы С.Л. Рубинштейна в современном человекознании // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009а. Т. 6. № 3.

Семенов И.Н. Системно-психологическая и историко-научная рефлексия как средства прогресса психологии // Прогресс в психологии: критерии и признаки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009б.

Семенов И.Н. Социокультурная роль экзистенциальной рефлексии в развитии целеобразования и самоотношения творческой индивидуальности // Мир психологии. 2011. № 1.

Семенов И.Н., Сиротина Е.А., Зарецкий В.К. Исследование рефлексивного аспекта принятия решений // Проблемы принятия решений / Под ред. В.П. Зинченко. М.: ВНИИТЭ, 1977.

Степанов С.Ю., Семенов И.Н. Рефлексивно-инновационный процесс: модель и метод изучения // Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная / Под ред. Я.А. Пономарева. М.: Наука, 1990.

Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982.

Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М.: Логос, 2006.

Эргономика. Труды ВНИИТЭ. Вып. 1–39 / Отв. ред. В.П. Зинченко. М.: ВНИИТЭ, 1971–1991.

Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978.

Юдин Б.Г. Взаимодействие наук как путь формирования новых дисциплин: пример эргономики // Дисциплинар-

ПСИХОЛОГИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ—ВРЕМЕНИ ЗИНЧЕНКО (ОПЫТ ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ)

В.А. ПЕТРОВСКИЙ

Петровский Вадим Артурович – ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор факультета психологии НИУ ВШЭ, член-корреспондент РАО, профессор, доктор психологических наук. Главный редактор журнала «Психология. Журнал Высшей школы экономики». Сфера научных интересов – теория и методология психологии, общая персонология, транзактный анализ. Автор мультисубъектной теории личности, моделей воспитания дошкольников, вхождения личности в стабильную социальную общность, импульсной модели экзистенциального выбора, а также ряда исследовательских и практических методов и методик.

Автор более 160 работ, среди которых монографии: «Психология неадаптивной активности» (1992), «Личность: феномен субъектности» (1993), «Одаренные дети: экология творчества» (1993, в соавт.), «Психология воспитания» (1995, отв. ред. и автор), «Личность в психологии: парадигма субъектности» (1996), «Основы практической консультативной психологии» (2008, отв. ред. и автор), «Человек над ситуацией» (2010) и др.

Контакты: petrowskiy@mail.ru

Резюме

Психология, берущая начало в личности В.П. Зинченко, — психология «от Зинченко», — в своем исходном определении может быть понята как постигающе-полагающая наука, ведающая истоками жизни индивидуумов, жизни общества, бытия цивилизации и культуры, раскрывающая посвященным веер возможностей, искушений и перспектив. Анализируются условия синтеза исследовательской и полагающей функций психологии, что превращает ее в науку поступающего самосознания, неотделимую от личности ее творца. Такова наука об актах, инструментах и результатах индивидуального и всеобщего самосознания, показывающая, как живет сознание, преодолевая заданность и раскрывая перед собой и вовне новые степени своей свободы.

История психологии для В.П. Зинченко есть путь объективации и субъективации сознания средствами самого сознания. Его психология — сверхлична и

Статья подготовлена в рамках франко-российского проекта «Проблема “Я”: традиции и современность», поддержанного Центром фундаментальных исследований Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики (Москва) (программа 2011 г., ТЗ № 50.0).

лична. Тексты книг и статей В.П. Зинченко — чувственная ткань переживающей себя психологии. Его мысль — живое движение сквозь знаки любой сложности; предложения, содержащиеся в текстах его работ, суть не только опыт фиксации сквозь-знаковых переходов в новых знаковых формах, — это еще и предложения, которые В.П. Зинченко делает самой психологии. Теория сознания и сознание Теоретика в его лице едины. Сам автор теории — человек поступающего самосознания.

Ключевые слова: сознание, самосознание, избыточность, постигающе-полагающая наука, наука поступающего самосознания, объективация—субъективация, живое движение, сквозь-знаковые переходы.

*Почему в этой статье речь идет об опыте **персонологического** прочтения? Персонолога интересует, что есть психология человека (как научная дисциплина) для самого человека, образующего ее объект (Петровский, 2003). Если принять во внимание, что «пространство—время» не является чьей-либо собственностью, то правомерен вопрос, чем является психология в пространстве—времени В.П. Зинченко для смежников в пространстве—времени, — как она выглядит? какие дали приоткрывает? какие смыслы несет? Это и будет означать для нас, в частности, персонологический путь рассмотрения.*

Людам, которые не читали работ В.П. Зинченко (по-моему, таких профессиональных психологов в России нет), моя статья ничего не скажет. Не читайте ее, господа, не теряйте времени. Это все равно, что рассказывать кому-то о музыке, которую человек не слышал, или говорить о дебюте четырех коней человеку, никогда не игравшему в шахматы. Я где-то видел, теперь уже вряд ли вспомню, где именно, такое суждение: если в предисловии к поэтическим сборникам убрать имя автора и цитаты из

его произведений, то будет трудно определить, о чьих стихах идет речь. В моей статье — мало цитат. Но я надеюсь все-таки, что читатели, знакомые с работами Владимира Петровича Зинченко, могли бы сразу понять, о ком идет речь в этой статье, даже если бы имя этого человека в ней не было названо.

Я буду говорить временами *Зинченко*, без уточняющих инициалов: все и так понимают, о ком идет речь, подобно том, как «Юра» в мире — это Гагарин, «Слава» — Ростропович, «Г.П.» — Щедровицкий, «Б.Г.» — Гребенщиков... Владимир Петрович Зинченко, которому на днях исполняется 80 лет, — это *ЗИНЧЕНКО*, пояснения необязательны, что, разумеется, ни на йоту не умаляет профессиональных и личных достоинств других носителей этой известной и ценной в психологическом мире фамилии.

Не буду делить предмет моего повествования на две части — «пространство» и «время». Поверьте, это не сложно — особенно при поставленном десятилетиями преподавательской работы навыке раскладывания по полочкам. И в самом деле,

коллеги, стоит ли? «По полочкам» и «по папочкам» — это вовсе не в духе того, о ком идет речь в статье (особенно, по-моему, Владимир Петрович не любит, когда «по папочкам»). Я — о другом. Обо всем известной максиме Б. Пастернака: «Так жить, чтобы, в конце концов, привлечь к себе любовь пространства, услышать будущего зов». Напутное, известное многим, но мало кому, к сожалению, проложившее путь.

Мне кажется, Владимиру Петровичу Зинченко было дано на собственном опыте осуществить эту максиму жизни, его бытие исполнено жизни, пространство психологии — отвечает любовью, будущее психологии — зовом на зов. Рождаются новые вызовы. Психология в пространстве–времени Зинченко открыта другим. Его Вселенная расширяется; Зинченко общается к себе исследователей, идущих за ним. Быть может, они, «по живому следу» идущие, не всегда попадают след в след. Иначе, возможно, были бы они не исследователи, а, скорее, преследователи, калькулирующие «поражения и победы» первооткрывателя пространств и времен.

Психология, как наука, воспринимается мною в духовном и душевном контакте с Владимиром Петровичем иначе, чем в случае, когда с нашей общей наукой о душе я встречаюсь один на один. Л.Н. Толстой писал о близком ему человеке: «Его отношение к миру помогает мне уяснить мое отношение к миру». Так и взгляд Зинченко помогает мне что-то важное для себя уяснить, может быть, переоткрыть. «Срабатывает», по-види-

мому, сформированный в первые годы моего психологического детства¹ механизм «объединенного внимания». Не хочется расшифровывать термины, широко известные, как говорят, в узких кругах. Однако, на всякий случай, напомним коллегам: согласно Б. Баттеруорту, это «умение смотреть туда, куда смотрит кто-то еще» (сюжет, хорошо знакомый всем со времен Л.С. Выготского); М. Томасселло (для нас это может быть тоже существенно) говорит не о диадических («ребенок–взрослый»), а о триадических взаимодействиях («ребенок–предмет–взрослый»). Словом, «объединенное внимание» — это когда мы смотрим на предмет не «в оба», а «в оба оба»...

Не знаю, коллеги, какой видится вам психология в пространстве–времени Зинченко, хочу рассказать о своем личном видении, сквозь видение Зинченко и вместе с ним, — быть может, оно сойдется с вашим, а может быть — нет...

Владимир Петрович Зинченко называет разрабатываемую им психологию органической психологией. Рассматривая органическую психологию во взаимоотношениях с человеком, объектом ее рассмотрения, я, прежде всего, вижу две функции, реализуемые ею, — *постижение* и *полагание*, и, таким образом, для меня, в силу действия механизма объединенного внимания, органическая психология Зинченко — это постигающая и полагающая психология (в своем единстве они образуют науку *совершающего себя сознания — поступающего самосознания*).

¹ Со времен Летней психологической школы МГУ, 1970 г. (более сорока лет!).

Психология – постигающая наука. Сам Владимир Петрович Зинченко не называет свою психологию *постигающей*. Однако, по сути, та смысловая история психологии, тот способ познания мира, который предлагает нам психолог Зинченко (подчеркиваю, *психолог*, а не только методолог или философ), – это путь постижения, а не просто изучения, не только понимания и даже – с несколько мистическим уклоном – ведения, мира. Психолог (и Учитель психологии) Зинченко нацелен и нацеливает на постижение *смыслов* явлений (отвечает на вопросы «зачем?», «ради чего?», «с какой целью?», «что это есть для меня?»). В то время как *значения* – это кристаллизация общественно исторического опыта, смыслы – я попробую определить их по аналогии – суть кристаллизации жизненных отношений человека, они, как пишет Зинченко, «укоренены» в бытии индивидуума.

Различается присутствие и рациональная освоенность (означенность) смысла. Р. Мэй (Мэй, 2004) писал: «Фрейд работал на техническом уровне, где предельно проявляется его гений; возможно, он *знал о тревоге* больше, чем кто бы то ни было в то время. С. Кьеркегор, гений другого порядка, работал на экзистенциальном, онтологическом уровне; он *познал тревогу*». В.А. Лефевр как-то сказал мне: «Будущая поэзия – это поэзия формул»; об одной из работ, посвященных феномену «*cogito*» (алгебра взаимодействий между разными аспектами «мысли»), он сказал даже, что «это – истинная поэзия в математике». И прежде всего, сам В.А. Лефевр явил нам пример красоты своих формул, будь то «звезд-

ное небо над головой» (см. «Космический субъект» – Лефевр, 1996) или «нравственный закон внутри нас» (см. «Алгебру совести» – Лефевр, 2004). В отличие о В.А. Лефевра, В.П. Зинченко, иногда ссылающийся на В.А. Лефевра, обращен к истокам и устьям мысли, которые для него совершенно «неформульны». Бытийное прорывает паутинки контурных карт. «Струйки» математических формул он порой пропускает, доискиваясь до смысла (так и говорит – «струйки»). Как-то сказал, получив от меня мой текст «с формулами»: «Вы знаете, к формулам я совершенно равнодушен!..» Отнюдь не все может быть для него «досказано». Птицы у С. Кьеркегора исполнены безмолвия. Постигающая психология, порою говорит о себе недосказанным.

Должен сказать (досказать!) сразу – и это представляется мне очень важным! – постигающая психология отнюдь не всегда располагает утвердительным ответом на вопрос о *предсуществовании* смысла. Здесь, по моему, нет совпадения с В. Франклом, для которого смысл всегда есть (его нужно «только найти»). Иногда идея того, что искомый ответ существует, – иллюзия, самообман, верование, не имеющее под собой никаких оснований. И в этом случае психолог должен прямо сказать: «Нет смысла!», и на вопрос «Зачем?» ответить честно: «За-не-зачем, а потому что – не иначе как!» Не все в жизни имеет изначальный смысл. Например, смерть человека. В стихах Вадима Ротенберга есть строчка: «А к слову смерть не подобрать эпитет». Идея того, что смысл изначально есть и что его надо только найти, –

следствие господствующего в психологии принципа изначальной целесообразности всего сущего, постулата, доминирующего в сознании поколений исследователей, корни которого — в аристотелевской «энтелехии», согласно которой мир развивается в направлении некоей итоговой, финальной цели. Сорок лет назад я назвал этот постулат «постулатом целесообразности». Впрочем, когда падает дерево, люди не имеют обыкновения спрашивать в этой связи «зачем?». Но когда, поскользнувшись, ты падаешь, а рядом с тобой шагает коллега, верящий в «сверхдетерминацию» (в терминах З. Фрейда) или изначальную осмысленность всего и вся (в терминах В. Франкла), то «продвинутый» спутник может потом запросто спросить у упавшего (после падения по-детски наивного): «Зачем ты упал?» (и тот, опомнившись,

станет, если он, конечно, просвещенный психолог, отвечать...). Так же, как клиенты, воспитанные терапевтами, дисциплинированно отвечают на аналогичные вопросы, вроде: «Зачем и как ты *делаешь* себе депрессию?»² и т.п.

Психология – полагающая наука. Постигающая наука превращается в *полагающую* науку, когда она *конструирует смыслы, извлекая уроки*, — будущие смыслы предстоящих поступков и действий. История как таковая, будь то индивидуальная или мировая, не имеет смысла (теология, разумеется, против этого тезиса). Но можно (и нужно) все-таки извлекать уроки из происходящего (хотя, впрочем, известно, что главный урок истории состоит в том, что мы не извлекаем из нее уроки)³. И тогда постигающая наука есть вместе с тем функциональный орган развития сознания человека.

² Не только сон разума, но и разум, так сказать, в действии рождает чудовищ. Источник депрессии может иметь внепсихическое происхождение. Но живущий в каждом из нас смыслоискатель, доцент-телеолог, без пяти минут маленький профессор теологии, не дает нам успокоиться: он требует, чтобы мы ответили на вопрос «зачем?», «каков смысл?» «не успокоишься — пока не осмыслишь!...». Вот и рождаются *версии*, принимаемые за истину в последней инстанции: «депрессия — это судьба (сценарная расплата)», «депрессия — это защита», «депрессия — это вытесненное чувство вины» и т.д. и т.п. Разумеется: и судьба, и защита, и чувство вины могут иметь отношение к депрессии, но видеть именно в них и всегда источник, смысловую основу, исходный пункт развития депрессии, поддаваться соблазну *психологизировать* причины возникновения депрессивных состояний — это значит запутывать себя изначалью, в конечном счете, усиливать состояние внутреннего неблагополучия. По-видимому, все-таки эндогенная депрессия (по крайней мере, эндогенная) — асемантична. Ее источник, тело, — часть объективной реальности, *не данной нам в ощущениях*, но, к несчастью, *производящей их*. Имеющий, увы, культурно-историческое происхождение «бред целевой интерпретации», навязчивое телеологическое прочтение наших бед, в том числе телесно-внепсихологических источников неблагополучия, поскользнувшись на первой ступеньке рождения депрессии, усиливается далее, от ступени к ступени эволюции депрессивного состояния (теоретико-эмпирически мы рассматриваем этапы данного процесса в диссертационном исследовании М.В. Аксеновой).

³ Как практикующий психолог, я достаточно четко различаю и иногда противопоставляю «смыслы» событий (они не всегда существуют) и «уроки», которые всегда нужно и возможно

Я думаю, феноменология «могу», с присущей ей строгостью понимания феноменов сознания, не может не признать тот факт, что, когда мы пытаемся *познать* ранее не познанное *могу*, мы неизбежно (если это действительно доступно нам) *производим* наши новые сознаваемые возможности (только реализуя *на деле* гипотетические возможности, мы способны судить об их наличии или отсутствии). И это может касаться — тут мы выходим в сферу психологии как таковой — не освоенных еще степеней свободы, которые были *избыточны* (относительно *чего* «избыточны» — это особый вопрос, о нем дальше). В предисловии к книге Ж. Пиаже «Мышление и речь ребенка» (Пиаже, 2008) я прочитал: «Широко известен научный парадокс, согласно которому авторитет ученого лучше всего определяется тем, насколько он затормозил развитие науки в своей области». Я эти слова впервые услышал от А.Р. Лурии в университетские годы. По-моему, Н.А. Бернштейн, с его категорией «избыточных степеней свободы», как любой гений, на какое-то время затормозил развитие науки.

«Зинченковская психология» (пора бы уже давно утвердиться этому словосочетанию в нашей науке!), имеющая своим предметом сознание и, как мы увидим далее, самосозна-

ние, идя за ним, не только преодолевает, но и расширяет круг степеней свободы, приумножает, «высваивает» их (слово М. Хайдеггера кажется мне здесь особенно подходящим).

Позволю себе небольшое лирическое отступление, к которому располагает меня чтение книг Зинченко. Идея избыточности — одна из самых дорогих мне идей в психологии. Я всегда думал о том, что субъективных образов мира, возможно, в мире бы не было, если бы не избыточность (мне казалось когда-то, что это аргумент в пику идеи эпифеноменальности субъективного — теперь я так не думаю; появились совсем другие аргументы против). И моя «надситуативность» (работы 1974–1978 гг.) была основана на идее избыточности. И выход за пределы себя, побуждающий войти в жизненные миры другого (идея персонализации), — это, для меня, было тоже проявлением избыточности (работа 1992 г. и последующих лет, см.: Петровский, 2010). Признаюсь, я ревную богиню Психею к тем, кто говорит и пишет об избыточности, не важно, было ли это сказано до моего рождения, недавно или будет когда-нибудь кем-нибудь сказано. Может быть, это следы перенесенных травм на ранних этапах вхождения в профессиональную общность (помню непонимание и еще, как меня — за *«избыточные моменты*

извлечь из событий, происходящих в жизни моих консультируемых, как, впрочем, и в моей собственной (об уроках, которые должны быть извлечены консультируемым, хорошо сказано в книге А.А. Пузырея (Пузырей, 2005). Однако, если человек, приходящий ко мне на прием, слишком долго не извлекает уроки из негативных событий своей жизни, я побуждаю его задуматься — «в чем смысл того, что он отказывается извлечь урок». Тут уж возникает вопрос — в какие «игры» мы играем с миром, какие преимущества мы извлекаем, играя, какие жизненные сценарии осуществляем, сами того не ведая.

движения» — в моей кандидатской прикладывали). Единственный человек, к которому совсем не ревную, — это В.П. Зинченко. Его «избыточность» — ведь она от природы, она присуща ему самому, независимо от Н.А. Бернштейна и еще кого бы то ни было (здесь именно бытийный слой сознания, почва, судьба, дыханье, корни смыслов, к кому бы — на уровне «значений» — сам Зинченко ни относил истоки своих построений). Для меня здесь также — и зримое подтверждение того, что «избыточность» есть реальность чувственная, не придуманная, — не просто слово-ярлычок к абстрактному конструкту теории. Кроме того, это: дозволение «быть избыточным»; другой мой Учитель (увы, не довелось встретиться), Эрик Берн, сказал бы — Зинченко дает *разрешение* на избыточность⁴. И, кстати, избыточность в его теории — иная, чем у Бернштейна. Там — это повод к преодолению. Между тем зинченковские: идея творчества, идея устремленности к неопределенности, идея укоренения смыслов и извлечения уроков из состоявшихся актов жизни подразумевают увеличение степеней избыточности, — приумножения степеней подлинной, а не отягощающей, т.е. требующей преодоления, свободы.

«Сложности внешнего мира должны противостоять не просто сложность, а сверхсложность внутреннего мира: “пространства внутренний из-

быток”, — пишет В.П. Зинченко в одной из своих недавних, как всегда глубоких по сути и блистательных по форме статей (Зинченко, 2007, с. 30).

Погрузившись в пространство идей Зинченко, я переслал ему по мейлу следующий отклик:

«Дорогой Владимир Петрович! То, что я прочитал сегодня, вне сомнений, лучшее из всего прочитанного за последние годы: осмысление того, как психология выживает в вечной борьбе с самообесмысливанием и как она самообесмысливание это выживает (уж позвольте мне такую игру слов!).

И сам текст Ваш, как мне кажется, по механизму развертки, по своему внутреннему устройству, — это часть проживания психологией своего пути. Лучшая иллюстрация того, о чем Вы пишете. Единственный шанс субъективного справиться с неопределенностью мира — это сказать миру: ну, догоняй... Нельзя достичь скорости света, но есть теория, что можно обладать этой скоростью сразу, или — еще большей».

Вся психология Зинченко — *от избытка*. Это — «когда не путают порыв с прорывом» (так однажды сказал Зинченко на защите одной из оппонированных им докторских диссертаций).

Еще раз скажу: психология, берущая начало в *личности* Зинченко, психология «от Зинченко», есть проявление его *персональной* избыточности. В этом, мне кажется, глубинный

⁴ Впрочем, помню, как много лет назад (1978 г., конгресс по «бессознательному» в Тбилиси) Владимир Петрович строго сказал мне при посадке в автобус, направляющийся на экскурсию в винные погреба (к науке это не имело отношения): «Вадим, только не надо проявлять “надситуативную активность”» («Значит, знает!» — гордо подумал я, но с тех пор, спасибо за опыт, стараюсь себя как-то сдерживать!).

источник полагающей психологии. Здесь личность творца — первопричина и следствие его научного творчества. Без индивидуальной избыточности — только убыточность для науки.

Психология — постигающе-полагающая наука; наука поступающего самосознания (сознания, осуществляющего себя в себе). Первое из приведенных определений психологии трактует постижение и полагание как разные процессы. Второе определение указывает общий процесс — поступающее самосознание, сторонами которого являются постижение и полагание. Выражение в скобках уточняет, в каком смысле говорится о поступающем самосознании.

Итак, поиск причин и смыслов (если они есть), извлечение уроков и конструирование новых смыслов событий (если в этом есть необходимость) — все это *постижение и полагание*, и психология, если следовать, духу зинченковских построений, есть *постигающе-полагающая наука*, ведающая истоками жизни индивидуума, жизни общества, бытия цивилизации и культуры и раскрывающая перед посвященными веер возможностей, искушений и перспектив.

В центре внимания постигающей и полагающей психологии — не безличные причины, но причины-смыслы, в сочетании которых осуществляет себя понимающая работа сознания. Но метод раскрытия и работы с ними (диагностика этих причин, решение «задач на смысл», выведение следствий и предвосхищение последствий) — не только феноменологический или, скажем, интуитивный.

Вполне легитимным представляется также и объективно-психологический метод, реализуемый посредством множества исследовательских методик когнитивной, генетической, социальной, трансперсональной психологии; тут же и поступления из фонда психоанализа и психологического консультирования, а также благоприобретения всевозможных персонологических практик.

...Сегодня у меня на сеансе был молодой человек, музыкант, лидер одной из известных российских музыкальных групп. Несколько женственная внешность — тонкие черты лица (впрочем, «дерется как боевой слон, если раздражат»), изящество движений, высокая прическа, темные очки... Толпы поклонниц. Деликатность. «Практически» верен влюбленной в него молодой женщине, с которой вместе вот уже три года (слово «практически» использую в том же смысле, что и «практически трезв»). Некогда известная и до сих пор пользующаяся популярностью группа вдруг вызвала шквал негативных эмоций в суждениях молодых парней-критиков. Мой «подзащитный» не может писать музыку, застопорилась работа над текстами, у него «перехватывает горло», когда он пытается петь, говорит, что раньше «писал от сердца и по вдохновению», а теперь, должно быть, надо писать «от ума» (и это при том, что рейтинг этой группы в России значительно выше, чем рейтинг конкурирующих за слушателей групп, а европейские эксперты ее оценивают стабильно высоко). Основные претензии критиков — к внешности. Анализируем видеозаписи устных высказываний интеллектуалов-экспертов. В нашей компетенции с консультируемым, к этому времени, схемы транзактного анализа и психоаналитические представления о

защитных механизмах личности. Без труда можно увидеть следы проективной идентификации интеллектуалов-критиков с критикуемым лидером группы; подобно одному из персонажей знаменитого фильма «Красота по-американски» (а также, к сожалению, одному из всамделишных российских думских заседателей, яростному гонителю на этих... — не буду повторять любимое хрущевское слово), они (критики), конечно, не догадываются о существовании «реактивных образований», переворачивающих реальную картину влечений, и были бы, безусловно, шокированы или разгневаны, узнав, что проецируют на моего консультируемого свои неосознаваемые влечения, а также, испытывая зависть к его успеху, пытаются сбросить талантливого человека с пьедестала. Словом, моего подзащитного, почти по Ильфу, чуть было со сцены не «выгнали за половое влечение», — впрочем, не за его влечение к кому-то, а за влечение кого-то к нему-то... Реакция консультируемого на совместное раскрытие ситуации — смех понимания, лучшее, что может служить завершением сеанса.

Схемы, используемые в анализе, имеют объяснительный характер, они заключают в себе опыт понимания причинно-следственных отношений, лежащих в основе поведения, но раскрытие неосознаваемых смыслов-причин имеет здесь не отстраненно рациональный характер, а переживается консультируемым как открытие, позволяющее ему выйти из трудной жизненной ситуации. Постигающая и полагающая психология — это расширение рефлексии за счет использования *психологических орудий*, вбирающих в себя опыт понимания человека, предпринятого психологами-исследователями и

психологами-практиками (я называю такой подход *персонологическим*).

В изложении своих идей Зинченко — явно не роджеррианец, он не придерживается принципа безоценочного «понимания и принятия». Множество оценок! Именно так в норме оценочно наше сознание. Зинченко, используя замечательный термин Г. Шпета, пишет о со-значениях. Но можно говорить также о со-оценочности определений Зинченко. Например: «психика — не административное учреждение» (что это — оценка психики, которой не хватает немецкой подтянутости и выстроенности, или — административного учреждения, которому никогда не достичь уровня сложности психики?). Постигающей психологии, как и сознанию, входящему в ее предмет, очевидно, до всего есть дело... Со-оценочность Зинченко — инструмент и образец работы сознания, метод психологии, согласно авторскому умолчанию.

Предлагаемые Зинченко метафоры (Зинченко, 2006) — не «украшательство», а необходимость и умысел. Это путь к объединению значений и смыслов, метод такого объединения. Ключевое слово «избыточность» относится и к метафорам. В них всегда есть что-то большее, чем сказанное и «недосказанное» даже. Возможность многопланового осмысления и дополнительного означения.

Так, поэтические «иллюстрации» в тексте — это никакие не иллюстрации, а символы и скрытые «техники» обретения целостности сознания, приведение к единству рефлексивного и бытийного слоев психики.

Юмор, игра слов, на который столь щедр Зинченко (взять хотя бы недавнее — «параноев Ковчег!»), это не просто способ привлечь читателя к той или иной мысли, расслабить, очаровать, «обойти цензуру» и т.п. — это, я бы сказал, *показ*⁵ того, как живет сознание, преодолевая заданность и раскрывая перед собой и во вне новые степени своей свободы.

Или — кажущаяся, на первый взгляд, «вкусовой», «лингвистической», но никак не психологической — критика бездумного использования понятия «субъект». Смысл этой критики, по-моему, в том, что категории психологии живут в естественном языке, соприкасаются с *его* смыслами; поэтому должны быть совершенно особые причины использовать в научной психологии термины, коннотированные общественным сознанием; иначе говоря, «избыточность» — хорошо, «переизбыток» — плохо (одно из памятных и, как всегда, ярких выступлений В.П. Зинченко могло бы эпатировать своим названием тех, для кого «субъект» — расхожее слово; название доклада: «“Индивид”, “Субъект”, “Личность”: нужна ли нам психология “на троих”?»).

Или, вот еще, базовая метафора пояса Мебиуса при описании сознания. По горячим следам одного из выступлений В.П. Зинченко я написал ему:

«Дорогой Владимир Петрович!

*После Вашего замечательного мис-
леемкого и в то же время щедрого на*

*мысль повествования не хочется об-
ременять Вас своими заметками —
так что, Бога ради, отдохните мне
ответать, но просто дайте мне воз-
можность отреагировать... Действи-
тельно, — колоссальное впечатление
от доклада. Сегодня я услышал от
Марины (М.В. Бороденко. — В.П.), ко-
торая тоже слушала Ваш доклад:
“Владимир Петрович вернул психоло-
гии сознание”, а я добавил: “Привел
психологию в сознание” (как, впрочем,
совсем недавно Вы вернули в психоло-
гию, уставшую от “репрезентаций”,
“непосредственное”, столкнув психоло-
гию нос к носу с этим диковинным
феноменом...).*

*Огорчен, что моя реакция по сле-
дам Вашего выступления была скорее
эмоциональной, чем содержательной,
и я не смог как следует обосновать
тот факт, что именно Ваше пред-
ставление о сознании содержит в се-
бе зримое подтверждение тому, что
психика это вечное “между” (я писал
об этом в книге “Логика Я”).*

*Еще, по-моему, Ваш доклад внес
нужную ясность в представление о
“живом движении” (оно теперь ви-
дится мне трехслойным: биодинами-
ческая ткань — это раз, чувстви-
тельно-динамическая ткань — два, и пси-
ходинамическая ткань по ту и по сю
сторону от той и другой — три).
Психика per se — невидима, до-чув-
ственна.*

*Впечатлен очень метафорой пояса
Мебиуса. “Невидимость” психики там
тоже — есть! Обратите внимание:*

⁵ Как удержатся от *избыточной* (но в этом случае — *деструктивной*) рефлексии, *показывая*? Возможно, когда-нибудь психология придет к методу наведения чистого созерцания сущностей без рефлексивного «аккомпанемента»; принципом построения и использования этого метода станет «не спугни своим словом смысл».

вот кромочка перехода от “внешней” (наблюдаемой) к “внутренней” (ненаблюдаемой) поверхностям этой фигуры; мы переходим через эту грань мысленно; и сама эта “грань” – есть мысль о переходе; сам же переход как бы спрятан за мыслью о нем – то есть, иначе говоря, мы знаем, что этот переход есть, но мы не видим его, не можем увидеть (в чисто физическом плане изгиб перехода не является источником световых волн, контур – ничего не излучает!). Так и психика: она – невидима, она есть “третье” состояние бытия, объединяющее и сообщающее в себе то, что принято называть внешним (“объективное”), и внутренним (говорят – “субъективное”). Вы оставляете место для этого третьего, что неслучайно, конечно...

И наконец – “субъект”. Сегодня, слушая Вас, я окончательно убедился, что гносеологического субъекта не существует. Это фикция сознания. Другое дело, что “фикция”, имея свое представительство в сознании, является одним из важных его содержаний, которое совершенно на равных вступает в игру с другими содержаниями сознания, такими, например, как “объект” или, положим, “акт восприятия” (как бы пририсованный к “субъекту”). Упраздняя лопатинского человечка (хотя и не изгоняя его из сознания), мы фактически отказываем гносеологическому субъекту в праве гражданства на территории психологии (в гостевой визе – нет, чем он, собственно говоря, и пользуется). Но это не значит, конечно, что мы упраздняем идею онтологического

субъекта: для меня это, Вы знаете, – *causa sui* (это, конечно, мне бы хотелось обсудить детальнее⁶).

Психика, конечно, избыточна. Это – особый затронутый Вами сюжет! Но боюсь, – и мое письмо Вам избыточно до чрезмерности. Просто не могу удержаться от впечатлений... Помните, Бунин сказал о Толстом: “Он меня переогромил”. Вы меня и многих из нас сегодня переогромил!».

Я хочу прокомментировать это письмо, – делая акцент на избыточности. Когда мы говорим об избыточности, мы должны сообщить, относительно чего избыточно нечто. Для Н.А. Бернштейна «степени свободы» избыточны относительно необходимости совершить это конкретное действие (другие действия в данный момент не соответствуют «модели потребного будущего»). Когда В.П. Зинченко говорит об избыточности чувственной и биодинамической ткани, то речь, очевидно, идет о потенциальном многообразии конкретных образов и действий, которые могут быть сотканы из этой ткани, – о ее избыточности относительно любой конкретной формы реализации (ткань – одно, униформа – другое). Если речь вести о чувственном образе мира, то понятно, что избыточность этого образа подразумевает множественность интерпретаций и осмыслений его, – нередуцируемость образа к тому или иному значению или смыслу. Когда автор этих слов говорит об избыточном «могу», рождающемся в деятельности и превращающемся в «хочу», речь

⁶ Потом этот сюжет был разработан мною в статье: «Начала персонологии “Я”: существует ли ее предмет?» для сборника, посвященного 80-летию В.П. Зинченко.

идет об избытке возможностей над уровнем требований ситуации или, шире, над уровнем исходных мотивов, побуждающих поведение. Но область «избыточности», возможно, шире. Если верно, что психика — нечто «третье» между субъективным и объективным (Петровский, 2004), что это взаимопереход между внутренним и внешним (метафора пояса Мебиуса *феноменологически* указывает нам на это), то нельзя ли предположить, что *психика* *per se* избыточна относительно любой из конкретных возможностей своего перехода в чувственность (в бытийный слой сознания, включающий в себя *переживание* движения), а также — в поведение (внешне наблюдаемую активность). Заметим, что пояс Мебиуса «кружит» в окружающем его пространстве-времени, «соприкасается», но не сливается с ним. Есть граница (а граница, мы знаем, это «предел-переход-связь»). Может быть, в этом случае перед нами метафора неизбежного *иноприсутствия значений и смыслов* в культуре?⁷

Работы Зинченко, привожу только некоторые из публикаций истекшего десятилетия (Зинченко, 2000, 2004, 2006, 2007, 2009, 2010; Зинченко и др., 2010) включают в себя опыт истории психологии. Почему? Это — реконструкция в индивидуальном сознании исследователя движений в системе «значение—значение», «значение—смысл», «смысл—значение», «смысл—смысл». «История» здесь — это не только всеобщая история

психологии; это история также индивидуального сознания исследователей (например, динамика в решении вопроса о соотношении смысла и значения в трудах Л.С. Выготского), а также — интериндивидуальных связей, прорисованных или нет, названных или подразумеваемых (Шпет—Выготский, Леонтьев—Бернштейн, Рубинштейн и др.). Сквозь перипетии индивидуальных историй и судеб, красноречивых фактов и странных фигур умолчания проглядывают феноменология и экзистенциальная логика intersубъектного, имеющие значимость прежде всего для психолога, исследующего взаимоотношения «Я—Ты». Меньше всего Зинченко озабочен вопросом, что здесь первое (интрасубъектное) или второе (intersубъектное), как, впрочем, и то (обычно это волнует авторов!), кто здесь был *первый*, а кто *второй*. Для Зинченко вся история существует сейчас, тут, в этом пространстве—времени, включая «заскоки» в будущее. История психологии для него есть путь объективации и субъективации сознания средствами самого сознания. Об этом — дальше.

Психология — сверхлична и лична; она есть объективация сознания и возвращение сознания к себе, в субъективность. Для В.П. Зинченко, как и для ряда других исследователей (В.С. Соловьев, С.Н. Трубецкой, Г.Г. Шпет, Г.П. Щедровицкий и др.), сознание не имеет «собственника». В некотором смысле, сознание «ничье». «В конце концов, так же

⁷ В «Человеке над ситуацией» я писал, что «Вишневый сад» стал бы дыбом на голове А.П. Чехова, если бы тот увидел одну из современных постановок своей пьесы (Петровский, 2010, С. 546).

нельзя сказать, *что* сознание, как нельзя сказать, *что* пространство, *чей* воздух, хотя бы всякий был убежден, что воздух, которым он дышит, есть *его* воздух и пространство, которое он занимает, есть *его* пространство» — цитирует и соглашается с Г.Г. Шпетом Зинченко. Надо думать и Психология, как форма общественного сознания, «ничья». «Науку еще никому не удалось начать с себя. Ее история — это не поле брани, усеянное телами умственно отсталых предшественников».

И все-таки позволю себе улыбнуться! Парадоксальная вещь! «Сознание» у Зинченко — *ничье*. Удивительно не то, что оно «ничье» (так писали и обосновывали этот тезис и другие авторы), а то, что сознание «ничье» *у Зинченко* — в *его* собственном повествовании о сознании. Владимир Петрович с восхищением цитирует Г.Г. Шпета: «Психология — объективная наука о субъективном». И в самом деле, трудно устоять — не восхититься — лаконичностью, точностью, глубиной и неожиданностью этого определения психологии. Но сам Зинченко, строит *свою* психологию. Я рискнул назвать ее в начале

этого повествования «постигающей психологией». О ней, я думаю, можно сказать, что это наука о самоосмыслении субъективного в объективных формах, наука о возвращении субъективного из инобытия в объективном к себе, наука, в которой субъективное *прибывает* к себе, чтобы *пребыть у себя*. Не «психология идей», не «психология людей», и даже не «событийная психология» (так называет Зинченко один из опытов истории психологии, представленных Г. Люком), а именно *смысловая* история психологии. Здесь — недостаточно «хорошо сказать», «найти точное слово», или, так сказать, «словцо», недостаточно как-нибудь образно или изящно выразиться (всего этого Зинченко не занимать!). Здесь необходимо вчувствоваться мир объективированного знания, решив для себя, что от разума, что нет, что имеет смысл и что не может его иметь. Здесь властвует пристрастность психолога, историка психологии, «через себя понимание» (А. Битов) или принципиальное *не-понимание*⁸.

Психологию учили жить философы, поучали физиологи...

⁸ У поэта Семена Липкина есть строчки, которые, как мне кажется, точно выражают разницу между изяществом и правдой, силищейся осмыслить мир:

«Ереванская роза	Ереванскую розу —
Мерным слогом воркует,	Вздых и целую фразу —
Гармонически плачет навзрыд.	Понимаешь: настолько проста.
Ереванская проза	Ереванскую прозу
Мастерит, и торгует,	Понимаешь не сразу,
И кричит, некрасиво кричит.	Потому, что во всем разлита ...»

Сам поэт, в конечном счете, объединяет поэзию и прозу в одно, но это — поэтический синтез. Психологии до него далеко. Другое дело — принципиальное условие этого синтеза. В этом вопрос.

Российская психология в последние годы отваживается рефлексировать себя самое, раскрывая перед собой свои собственные категории (я имею в виду идею теоретической психологии, высказанную А.В. Петровским, вместе с которым мне повезло поработать над категориальным строем психологии; там выделяются кластеры и плеяды логических форм, определяющих психологию в ее исторической динамике (Петровский А.В., Петровский В.А., 2000). Однако у Зинченко не просто «смыслы», а *личностные смыслы* открытий, творимых психологами.

Но мы говорили также о том, что не все изначально имеет смысл (если, конечно, не прибегать к логическим уловкам типа: «смысл в том, чтобы осознать, что это бессмысленно»).

Психология у Зинченко – не только постигающая, но и полагающая наука, побуждающая нас извлекать уроки, мысленно пролистывая календарь назад, вырывая страницы или переписывая старенькие листочки наново, а то и делать пометки в календаре на будущее (на этом зиждется механизм порождения новых мотивов)⁹.

Поставим такой вопрос: что является условием синтеза психологии постигающей и – *полагающей*? Мне представляется, что это – избыточ-

ность самой психики, о чем мы уже имели возможность сказать ранее. Пояс Мебиуса – это подсказка. Сколько ни вглядывайся в него, мы не сможем разглядеть перехода с одной стороны на другую. О самом переходе, конечно, знаем, но непосредственно он не дан в восприятии. «Как ни крути», но пояс Мебиуса содержит в себе три части: во-первых, видимую, во-вторых, скрытую и, в-третьих, как бы ускользающую из вида (буквально у нас на виду!) часть. Если смотреть с позиции внешнего наблюдателя, видим *поведение* индивида, его *переживания* скрыты. Если смотреть с позиции внутреннего наблюдателя, то мы оказываемся в поле его *переживаний*, принимающих форму чувственного, образного, мысленного, смыслового... Но в любом случае есть что-то переходное, способное превратиться в видимое и невидимое (не будучи непосредственно видимым или невидимым). Эта избыточность (относительно способа реализации вовне или вовнутрь) присуща, очевидно, психике. И именно в ней – условие искомого синтеза *постижения* и *полагания*.

Спрашивается, а как совершается этот синтез? Я не стану отвечать здесь на вопрос, поставленный подобным образом. Я переформулирую вопрос так: *кто* совершает синтез? Полагаю, что Зинченко – один из

⁹ В зависимости от того, чем завершается «свободное действие», впишется ли оно своими результатами в систему действующих мотивов индивидуума, оно будет либо признано и запечатлено (обретенный аффект будет требовать воспроизводства, родится новый мотив и, возможно, индивидуум признает себя его автором, «субъектом»), либо окажется лишним, «бессмысленным», и тогда человек отречется от авторства, возможно, сказав о себе: «Бес попутал» (Петровский, 1996).

немногих психологов в мире, кто производит этот синтез *в себе* и общается к нему *нас*.

Художники, писал С. Моэм, научили нас видеть мир. Подлинный психолог учит видеть невидимое.

Психология — от первого лица.

Но, так уж и быть, примем, что психология, как форма сознания, — ничья, да и М. Фуко, тая свою авторскую позицию в этом вопросе, кивает, присоединяясь, — это значит, что *каждый* имеет право отстаивать свои права на авторство. Как выразился один экскурсовод в Таллинне (я был в группе туристов): «Хочу, чтобы вы составили свое личное мнение, поэтому я поведу вас своими тропами...» Но в каждой шутке есть доля шутки: исходная и конечная точка маршрута — индивидуальное сознание, а сам маршрут, следовательно, есть самосознание и самосоздание.

В.П. Зинченко ведет «своими тропами», однако его метод — жестко определен, его определенность, или, если вслушаться в Г. Гегеля, *о-предельность*, — это путь сознания *per se*.

Напомню, какие «части» сознания выделяет В.П. Зинченко: «чувственная ткань», «биодинамическая ткань» (здесь «заскок» в будущее, о чем пишет Зинченко, цитируя В.В. Биbihина), далее — «значения» и «смыслы». Строя *свою* психологию, В.П. Зинченко совершает работу, соответствующую (прослеживается изоморфизм) описанным «частям». Это работа «вчувствования» (а иногда и «вчитывания») смыслов в предмет исследования. Поэзия текстов Зинченко (она самоценна, конечно!) есть, прежде всего, опыт постижения и полагания, адекватный

бытийному слою сознания (где чувственная и динамическая ткань); здесь Зинченко прослеживает сознание и следует за ним по пути «аналитики» (не «анализа») инициального опыта, сама интонация письменных текстов (ее можно расслышать!), не говоря уже об интонации, явленной в живом устном слове (а также смехе, наклоне головы, обращенности позы, — я знаю коллег, перенявших у Зинченко что-то из этого) подчинены той же цели — передать неизъяснимое (и — ведь дано передать!).

История психологии «от Зинченко», при всей объективности его повествования (развивающегося, подобно самой психике, вдоль пояса Мебиуса, смотрящего вовне и вовнутрь), при всей, я бы сказал, опять цитируя Владимира Петровича, не-«презентированности» в тексте самого повествователя, — это все-таки «Его история», он мог бы (но не делает этого) позволить себе сказать «Моя история психологии», подобно Цветаевой — «Мой Пушкин».

Действительно, Владимиру Петровичу Зинченко, пребывающему в полноценном сверхвременном и кросспространственном общении с философами, культурологами, поэтами, психологами, психотерапевтами самых разных эпох и культур, присуще умение видеть мир *непосредственно*, а не в «репрезентациях». Абсолютная независимость мысли! Взять хотя бы переворачивание привычных представлений о кризисе методологических основ психологии («Какой же это кризис?! Это расцвет!» — говорит Зинченко).

Не-презентированность авторского Я историка-исследователя в истории психологии, мне кажется, то же,

что и непредъявленность личного Я психотерапевта в психотерапии; всего лучше, пожалуй, такая позиция: «*Меня нет, следовательно, я существую*». Зинченко, внесший выдающийся вклад в психологию, не уподобляется другим выдающимся, рядом шедшим или идущим, тем, кто умудряются выдавать историю за себя. Он любит цитировать Сальвадора Дали: «Личность — это избыток индивидуальности». Сам С. Дали совершенно непритязателен, он говорит о себе просто: «Сюрреализм — это я» (избыток индивидуальности?).

Зинченко, обладая, несомненно, избытком индивидуальности, в отличие от С. Дали, не говорит о себе в истории; история *в его лице* находит способ как бы запросто, по душам, поговорить с самой собой.

Психология «от Зинченко» — полагающая наука. Это она совершает «заскок в будущее». Она не просто считается с неопределенностью, но преодолевает ее; это она вращает пояс Мебиуса, созерцая ранее невидимые и невиданные переходы «между» данностью и заданностью; это она показывает путь порождения и высвобождения избыточных степеней свободы волевого и вольного действия, обогащения и выточки чувственной ткани, приумножения и дифференциации значений, укоренения и проращивания новых смыслов.

Владимир Петрович часто вспоминает слова Ухтомского о личности: «Личность — функциональный орган». Психология — она, конечно,

«ничья», так же как и сознание — «ничье», но она все же имеет свой собственный орган самоосуществления. Должен быть *кто-то*, через кого психология разговаривает *с собой*. Тексты книг и статей Зинченко — чувственная ткань переживающей себя психологии. Его мысль — живое движение сквозь знаки любой сложности (будь то слова в естественном языке индивидуального мышления или научные тексты в историческом движении сознания); предложения, из которых строятся тексты, суть не только опыт фиксации сквозь-знаковых переходов в новых знаковых формах¹⁰ — это *предложения*, которые Зинченко делает психологии (а Психея к нему благосклонна!).

Его психология обращена к личному. Зинченко — истинный персонолог. В персонологическом прочтении, *психология Зинченко* есть наука о *совершающем себя* сознании, — наука об актах, инструментах и результатах индивидуального и всеобщего самосознания; наука, имеющая своим предметом и методом поступающее *самосознание* человека.

Тексты этой науки всматриваются в читателя, обращены к нему, они и сами обращают читателя — нет, не в чью-нибудь веру, но к постижению и конструированию самих себя в диалогах «Я—Ты».

И сам Владимир Петрович не предъявляет *себя* в качестве *субъекта* обращения кого-то во что-то, избегает праздно используемого слова

¹⁰ Мысль Зинченко, конечно, неотделима от знака, но сама она — живое движение сквозь толщу знаков; она всегда обретает для себя свой знак (например, в метафорах смысла), но тут же вновь одолевает означенность (ведь это «только» метафора).

«субъект». Не «позиционирует» себя в качестве автора и образца синтеза процессов постижения и полагания психологией своего предмета. От Зинченко гораздо чаще услышишь «Вы», чем «я». Его речь – уразумение и подразумевание, она никого не силится образумить.

Сознание – «за него» – говорит с собой на *его* языке, действуя *им*, по-

ступает *как он*. *Теория сознания и сознание* Теоретика в его лице едины.

Участное миру, говоря и действуя так, как он, сознание целит в себя, достраивает себя до целого.

В.П. Зинченко – человек поступающего самосознания, сознания, проникающего в себя, проникающего собою.

Литература

- Зинченко В.П. Мысль и слово Г.Г. Шпета. М.: Изд-во УРАО, 2000.
- Зинченко В.П. Духовный организм и его функциональные органы // Труды Ярославского методологического семинара. Ярославль: МАПИ, 2004. Т. 2. С. 101–120.
- Зинченко В.П. Живые метафоры смысла // Вопросы психологии. 2006. № 5.
- Зинченко В.П. Толерантность в неопределенности: новость или психологическая традиция // Человек в ситуации неопределенности / Под ред. А.К.Болотовой. М.: ТЕИС, 2007. С. 9–33.
- Зинченко В.П. Нужно ли преодолеть постулат непосредственности? // Вопр. психол. 2009. С. 3–19.
- Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Зинченко В.П., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Истоки культурно-исторической психологии: Философско-гуманитарный контекст. М.: РОССПЭН, 2010.
- Лефевр В.А. Космический субъект. М.: Ин-квартио, 1996.
- Лефевр В.А. Алгебра совести. М.: Когито-центр, 2004.
- Мэй Р. Открытие бытия: Очерки экзистенциальной психологии. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004.
- Петровский А.В., Петровский В.А. Категориальная система психологии // Вопр. психол., 2000. № 5. С. 44–53.
- Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д.: Феникс, 1996.
- Петровский В.А. Общая персонология: наука личности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Спец. выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион». Самара, 2003. С. 20–30
- Петровский В.А. Психология: «непредметность предмета» // Труды Ярославского методологического семинара «Предмет психологии». Ярославль, 2004. С. 240–246.
- Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
- Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Римис, 2008.
- Пузырей А.А. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.

ТАИНСТВЕННЫЙ ИЗБЫТОК ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Б.Г. МЕЩЕРЯКОВ

Мещеряков Борис Гурьевич — профессор кафедры психологии университета «Дубна», доктор психологических наук. Главный редактор «Психологического журнала» университета «Дубна» (www.psyanima.ru), зам. главного редактора журнала «Культурно-историческая психология». Область научных интересов — культурно-историческая психология, когнитивная психология, психология развития.
Контакты: borlogic@yahoo.com

Мастер во всяком деле (в математике, в живописи, в музыке, в психологии...) характеризуется именно тем, что, не справляясь о том, дозволено ли и возможно ли то, что он собирается сделать, с точки зрения существующих взглядов, убеждений и учений, — делает и осуществляет! Так что для педантов остается лишь задумываться, «как возможно» было то, что фактически сделал!

А.А. Ухтомский

Просто очень хотелось бы, чтобы психология еще при моей жизни стала более человеческой и интересной.

В.П. Зинченко

В.П. Зинченко любит цитировать слова М.К. Мамардашвили: «Вне духовного содержания любое дело — это полдела. Не представляю себе философию без рыцарей чести и человеческого достоинства. Все остальное — слова. Люди должны узнавать себя в мысли философов» (Мамардашвили, 1990, с. 199). И часто до-

бавляет: «И в мысли психологов тоже» (Зинченко, 1997, с. 102). С давних пор вполне справедливым считается испытывать любое изобретение в первую очередь на самих изобретателях. Попробуем и мы провести такое испытание, применив рассуждения Владимира Петровича к нему самому.

Следует признать наличие тайны в этом человеке, в его душе и в его сознании и не пытаться ее раскрыть: разве только прикоснуться (Зинченко, 2010, с. 68). Кто бы ни сотворил этого человека, «сделано это с умом: его телесный и духовный организм снабжен огромным числом избыточных степеней свободы» (там же, с. 548). Несомненно, у него «имеется все достаточное и необходимое: есть избыток степеней свободы кинематических цепей <...> тела, избыток степеней свободы образа по отношению к оригиналу, избыточен язык, память, свободно мышление, <...> сознание приближается (иногда) к абсолютной свободе» (там же, с. 214). Наконец, он «обладает избыточным числом своих собственных Я» (там же, с. 200). И он «по мере активного, деятельного или созерцательного проникновения во внутреннюю форму слова, символа, другого человека, произведения искусства, природы, в том числе и своей собственной, строит свою внутреннюю форму, расширяет внутреннее пространство своей души, говоря словами О. Мандельштама, создает пространства внутренний избыток» (там же, с. 559).

Его полифоническое мышление полисемично и синкретично: в нем встречаются и перекликаются голоса понятий, образов, аффектов, символов, ощущаемых смыслов, метафор, метонимий, перебивающих, упреждающих, сопровождающих и дополняющих монологический голос рацию (там же, с. 98).

Его сознание — «живое, текстовое, мифологическое, — в отличие от плоского, одномерного, идеологического, имеет многослойное строение. Оно сплетено из биодинамической

ткани действий, чувственной ткани образов, ткани (материи) языка, мыслительной, аффективной ткани, ткани переживаний, ткани социальных отношений и ткани живого человеческого опыта. Все это сплетение пронизано смысловыми швами, скрепляющими его» (там же, с. 105–106).

В своем духовном развитии он подобен многоступенчатой ракете, ступени которой конструируются по ходу полета (Зинченко, 1997, с. 148–149; Зинченко, 2010, с. 158), а траектория полета (равно как и траектория развития его сознания и творчества) — уникальна, неповторима, непредсказуема. Такое спонтанное и свободное конструктивное развитие можно понять «не как усвоение, присвоение, послушание, а как саморазвитие, самостроительство, творчество себя» (Зинченко, 1997, с. 124). Однако самым темным и загадочным моментом этого развития является «переход от внешней детерминации развития к внутренней, к самоопределению и саморазвитию» (там же, с. 153).

Его «дух сам находит, в чем опредметиться. <...> Он свободен, и в этом его непреодолимая сила»; его «духовность — это не какие-то воспарения, не витающий в нашей духовной жизни пар, а материя. Поэтому не случайны сравнения живого духа и его движения с машиной, самолетом, ракетой и т.п., которые произведены им же и стали орудиями человеческого духа» (Зинченко, 2010, с. 165).

Его «личность есть предмет восхищения, зависти, ненависти, незаинтересованного художественного изображения, а не предмет изучения. Она не требует экстенсивного раскрытия:

ее видно по жесту, взгляду, слову...»; она «непосредственна, ей свойственны “участность в бытии”, “поступающее мышление”, свободные действия — поступки» (там же, с. 545). В целом эта личность — «таинственный избыток индивидуальности», от встречи с которой остается ощущение: *Esse homo* (там же, с. 546).

Для меня мой собственный опыт общения с В.П. Зинченко является достаточным аргументом в пользу большого сходства реальной и вышеописанной идеальной формы личности. На этом можно было бы поставить точку. Но с теоретической точки зрения может представлять интерес аргументация, полученная, так сказать, обходным путем. Дело в том, что личные качества самого В.П. Зинченко могут служить прекрасной иллюстрацией к тому концептуальному портрету самоактуализирующейся личности, который составлен А. Маслоу (см., напр.: Маслоу, 2009, с. 189–190). В свою очередь, перечисленные выше характеристики идеальной личности и процесса ее развития хорошо дополняют этот портрет. Это, кстати сказать, означает, что развиваемое В.П. Зинченко представление о личности вряд ли может быть широким и общим (по данным самого А. Маслоу, в изученной им популяции процент самоак-

туализирующихся личностей не превышает 2%, а среди студентов — 0.1%). Учитывая скептическое отношение В.П. Зинченко к тому, что личность может быть предметом изучения, нельзя было рассчитывать на то, что он согласится ответить на внушительный по объему самоактуализационный тест (САТ), состоящий из 126 пунктов, в каждом из которых надо осуществлять выбор из двух длинных утверждений. Для упрощения задачи я рискнул воспользоваться не слишком идеальным переводом Short Index of Self-Actualization (Jones, Crandall, 1986) с 15 пунктами, предложив ответить на них (каюсь, без раскрытия целевой направленности данного теста) двум испытуемым — В.П. Зинченко и В.М. Мунипову¹. Они оба, по моим наблюдениям, являются ярко выраженными самоактуализирующимися личностями. Хотя я не очень доверял тесту, но его результаты вполне подтвердили мои ожидания — полученные значения самоактуализации соответствовали высокой степени². Впрочем, в большей степени подтвердилось то, о чем давно писал В.П. Зинченко: «Личность видна сразу и целиком и тем отличается от индивида, свойства которого подлежат раскрытию, испытанию, изучению и оценкам» (Зинченко, 2003, с. 266); бесспорно,

¹ Владимир Михайлович Мунипов — известный в нашей стране и за рубежом психолог, один из создателей отечественной эргономики. С Владимиром Петровичем Зинченко его связывает многолетняя дружба, сотрудничество и соавторство; они авторы знаменитых и уникальных книг по эргономике: «Основы эргономики» (1979) и «Эргономика. Человекоориентированное проектирование техники, программного обеспечения и среды» (1998). И оба в 2011 г. отмечают юбилей.

² Для сравнения: общие оценки самоактуализации у всех 15 контрольных испытуемых-студентов были ниже.

если эта личность — самоактуализирующаяся.

Утомленный спорами о том, что есть движение, один известный древнегреческий философ просто встал и начал ходить. Не менее утомленный

множеством определений того, что есть личность, психолог и философ вполне мог бы поступить таким же образом, но трудно ожидать такого поведения от В.П. Зинченко, — как говорится, воспитание не позволяет.

Литература

Зинченко В.П. Добавление редактора к статье «Личность» // Большой психологический словарь. 4-е изд. / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб., 2003.

Зинченко В.П. Посох Манделъштама и трубка Мамардашвили. М., 1997.

Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М., 2010.

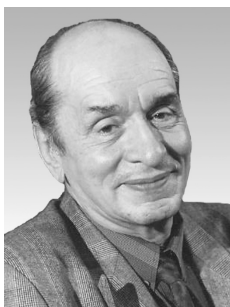
Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990.

Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб., 2009. С. 189–190.

Jones A., Crandall R. Validation of a Short Index of Self-Actualization // Personality and Soc. Psychology Bulletin. 1986. 12. 1. 63–73.

ОТ ИНЖЕНЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ К ЭРГОНОМИКЕ

В.М. МУНИПОВ

Мунипов Владимир Михайлович — профессор МГППУ, доктор психологических наук, профессор, действительный член РАО, один из создателей отечественной эргономики.
Контакты: v.munipov@gmail.com

Писать о В.П. Зинченко и легко, и сложно. Легко и приятно лишний раз вести, хотя и заочно, диалог с умным и мудрым собеседником. Сложно охватить многогранные проявления его таланта, достоинство которого не в одной из граней, а во всем их многообразии, позволяющем представить всю глубину и ценность того, что он делает.

Не буду писать о научных достижениях В.П. Зинченко в психологии, они известны и без меня, и о них напишут другие. Хотел бы только подчеркнуть, что он не устает предостерегать от легких решений в психологии. Он не уходит от понятия тайны человека, рассматривает ее не как недостаток психологии, а как ее существенное завоевание. Наиболее сильной и привлекательной стороной творчества В.П. Зинченко является его духовность, т.е., как он сам пишет, устремленность, неутоленность («духовной жаждою томим»), беспокойство, напряженность, энергия, направ-

ленные на поиск истины. При этом у него не чувствуется претензии на правильность своих мыслей, размышлений. Он не боится сомнений, рассматривая их как путь к истине.

Огромная заслуга В.П. Зинченко — стремление одухотворить психологию. Дьявольски сложная задача. В.П. Зинченко достоин восхищения, он осмелился искать новые устои духовного в психологии и во многих работах высказывается по этому поводу достаточно определенно. Мы легко рассуждаем о бездуховности, но, как только речь заходит о духовности, становимся нерешительными и зачастую замолкаем.

И еще одна черта творчества Зинченко, всегда завораживающая меня, — его прикосновение к искусству и прежде всего к поэзии как поиску жизни духа и его пределов. Новые и оригинальные подходы к развитию психологии В.П. Зинченко находит в ее органичной связи с поэзией и искусством, что зачастую воспринимается

как отход от принципов научности и поэтому иногда даже отвергается. Уместно напомнить, что еще князь В.Ф. Одоевский писал, что науки и искусства когда-нибудь сольются, образовав единую сверхмощную науку или искусство.

Еще несколько слов о личности Зинченко, как я ее воспринимаю, много лет работая с ним. Мощный и острый ум, помноженный на творческое воображение и неисчерпаемую энергию, в сочетании с чувством юмора — характерная черта Владимира Петровича. Он прямой, смелый и надежный человек, с которым радостно работать и дружить.

Непорядочным людям высказывает свое мнение в лицо, так что они его избегают. Его высочайший профессионализм в сочетании с указанными чертами личности зачастую приводит к тому, что его боятся приглашать на работу в организации психологического профиля. Не случайно он создал не в Москве, а в г. Дубне на пустом месте одну из лучших кафедр психологии в стране. Все, кто работает, общается или сталкивается с В.П. Зинченко, отмечают, что он общительный и веселый человек, любитель анекдотов и метких афоризмов. С ним всегда интересно, и он ценит интересных людей.

В.П. Зинченко не лишен недостатков, они у него так сложно вплетаются в положительные черты, что их трудно расчленишь. Зинченко без его недостатков, убежден я, не будет тем Зинченко, которого все знают.

В последние годы, когда В.П. Зинченко сосредоточился на подведении итогов и дальнейшем развитии теоретических и экспериментальных исследований в психологии, о чем сви-

детельствует фундаментальный труд «Сознание и творческий акт», точно названный и изданный в прошлом году, отходит на второй план одно из важнейших направлений его работ, как мне показалось, а многие молодые психологи вообще не знают о нем. Имеется в виду, что он один из основателей в нашей стране инженерной психологии и эргономики.

Сегодня ясно, что инженерная психология и эргономика — это две органично связанные дисциплины. Более того, инженерная психология является составной частью эргономики. В нашей стране, как, кстати, и в США, ведущую роль в развитии эргономики играет психология. Поэтому инженерная психология не только составная часть эргономики, но и в определенной степени ее ядро.

В 1960 г. к выполнению программы по учету человеческого фактора при создании военной техники были привлечены кафедры психологии и психологические лаборатории Московского, Ленинградского, Харьковского университетов, Институт общей и педагогической психологии Академии педагогических наук РСФСР. Позднее к ним присоединились Тартуский, Тбилисский, Вильнюсский университеты, Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики и его многочисленные филиалы, Институт психологии Грузинской академии наук и др. В начале 1961 г. была создана лаборатория инженерной психологии, возглавил которую В.П. Зинченко.

Результаты не замедлили сказаться. С 1962 г. пошла волна публикаций по инженерной психологии. В 1963 г. издается первая монография по инженерной психологии,

в которой содержится солидный обзор зарубежных работ и представлены первые отечественные исследования в этой области. В 1964 г. публикуется сборник оригинальных отечественных работ. Наряду с ними издаются сборники переводов работ западных авторов.

Развитию инженерной психологии способствовало то, что привлеченные в нее ученые не были приучены к секретности. В.П. Зинченко сразу заявил, что в человеке нет ничего секретного, хотя есть много таинственного и загадочного.

Откликаясь на запросы практики, инженерная психология обростала все более широким кругом задач и проблем. В коллективы, призванные решать инженерно-психологические задачи, стали привлекать антропологов, биомехаников, физиологов, гигиенистов, дизайнеров и других специалистов. Инженерную психологию все чаще стали рассматривать как комплексную научно-техническую дисциплину, решение задач которой требует широкого размаха исследований, привлечения специалистов, компетентных в самых разных областях знаний.

В определенной мере поэтому для части инженерных психологов было удивительным появление в начале 1960-х гг. в нашей стране эргономики. Действительно, на первый взгляд трудно понять, почему при таком успешном, даже бурном развертывании исследований по инженерной психологии, консолидации ученых и специалистов из академических, университетских, промышленных, военных учреждений возникла эргономика.

Дисциплинарное разделение на инженерную психологию и эргоно-

мику ранее единой области было не обусловлено какими-то формальными или субъективными соображениями, а продиктовано логикой развития области изучения и учета человеческого фактора в технике и самое главное — определялось запросами промышленности, которая благодаря первым инженерно-психологическим работам почувствовала вкус к тому направлению исследований и отдельных разработок, в котором просматривалось формирование комплексной научно-технической дисциплины, решающей и практические задачи.

В соответствии с постановлением правительства в 1962 г. был образован Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики (ВНИИТЭ). А в соответствии с решением Совета Экономической Взаимопомощи при ВНИИТЭ был создан Координационный центр под руководством В.М. Мунипова, а также Научно-технический совет по проблеме сотрудничества, который возглавил В.П. Зинченко. Институт был оснащен первоклассным оборудованием и техническими средствами для выполнения проектных работ и проведения экспериментальных исследований. В 1962–1965 гг. в крупных промышленных городах — Ленинграде, Свердловске, Хабаровске, Киеве, Харькове, Баку, Тбилиси, Ереване, Вильнюсе, Минске — организовались специальные дизайнерские бюро с подразделениями эргономики, ставшие затем филиалами ВНИИТЭ.

Результаты теоретических и прикладных исследований и разработок в области эргономики нашли отражение в руководствах по эргономике

для инженерно-технических работников¹, в учебных пособиях², в изданных во ВНИИТЭ методических пособиях³. Многолетний опыт эргономических исследований и разработок организаций Советского Союза и других стран – членов СЭВ обобщен в фундаментальном методическом руководстве «Эргономика. Принципы и рекомендации» (1-е издание – 1981 г., 2-е издание – 1983 г.). Многие издания включали работы Зинченко и выходили под его научным редактированием.

Эргономика стала реальностью в нашей стране, в которой отсутствовали экономические, да и многие другие стимулы и условия ее развития. У одного выдающегося деятеля культуры однажды спросили, что в искусстве важнее – «что» или «как»? Он ответил: не «что» и не «как», а «кто». В.П. Зинченко, несомненно, «кто» в эргономике и психологии, и это во многом предопределило успешное ее развитие в нашей стране.

¹ См., напр.: Введение в эргономику. М.: Советское радио, 1974; Производственная эргономика. М.: Медицина, 1979; и др.

² См.: Основы эргономики. М.: Высшая школа, 1979; Эргономика: Лабораторные работы. Киев: Вища школа, 1976; Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики: Материалы к курсу лекций, 1980; Эргономика: человекоцентрированное проектирование техники, программных средств и среды: Учебник. М.: Логос, 2001; и др.

³ См.: Эргономика в определениях: (Материалы к терминологическому словарю). М., 1980. (Методические материалы/ВНИИТЭ); Методы и технические средства предпроектного эргономического моделирования. М., 1983. (Методические материалы/ВНИИТЭ); Анализ и оптимизация операторской деятельности. М., 1986. (Методические материалы/ВНИИТЭ); Труды ВНИИТЭ. Сер. Эргономика М., 1970–1986. Вып. 1–32.

УЧЕНЫЙ, УЧИТЕЛЬ, ОРГАНИЗАТОР

Ю.К. СТРЕЛКОВ

Стрелков Юрий Константинович — профессор кафедры факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор. Автор более 100 научных работ.

Сфера интересов — инженерная психология, психология обучения и профессиональной подготовки специалистов, психология профессионализма.

Контакты: strelkov_@mail.ru

Вспоминаю студенческие годы — первые мои годы в университете. У нас были умные, интересные преподаватели! Помню лекции 60-х гг., Владимир Петрович умел заинтересовать предметом и привлечь к себе студентов. Материал излагал в свободной манере. Иногда делал паузы перед ответом на вопрос. Курил. Видно было, что к студентам пришел после нелегкого рабочего дня. Очень радовали нас его остроумие, шутки, которыми он прославлял академическое повествование о процессах зрительного восприятия и опознания.

Меня он обучал индивидуально. Помню, устраивались у окна, и Владимир Петрович брал листок бумаги и, набрасывая схему, излагал свои новые идеи. Беседа обычно длилась около часа. Я слушал внимательно, стараясь понять, что именно мне сообщает учитель. Но тогда это было, увы, не просто. Потом я узнавал идеи в его новых статьях и старался их освоить. Думаю, что влияние на меня

было двойственным: эффект интеллектуальной утонченности, изощренности его идей возрастал благодаря энергии, которая от него исходила. Я был свидетелем рождения мысли: на моих глазах она появлялась и приобретала четкую форму. Такие встречи были для меня настоящей школой умственной работы, наполняли меня новыми силами.

Еще в студенческие годы я был свидетелем экспериментальной работы, которая велась в лаборатории Психологического института. Н.Ю. Вергилес, радиоинженер, создавал тончайшее оборудование (роговичные присоски, устанавливаемые на глаз) и собирал экспериментальные установки, проводил опыты (вместе с лаборантами Е. Ретановой, И. Максимовой), а с Владимиром Петровичем они строили планы, обсуждали результаты, писали статьи, книги. Тогда появилась монография «Формирование зрительного образа», которая стала обобщением целой серии интереснейших экспериментов.

Владимир Петрович умеет формулировать и защищать свою позицию. Вспоминается дискуссия о значении сенсорных и моторных компонент для зрительного восприятия. Спор, который вели два сильных и опытных мастера — Ю.Б. Гиппенрейтер и В.П. Зинченко, — поразил меня своей остротой и глубокой личной заинтересованностью. Самая большая аудитория факультета психологии МГУ была набита до отказа, дискуссия длилась долго, никто не уходил, ждали решения проблемы. Несомненно, этот семинар способствовал возникновению интереса к проблеме у слушателей.

Колоссальный талант коммуникатора помог В.П. Зинченко организовать деятельность научного коллектива в 1969 г. в отделе эргономики Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики и чуть позже на кафедре психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Он возглавлял эти работы и активно в них участвовал. Благодаря высокому профессионализму ученого, его энергии психология получала финансовую поддержку от Министерств авиапромышлен-

ности и радиопромышленности: проводились исследования, печатались статьи и монографии, проводились научные конференции. Тогда он создал группу, объединив нас, молодых сотрудников, аспирантов, студентов старших курсов, для выполнения исследований оперативной памяти, восприятия, мышления с помощью управляющей вычислительной машины. Работа в этом коллективе дала нам заряд энергии на многие годы. Период расцвета, роста инженерной психологии длился около двух десятилетий. Это было время интенсивных работ, в которых Владимир Петрович занимал центральную позицию. Практические задачи он приносил в научные учреждения и запускал интенсивные экспериментальные исследования, работал сам и привлекал других. В период его руководства кафедрой в МГУ возникли и развивались формы теоретической дискуссии о предмете инженерной психологии, ее методах и достижениях. Дискуссии давали пищу для размышлений студентам и аспирантам, изменяли ход мыслей опытных ученых. Это было время бурного развития психологии, ее нового рождения.

Короткие сообщения

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРИ РАЗНЫХ ФОРМАХ КАТЕГОРИАЛЬНОГО ПРАЙМИНГА

А.Я. КОЙФМАН

Резюме

В статье рассматривается возможность выделения двух компонентов категориального прайминга по типу отношения между праймом и объектом категоризации. Первый компонент ситуативный и связан с заданными категориями ответа (прайм и объект категоризации требуют одинакового ответа), второй компонент семантический, связан с устойчивыми категориальными структурами семантической памяти (прайм является названием естественной категории объекта).

В задаче категоризации объектов из категорий «одежда» и «здания» (категории объекта) по основанию «часть»—«целое» (категории ответа) получен отрицательный категориальный прайминг ответа при отсутствии прайминга объекта. Эффект в разной степени выражен в разных категориях объектов. Результат интерпретируется как подтверждение необходимости различения двух компонентов неосознаваемого категориального прайминга.

Ключевые слова: *неосознаваемый категориальный прайминг, семантический прайминг, компоненты категориального прайминга, задача категоризации.*

Введение

Важным методом изучения семантической памяти является неосознаваемый семантический прайминг

(McNamara, 2005). Использование этого метода позволяет получить прайминг-эффекты, которые определяют изменение скорости или точности ответа на стимул-цель в результате

предшествующей встречи со стимулом-праймом, который семантически связан с целью и предьявляется в условиях маскировки. В исследованиях семантического прайминга в качестве стимулов наиболее часто используются слова (вербальный прайминг), реже изображения (Dell'Acqua, Grainger, 1999) и символы (напр., цифры — см.: Naccache, Dehaene, 2001). Поскольку прайминг вне зависимости от намерений человека может сказываться на решении задачи как положительно, так и отрицательно, этот феномен относят к классу непроизвольных и неосознаваемых влияний на решение задач (Фаликман, Койфман, 2005). Важной характеристикой прайминга как процедуры является неосведомленность испытуемого о том, что прайм имеет какое-либо отношение к решаемой задаче, а в случае неосознаваемого прайминга не осознается сам факт предьявления прайма.

Объяснение семантических прайминг-эффектов традиционно дается в рамках моделей семантических сетей (Collins, Loftus, 1975; Anderson, 1983; Wentura, Frings, 2005). Предполагается, что 1) предьявление прайма запускает процесс его автоматической переработки вплоть до уровня значений, 2) переработка проходит через ряд этапов, обеспечиваемых разными структурами модели, 3) результат обработки на каждом этапе оставляет активационный след, в результате чего меняется скорость обработки стимулов, имеющих общие или связанные с праймом структурные элементы. Эта остаточная активация ведет к изменению количества времени, необходимого для обработки целе-

вого стимула, в результате чего наблюдается прайминг-эффект.

Поскольку в центре внимания исследователей семантического прайминга оказываются вопросы структуры семантической памяти, доступа к ее содержанию и его извлечения, но не использования памяти в реальной деятельности, за рамками рассмотрения оказался контекст требований задачи, которая используется для получения эффекта преднастройки, а именно вопрос о влиянии на эффект преднастройки фактора соответствия праймов требованиям задачи. В задаче категоризации эти требования связаны с выбором одного из множества возможных оснований категоризации материала.

Распространенными в исследованиях семантического прайминга являются задача лексического решения, в которой испытуемый определяет, является ли предьявленный ему набор букв словом или нет, и задачи категоризации на основе какого-либо содержательного признака (одушевленность, принадлежность к категории и др.). В качестве значащих праймов выбираются либо элементы категории, к которой относится целевое слово, либо название этой категории (Van den Bussche, Reynvoet, 2007). Нейтральными праймами могут быть псевдослова или слова, не имеющие семантической связи с целевым словом. Значащий прайм всегда соответствует и категории целевого слова, и ответу, который необходимо дать на данное целевое слово, в связи с чем оказываются неразличимыми такие аспекты нисходящей регуляции познавательной деятельности, как прошлый опыт (знания) субъекта и цели актуально решаемой задачи.

Решение испытуемым задачи категоризации в исследованиях семантического прайминга является активным процессом, в котором категоризация выступает как цель деятельности. Деятельность по решению задачи организуется в соответствии с требованиями задачи, т.е. инструкцией, которая определяет основание категоризации и способ выполнения задания, и тем материалом, который подлежит категоризации. Инструкция не просто содержит указание на основание категоризации, но задает семантический контекст, тем самым ограничивая многообразие различных вариантов категоризации одного и того же объекта. Таким образом, предполагается настройка понятийной системы под задачу.

Если настройка касается всех элементов используемой категории, ее результаты должны коснуться не только переработки отобранных из нее целевых слов, но и тех праймов, которые имеют отношение к данной категории. Можно ожидать проявления различий в выраженности неосознаваемого категориального прайминга в зависимости от того, представляет ли собой прайм категорию ответа, заданную в требованиях задачи, или какую-либо иную категорию, к которой относится целевой стимул.

Целью данной работы является экспериментальное разделение эффектов, связанных с наличием семантической связи между праймом и целевым словом (прайминг объекта) и с соответствием прайма реакции на целевое слово (прайминг ответа). В задаче категоризации прайм первого типа должен быть названием такой категории целевого слова, отне-

сение к которой не связано с основанием категоризации, а прайм второго типа, наоборот, должен соответствовать основанию категоризации, но обладать слабой семантической связью с целью. Реализовать данные требования можно, выбрав в качестве материала слова из двух естественных категорий, для которых семантическая связь между названием категории и ее элементами предположительно должна быть сильной, и разделив их на две новые категории на основе какого-либо неявного признака данных объектов. Тогда искусственный, или ситуативный (Vargasalou, 1983), признак будет задавать требуемые от испытуемого варианты ответа через инструкцию, а соответствующие ответу праймы вызывать прайминг ответа. И напротив, для тех же самых целевых объектов названия естественных категорий, нейтральные в отношении задачи категоризации, будут вызывать прайминг объекта только за счет существующей семантической связи между репрезентациями понятия категории и ее элементов в семантической сети.

В таком случае эффект прайминга ответа будет отражать преимущественно ситуативный компонент категориального прайминга отдельно от системы связей в семантической памяти, а эффект прайминга категориями объекта — роль семантической связи между праймом и целевым словом в возникновении категориального прайминга. Мы предполагаем, что величина эффектов прайминга ответа и объекта должна различаться. Если возникновение категориального прайминга определяется ситуацией, должен наблюдаться выраженный прайминг ответа, но не

прайминг объекта, если же ключевую роль в возникновении категориального прайминга играет сложившаяся система связей памяти, должен быть получен выраженный прайминг объекта при отсутствии прайминга категорией ответа.

Методика

Испытуемые. 49 человек в возрасте от 17 до 27 лет (средний возраст = 19.1). Для выявления оптимальных условий получения неосознаваемого категориального прайминга были использованы два интервала асинхронии начала предъявления стимулов (АНПС) – прайма и целевого, а выборка разделена на две группы: 23 человека в группе 1 (АНПС = 120 мс), 26 человек в группе 2 (АНПС = 240 мс).

Стимуляция. В работе были использованы объекты из категорий «одежда» и «здания» (категории объекта), которые все вместе были разделены на две искусственные категории по признаку «часть» – «целое» (категории ответа). Всего было отобрано 48 слов, по 12 в каждой подкатегории, длина слов составляла 3–8 букв.

В качестве праймов взяты названия категорий: «часть», «целое», «одежда», «здание» и два нейтральных слова, не связанных с целевыми словами: «копыто», «сойка».

Было создано 6 серий с квазислучайной последовательностью предъявления проб разного типа

Аппаратура. Для предъявления стимуляции использован IBM PC на базе процессора Athlon 2000 с видеокартой Nvidia GeForce 4MX и монитор Samsung SyncMaster 757 DFX, 17”

с разрешением 800x600 точек и частотой развертки 120 Гц. Для регистрации времени реакции использован пульт, подключаемый к компьютеру через порт LPT (разработан инженером И.А. Гуревичем в лаборатории «Восприятие» факультета психологии МГУ). Расстояние до монитора составляло 57 см и контролировалось с помощью штатива для фиксации подбородка и лба испытуемого.

Предъявление производилось с помощью компьютерного тахистоскопа ТХ 4.01 (разработан программистами Г.В. Курячим и Р.В. Кондаковым, факультет ВМиК МГУ), минимальное время экспозиции при заданной частоте составляло 8.3 мс, время реакции (ВР) регистрировалось с точностью до 1 мс.

Процедура

Эксперимент включал четыре этапа: ознакомление с целевыми словами и принципом классификации, тренировочную, основную и контрольную серии.

Каждая проба во всех сериях начиналась с предъявления фиксационного крестика «+» (300 мс), затем предъявлялась маска, образованная последовательностью двух стимулов: решеток «#####» (200 мс) и амперсандов «&&&&&&&» (100 мс), итого 300 мс, после чего предъявлялся прайм (25 мс), после прайма снова предъявлялась маска из решеток (50 мс) и пустой экран (40 мс в группе 1 и 160 мс в группе 2), за которым шло предъявление целевого слова (500 мс). На ответ давалось 1000 мс, а еще через 1000 мс после ответа начиналась следующая проба. В контрольной серии на месте целевого

слова предъявлялась строчка «ХхХхХ», а в набор праймов добавлены четыре неслова, образованные из праймов ответа и праймов объекта путем сохранения первой и последней букв и замены центральных букв одинаковыми согласными (например, «цллл», «оддда»).

Ознакомление с целевыми словами заключалось в сортировке карточек с названиями целевых объектов по основанию «часть» — «целое». Испытуемому давалась инструкция: «Перед вами на карточках написаны слова, категорию которых будет необходимо определять на компьютере. Сейчас вы можете с ними ознакомиться: здесь есть названия зданий и предметов одежды, выложите их на лист “целое”, а также названия частей зданий и частей/деталей предметов одежды, выложите их на лист “часть”; если возникнут сомнения, спрашивайте; время не ограничено». При необходимости давались дополнительные пояснения к основанию классификации. Ознакомительная процедура была введена для сокращения числа ошибок в основной серии.

Общая для тренировочной и основной серий инструкция давалась испытуемым перед началом тренировочной серии и содержала задание: «...определить, обозначает ли представленное слово ЦЕЛЫЙ объект (здание или предмет одежды) или ЧАСТЬ объекта, и нажать соответствующую кнопку на пульте», а также было указание, какой кнопкой пульта давать ответ того или иного типа в соответствии с категорией целевого слова. Кроме того, делался акцент на необходимость быть внимательным на всем протяжении

предъявления стимулов и давать ответ по возможности точно и быстро.

В основной серии каждое слово предъявлялось три раза — с праймом, соответствующим ответу («часть» или «целое»), с праймом, соответствующим предметной категории («здание» или «одежда»), и с одним из двух нейтральных праймов, всего 144 пробы.

Контрольная серия была предназначена для контроля эффективности маскировки. Испытуемому давалась модифицированная задача лексического решения: необходимо было определить или угадать, является ли прайм словом или нет. Каждый из восьми праймов предъявлялся 15 раз, т.е. всего было 120 проб, причем порядок предъявления стимулов был рандомизирован.

Прайминг-эффект оценивался как разница времени реакции (ВР) в пробах с нейтральными праймами и в пробах с праймами, соответствующими категории ответа (прайминг ответа) или объекта (прайминг объекта). Так же введен показатель относительного прайминга как разность ВР в пробах с праймами ответа и объекта.

Обработка результатов

На основании анализа результатов контрольной серии из обработки были исключены 13 протоколов, в которых вероятность выбора правильного ответа в контрольной серии значимо отличалась от случайной; случайный уровень угадывания правильного ответа показали по 18 испытуемых в каждой группе, их протоколы были отобраны для дальнейшей обработки. Сравнение частот правильных и неправильных ответов

на слова и неслова и на каждый из стимулов в отдельности производилось методом χ -квадрат.

Из отобранных протоколов были исключены пробы, в которых был дан неверный ответ либо ответа не было. Неполные тройки ответов на данное целевое слово данного испытуемого также были исключены, поскольку для оценки величины эффекта используются разности ВР на данное целевое слово с праймами разного типа. Количество исключенных проб составило менее 15% от общего числа проб.

Для оценки величины и статистической значимости категориальных прайминг-эффектов был использован дисперсионный анализ с повторными измерениями по схеме (Тип прайма \times Категория ответа \times Категория объекта) для обработки данных в каждой из групп. Тип прайма задавался как внутрисубъектная переменная, категории целевых слов и АНПС — как межсубъектные переменные.

Результаты

В таблице 1 представлены средние ВР для всех условий, а также величина эффектов прайминга ответа, объекта и относительного прайминга.

Группа 1 (АНПС = 120 мс): получен значимый отрицательный эффект категориального прайминга ответа ($F = 7.197, p = 0.007$), наблюдаемый за счет категорий «часть» и «одежда» ($F = 7.82, p = 0.005$ и $F = 8.436, p = 0.004$ соответственно). Величина эффекта в подкатегории «части одежды» достигает значения — 48 мс ($t = 3.477, p < 0.001$). Эффект прайминга категориями объекта от-

сутствует, т.е. ВР в нейтральном условии не отличается от ВР при праймировании целевых слов названием их предметной категории. Различие во ВР между условиями с праймами ответа и праймами объекта значимо (для группы 1 в целом $F = 7.524, p = 0.006$, для категории «часть» $F = 4.852, p = 0.028$, для категории «одежда» $F = 5.568, p = 0.019$).

Группа 2 (АНПС = 240 мс): значимые прайминг-эффекты отсутствуют. На уровне тенденции проявляется отрицательный эффект прайминга категорией объекта в категории «здания» ($F = 3.162, p = 0.076$).

Значимые различия между группами выявлены только по величине прайминга ответа в подкатегории «части одежды» ($F = 6.134, p = 0.014$).

Обсуждение результатов

Получено явное различие между четырьмя категориями объектов. На элементах категории «целое» и «здания» прайминг отсутствует, что может быть, с одной стороны, связано с неоднородностью элементов данных категорий, с другой стороны, с качеством связи элементов категорий и их названий. Так, атрибут целостности объектов может не быть представлен в структуре семантической памяти как понятие, связанное с репрезентациями данных объектов, что препятствует их взаимной активации. В свою очередь, категория «здания» является наиболее неоднородной, так как для ее наполнения были взяты слова, относящиеся к разнообразным историко-культурным и социальным контекстам, для обозначения которых можно использовать различные термины, например «постройка»,

Таблица 1

Результаты выполнения задачи категоризации группой 1 и группой 2

Прайм:		ответа			объекта			нейтральный			Прайминг-эффект:		
АНПС	Категория:	BP	SD	SE	BP	SD	SE	BP	SD	SE	ПОт	ПОб	ОП
Группа 1 120 мс	здания – часть	799	169	13	782	168	13	786	132	10	-13	4	17
	одежда – часть	770	146	11	739	141	10	722	132	10	-48***	-17	31*
	здания – целое	764	160	12	747	129	9	754	136	10	-10	7	17
	одежда – целое	786	164	12	764	151	11	772	159	11	-14	8	22
	часть	784	158	8	759	156	8	752	135	7	-32**	-7	25*
	целое	775	162	8	756	140	7	763	149	8	-12	7	19 [^]
	здания	780	165	9	763	149	8	769	135	7	-11	6	17
	одежда	778	155	8	752	147	7	748	149	8	-30**	-4	26*
	все	779	160	6	757	148	5	758	142	5	-21**	1	22**
	Группа 2 240 мс	здания – часть	788	181	14	788	169	13	769	145	11	-19	-19
одежда – часть		753	149	11	741	159	11	755	159	11	2	14	12
здания – целое		759	177	13	773	176	12	745	164	12	-14	-28	-14
одежда – целое		774	169	12	772	171	13	767	161	12	-7	-5	2
часть		770	165	9	763	165	9	762	152	8	-8	-1	7
целое		766	173	9	773	174	9	756	163	8	-10	-17	-7
здания		772	179	9	780	173	9	756	156	8	-16	-24 [^]	-8
одежда		763	159	8	756	166	9	761	160	8	-2	5	7
все		768	169	6	768	170	6	759	158	6	-9	-9	0

Примечание. [^] – $p < 0.1$, * – $p < 0.05$, ** – $p < 0.01$, *** – $p < 0.001$. BP – среднее время реакции в мс, SD – стандартное отклонение, SE – стандартная ошибка оценки среднего, ПОт – прайминг ответа, ПОб – прайминг объекта, ОП – относительный прайминг.

«дом», причем нет такого обозначения, под которое однозначно подошли бы все элементы категории. На неоднородность категорий также указывает различие дисперсий ВР — наименьшая вариативность скорости ответа наблюдается в подкатегории «части одежды».

Предметы из подкатегории «части одежды», напротив, хорошо знакомы, представлены в опыте каждого человека и рассматриваются скорее в контексте целого, чем как самостоятельные объекты (на это указывали некоторые испытуемые). Если они субъективно воспринимаются как «части ЦЕЛОГО», прайм «часть» может выступать по отношению к ним в роли дистрактора, с чем, возможно, и связано проявление отрицательного прайминга ответа в данной подкатегории. Таким образом, в задаче категоризации ключевым для опознания целевых стимулов был признак, заданный инструкцией, что указывает на возможность гибкой настройки семантической памяти в соответствии с задачей на основе существующих структурных связей между понятиями.

Полученные данные в силу невозможности их однозначной трактовки указывают на необходимость расширения процедуры получения семантического и категориального прайминг-эффектов в следующих направлениях.

1. Различия в выраженности прайминга ответа в разных категориях не могут быть объяснены только на основе данных о времени реакции, т.е. требуется разработка дополнительной процедуры для выявления как общих особенностей используемого материала (оценка различий между катего-

риями по выборке в целом), так и индивидуальных особенностей семантической структуры данных категорий.

2. Требуется дополнительное изучение динамики прайминга во времени. Так, при увеличении интервала АНПС с 120 мс до 240 мс эффект прайминга категорией ответа уменьшается, в то время как эффект прайминга категорией объекта усиливается, хотя и не достигает статистической значимости (в связи с большой дисперсией ВР).

Выводы

1. В задаче категоризации по искусственному признаку на одном и том же наборе объектов может быть получен неосознаваемый категориальный прайминг ответа при отсутствии прайминга естественной категорией объекта. В связи с этим можно говорить о необходимости различения в структуре прайминг-эффекта компонентов, определяемых прошлым опытом и требованиями актуальной ситуации.

2. Категориальный прайминг ответа имеет динамику во времени и наблюдается на более коротких интервалах между началом предъявления прайма и целевого стимула.

3. Дальнейшее исследование природы семантического и категориального прайминг-эффектов должно проводиться с учетом особенностей используемого вербального материала и зависимости величины эффекта от организации предъявления стимулов во времени. Так, остается невыявленной причина получения отрицательного прайминга в условиях соответствия прайма категории ответа на данный стимул.

4. Обращение к праймингу не как к формальной процедуре, а как к деятельности по выполнению некоторого задания, регулируемой прошлым опытом испытуемого, его целями и уста-

новками в данной ситуации, а также особенностями самой ситуации, позволяет более полно исследовать закономерности работы не только прайминга, но и семантической памяти в целом.

Литература

Фаликман М.В., Койфман А.Я. Виды прайминг-эффектов в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2005. № 3. С. 86–97; № 4. С. 81–90.

Anderson J.R. A spreading activation theory of memory // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1983. 22. 261–295.

Barsalou L.W. Ad hoc categories // Memory & Cognition. 1983. 11. 211–227.

Collins A.M., Loftus E.F. A spreading-activation theory of semantic processing // Psychological Review. 1975. 82. 6. 407–428.

Dell'Acqua R., Grainger J. Unconscious semantic priming from pictures // Cognition. 1999. 73. B1–B15.

McNamara T.P. Semantic priming: Perspectives from memory and word recognition. N.Y.; Hove (UK): Psychology Press, 2005.

Naccache L., Dehaene S. Unconscious semantic priming extends to novel unseen stimuli // Cognition. 2001. 80. 3. 215–229.

Van den Bussche E., Reynvoet B. Masked priming effects in semantic categorization are independent of category size // Experimental Psychology. 2007. 54. 3. 225–235.

Wentura D., Frings C. Repeated masked category primes interfere with related exemplars: new evidence for negative semantic priming // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition. 2005. 31. 1. 108–120.

Койфман Александра Яковлевна — аспирант факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Контакты: skoufman@gmail.com

РОЛЬ ПСИХОТИЗМА В ОЦЕНКЕ СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТОВ С АГРЕССИВНОЙ ТЕМАТИКОЙ

Н.Е. ЛЫСЕНКО, Д.М. ДАВЫДОВ

Резюме

Исследовались оценки содержания текстов с агрессивной тематикой у лиц с различным уровнем психотизма. По результатам опросника Г. Айзенка было выделено две группы испытуемых: 1) имеющие низкие асоциальные тенденции (низкий уровень психотизма) и 2) имеющие высокие асоциальные тенденции (высокий уровень психотизма). Тексты с описанием сцен насилия оценивались испытуемыми с помощью метода шкалирования эмотивных и активационных составляющих их содержания. Установлено различие в оценках текстов между выделенными группами испытуемых по шкалам, измеряющим чувства страха и отвращения. Испытуемые с высоким уровнем психотизма характеризовались более низкими оценками выраженности этих эмоций. Дополнительная обработка показала, что различия между группами по уровню страха и отвращения не зависели от других личностных особенностей (например, личностной тревожности и нейротизма). Результаты объясняются низкой способностью к сопереживанию у лиц с высоким уровнем психотизма.

Ключевые слова: психотизм, текст, оценка содержания, эмоции, страх.

Все более актуальным становится создание методик по диагностике склонности к девиантным формам поведения. Наиболее авторитетным методом оценки асоциальных тенденций является опросник Айзенка, а точнее, шкала психотицизма или

психотизма. Согласно факторной модели личности, предложенной Г. Айзенком, суперфактор «психотизм» включает такие факторы, как враждебность, агрессивность, безличность и бездушность в отношениях с окружающими, жестокость,

антисоциальность, отсутствие эмпатии (Айзенк, Айзенк, 2001). Известно, что шкала психотизма является информативной в отношении лиц, склонных к таким отклоняющимся формам поведения, как немотивированные агрессивные поступки, сексуальные извращения (педофилия, склонность к насилию в сексуальных контактах) и злоупотребление психоактивными веществами (Howitt, 1995; Айзенк, Айзенк, 2001; De-genhart, 2001).

Несмотря на высокую диагностическую ценность шкалы психотизма, она, как и любой другой опросник, имеет ограничения. Наиболее значимое из них — естественная склонность опрашиваемых лиц к искажению информации о себе с целью представления себя в лучшем свете. Избежать такого рода помех можно с помощью использования непрямых методов диагностики.

Предыдущие исследования показали, что субъекты с низким и высоким психотизмом различаются по эмоциональной оценке фильмов и клипов, содержащих сцены насилия (Gunter, Furnham, 1986; Zuckerman, Litle, 1986; Aluja-Fabregat, Torrubia-Beltri, 1998; Bruggemann, Barry, 2002). Исходя из данных о низкой чувствительности лиц с высоким психотизмом к такого рода стимулам, мы предположили, что аудиальное предъявление текстов, описывающих сцены насилия, спровоцирует различные реакции у испытуемых с низким и высоким психотизмом.

Ранее было показано, что оценка стимулов по их эмотивным и активационным составляющим является более чувствительным индикатором

воздействия этих стимулов на состояние человека по сравнению с прямой оценкой данного состояния через опросники. При опосредованной оценке стимулов происходит проекция оценки своего состояния на оценку стимулов, вызвавших такое состояние (Abercrombie et al., 2005). Поэтому мы сконструировали Когнитивный опросник, содержащий 37 шкал. Инструкция и шкалы были подобраны таким образом, чтобы они представлялись для испытуемого инструментом оценки содержания текста, а не его эмоциональной реакцией на этот текст.

Мы предположили, что при предъявлении текстов, содержащих сцены насилия, оценки содержания текстов испытуемыми в группах с низким и высоким психотизмом будут различаться. Предполагалось, что эти различия (для исследователя — различия эмоционального состояния (чувств) испытуемых после предъявления текстов) позволят выделить те шкалы Когнитивного опросника, по которым оценки зависят от уровня психотизма человека. В дальнейшем предполагалось, что оценка содержания при предъявлении этих же текстов другим выборкам испытуемых может служить самостоятельным методом косвенной оценки уровня психотизма.

Методика

В исследовании приняли участие 56 испытуемых ($Mean = 24.8$, $Me = 24.5$, $SD = 2.9$ года), из них 26 мужчин ($Mean = 24.2$, $Me = 24.0$, $SD = 2.62$ года) и 30 женщин ($Mean = 25.5$, $Me = 26.0$, $SD = 3.09$ года). Отбор участников производился по объявлению.

В качестве вознаграждения за участие в эксперименте предусматривалось психологическое заключение по результатам тестирования.

Уровень психотизма оценивался с помощью русской версии Опросника PEN (Лучшие психологические тесты для профотбора и профориентации, 1992). Шкала психотизма включала оценку антисоциальных тенденций и пренебрежения к социальным нормам, недостаток эмпатии и чувства вины, садистический компонент, выражающийся в получении удовольствия от страдания других людей. Разделение на группы осуществлялось путем деления суммарных баллов по шкале психотизма по медиане: испытуемые, у которых баллы оказались меньше значения медианы, были отнесены в группу с низким уровнем психотизма; те, у кого баллы по психотизму оказались выше медианы, – в группу с высоким. Дополнительно оценивались уровень нейротизма, или нейротизма (Опросник PEN), и уровень личностной тревожности Спилбергера – Ханина (Ханин, 1976).

Тексты. В качестве стимулов использовались три текста с описанием сцен насилия, которые предварительно были начитаны без эмоциональной экспрессии мужчиной с хорошей дикцией и записаны в цифровой форме на компьютер. Длительность каждого текста составляла около пяти минут. Тексты предварительно подвергались процедуре экспертной оценки 14 врачами-психиатрами на наличие и степень выраженности агрессивного, депрессивного и тревожного воздействия методом Q-сортировки с выяснением: степени согласованности между экспертами в

этих оценках, выраженности эмотивных признаков согласно этим оценкам и различия по ним текстов.

Предварительная статистическая обработка показала, что согласно этим экспертным оценкам текст 1 характеризовался самым высоким агрессивным и наименьшим депрессивным влиянием, текст 2 – самым высоким тревожным влиянием, текст 3 – самым высоким депрессивным и наименьшим тревожным влиянием (Лысенко, Давыдов, 2002; Лысенко, Давыдов, 2011).

Когнитивный опросник. Когнитивный опросник состоял из оценочных шкал, которые представляли собой набор семантических признаков с аналоговой шкалой между полярными значениями (Лысенко, Давыдов, 2011). Чтобы повысить надежность оценки, шкалирование каждого признака дублировалось с использованием синонимов или с помощью другой конструкции фраз. Каждому испытуемому предлагалось проставить отметку на шкале в соответствии со степенью выраженности того или иного признака в содержании текста.

Инструкция по заполнению опросника требовала от испытуемого оценить содержание текстов, а не его чувства, вызванные текстом. Шкалы были составлены таким образом, чтобы оценить наличие тревожных, депрессивных, агрессивных элементов текста, а также степень выраженности этих эмотивных составляющих. Помимо указанных аффективных показателей, оценивались также информационные характеристики текста (например, ясность содержания).

Процедура исследования. Исследование проводилось в отдельном помещении, в котором находились

только испытуемый и экспериментатор. Эксперимент состоял из трех серий. В каждой серии испытуемому предъявляли для прослушивания один из трех текстов. В начале давалась предварительная инструкция: «Сейчас вы прослушаете три текста. Каждый раз после прослушивания текста вам будет предложено заполнить специальный опросник, с помощью которого нужно будет оценить только что прослушанный текст». В ходе эксперимента каждый испытуемый прослушивал все три текста в случайном порядке. После прослушивания каждого текста испытуемый получал от экспериментатора специальный бланк опросника, в котором была написана более детальная инструкция следующего содержания: «Вы только что прослушали текст. Ваша задача — оценить содержательную сторону этого текста. Инструментом оценки здесь является шкала с указанными полярными значениями. Поставьте на каждой из шкал отметку в том месте, которое, по-вашему мнению, наиболее соответствует степени выраженности оцениваемого признака». Таким образом, инструкция по заполнению опросника требовала оценить содержание текстов, а не чувства, вызванные их прослушиванием. Если у испытуемого возникали вопросы по инструкции, то экспериментатор разъяснял ее еще раз. Длительность эксперимента зависела от скорости заполнения Когнитивного опросника испытуемым после каждого текста и составляла в целом не более 40 минут.

Статистический анализ проводился с использованием пакета Statistica 6.0. Проверка нормальности распределения осуществлялась с по-

мощью коэффициента Колмогорова—Смирнова. Дисперсионный анализ между группами проводился с использованием многофакторного ANCOVA, в котором в качестве ковариат выступали возраст и пол испытуемых. Исследование различия между текстами по оценкам каждой из групп испытуемых производилось с использованием Т-критерия для зависимых выборок.

Результаты

Средний показатель психотизма по всем испытуемым составил 5.32 балла ($SD = 2.23$). Среднее значение этого показателя в группе испытуемых с низким уровнем психотизма составило 3.5 баллов ($SD = 1.3$), а в группе испытуемых с высоким уровнем психотизма — 7.1 ($SD = 1.3$).

При анализе показателей Когнитивного опросника после прослушивания текста 1 значимых различий между группами испытуемых с низким и высоким психотизмом выявлено не было. При анализе показателей Когнитивного опросника после прослушивания текста 2 и текста 3 были выявлены значимые различия между группами с низким и высоким уровнем психотизма по 5 и 3 шкалам соответственно, характеризующим большую выраженность страха и брезгливости или отвращения у группы с низким уровнем психотизма (таблицы 1, 2).

Использование показателей личностной тревожности и нейротизма в качестве ковариат в статистической обработке данных существенно не повлияло на обнаруженные эффекты, связанные с психотизмом, хотя по некоторым шкалам достоверность

Таблица 1

Средние значения (стандартные отклонения) оценок Когнитивного опросника при шкалировании текста 2 в миллиметрах (расстояние от левого эмотивного признака в шкале) и результаты дисперсионного анализа для достоверных показателей отличия по ним групп с низким (НП) и высоким (ВП) психотизмом

№ шкалы	Описание шкалы	Группа НП	Группа ВП	F (df = 1, 52)
1	Вызывающий отрицательные эмоции — Не вызывающий отрицательных эмоций	26.7 (28.9)	48.5 (35.3)	4.59*
3	Страшный — Нестрашный	38.6 (35.6)	64.5 (35.0)	5.26*
7	Вызывающий содрогания — Не вызывающий содрогания	31.7 (32.0)	56.7 (34.7)	5.55*
12	Возникает чувство страха — Не возникает чувство страха	52.0 (35.5)	77.2 (27.5)	5.93*
34	Мерзкий — Немерзкий	27.7 (28.2)	48.4 (33.4)	4.48*

Примечание. * — $p < 0.05$.

Таблица 2

Средние значения (стандартные отклонения) оценок Когнитивного опросника при шкалировании текста 3 в миллиметрах (расстояние от левого эмотивного признака в шкале) и результаты дисперсионного анализа для достоверных показателей отличия по ним групп с низким (НП) и высоким (ВП) психотизмом

№ шкалы	Описание шкалы	Группа НП	Группа ВП	F (df = 1, 52)
3	Страшный — Нестрашный	33.4 (30.3)	69.8 (34.1)	12.65**
12	Возникает чувство страха — Не возникает чувство страха	52.4 (38.9)	79.5 (25.9)	6.19*
16	Отвратительный — Неотвратительный	34.0 (30.0)	55.5 (31.1)	4.87*

Примечание. * — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$.

понижилась до уровня тенденции (таблица 3).

Исследование колебаний внутрииндивидуальных оценок методом парных сравнений для зависимых выборок выявило достоверные различия в реакциях на текст 2 по сравнению с текстом 1 и на текст 3 по сравнению с текстом 1 по одной из шкал, измеряющей выраженность

страха в группе испытуемых с низким уровнем психотизма, а также отсутствие таких различий в группе с высоким уровнем психотизма (таблицы 4, 5).

Обсуждение и заключение

Предъявление текста 2 и текста 3 позволило выявить различия в оценках

Таблица 3

Показатели достоверности различия (F) между группами с низким и высоким психотизмом (П) при шкалировании текстов 2 и 3 без дополнительных личностных ковариат, а также результаты ковариационного анализа для психотизма (П-Тр и П-Н) при использовании в качестве ковариат показателей личностной тревожности (Тр) и нейротизма (Н)

№		Текст 2				
		П	П-Тр	Тр	П-Н	Н
1	Вызывающий отрицательные эмоции — Не вызывающий отрицательных эмоций	4.6*	6.2*	0.3	5.1*	3.2
3	Страшный — Нестрашный	5.3*	3.7	0.05	3.4	0.2
7	Вызывающий содрогание — Не вызывающий содрогания	5.6*	5.3*	4.0	5.5*	2.6
12	Возникает чувство страха — Не возникает чувство страха	5.9*	5.5*	2.6	5.2*	0.4
34	Мерзкий — Немерзкий	4.5*	6.8**	0.3	6.5**	0.2
		Текст 3				
3	Страшный — Нестрашный	12.7**	8.9**	0.07	8.0**	0.4
12	Возникает чувство страха — Не возникает чувство страха	6.7*	6.6**	0.7	6.7**	0.5
16	Отвратительный — Неотвратительный	4.9*	3.3	0.5	3.4	0.0

Примечание. * — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$.

содержаний текстов между группами с низким и высоким уровнем психотизма. В отличие от испытуемых с низким психотизмом в группе с высоким уровнем психотизма испытуемые оценивали тексты 2 и 3 как менее страшные и менее отвратительные. Результаты соответствуют данным предыдущих исследований, которые показали, что при просмотре сцен насилия над людьми лица с высоким уровнем психотизма не испытывали дистресса от того, в какую ситуацию была вовлечена жертва (Richendoller, Weaver, 1994).

В предыдущих исследованиях не сообщалось о зависимости чувства «страха» от уровня психотизма. В нашем же исследовании наиболее ин-

формативными оказались именно те шкалы, которые регистрировали чувство страха: шкала 3 «Страшный — Не страшный» и шкала 12 «Вызывающий чувство страха — Не вызывающий чувство страха». Также стоит отметить высокую информативность шкал по оценке эмоции отвращения или брезгливости (шкалы 16 и 34 в таблицах 1 и 2). Эта эмоция часто встречается в негативных социальных оценках и моральных конфликтах и вместе с эмоцией страха входит в один кластер эмоций избегания. Этот важный результат требует дополнительной экспериментальной проверки того, что данная эмоция может выражать чувство неприятия ситуаций, содержащихся в текстах.

Таблица 4

Средние значения (стандартные отклонения) оценок Когнитивного опросника при шкалировании текстов 1 и 2 в миллиметрах (расстояние от левого эмотивного признака в шкале) и результаты Т-теста для достоверных различий по ним текста 1 и 2 в группах с низким (НП) и высоким (ВП) психотизмом

№	Группа НП	Текст 1	Текст 2
1	Вызывающий отрицательные эмоции – Не вызывающий отрицательных эмоций	24.8 (27.7)	25.8 (27.1)
3	Страшный – Нестрашный	46.0 (33.9)	38.1 (35.8)
7	Вызывающий содрогание – Не вызывающий содрогания	37.7 (29.0)	35.3 (34.1)
12	Возникает чувство страха – Не возникает чувство страха	65.9 (33.5)	50.8 (33.8)*
34	Мерзкий – Немерзкий	22.8 (26.5)	27.6 (27.0)
	Группа ВП		
1	Вызывающий отрицательные эмоции – Не вызывающий отрицательных эмоций	42.0 (38.8)	49.0 (34.8)
3	Страшный – Нестрашный	54.2 (38.1)	61.8 (34.0)
7	Вызывающий содрогание – Не вызывающий содрогания	51.3 (39.1)	55.9 (34.8)
12	Возникает чувство страха – Не возникает чувство страха	72.1 (28.7)	72.4 (30.1)
34	Мерзкий – Немерзкий	39.7 (37.9)	48.5 (32.1)

Примечание. * – $t = 2.2$; $df = 27$; $p < 0.05$.

Таблица 5

Средние значения (стандартные отклонения) оценок Когнитивного опросника при шкалировании текстов 1 и 3 в миллиметрах (расстояние от левого эмотивного признака в шкале) и результаты Т-теста для достоверных различий по ним текстов 1 и 3 в группах с низким (НП) и высоким (ВП) психотизмом

№	Группа НП	Текст 1	Текст 3
3	Страшный – Нестрашный	46.5 (34.4)	35.2 (30.2)
12	Возникает чувство страха – Не возникает чувство страха	67.1 (33.5)	55.2 (37.4)*
16	Отвратительный – Неотвратительный	29.1 (29.1)	32.6 (29.2)
	Группа ВП		
3	Страшный – Нестрашный	55.9 (37.7)	63.1 (37.0)
12	Возникает чувство страха – Не возникает чувство страха	74.5 (26.3)	50.6 (32.7)
16	Отвратительный – Неотвратительный	53.4 (55.9)	48.8 (33.5)

Примечание. * – $t = 2.1$; $df = 27$; $p < 0.05$.

Вопреки ожиданиям текст 1 не спровоцировал разделения испытуемых на группы с низким и высоким психотизмом по результатам шкалирования, несмотря на высокое эмоциональное (агрессивное) наполнение.

Достоверно более высокие показатели, которые соответствовали менее выраженной оценке аффекта, по шкале 12 «Вызывающий чувство страха – Не вызывающий чувство страха» после предъявления текста 1 по сравнению с двумя другими текстами в группе с низким уровнем психотизма свидетельствуют о том, что в нашем случае более агрессивно насыщенный текст содержал менее выраженный тревожный компонент, ассоциируемый со страхом. Действительно, наше предыдущее исследование (Лысенко, Давыдов, 2002) показало, что тексты 2 и 3, согласно оценкам экспертов, содержали более тревожно насыщенный контекст. Таким образом, возможно, что контекст, в котором проявляется агрессивное поведение (в нашем случае дополнительный тревожный компонент в содержании текстов 2 и 3, вызвавший чувство страха), имеет более существенный эффект на оценки и реакции испытуемых с низким психотизмом, чем выраженность основного аффективного компонента содержания (в нашем случае агрессии). Это согласуется с данными предыдущих исследований о сильном влиянии контекста различных стимульных материалов, сходных по основному содержанию (например, в фильмах), на реакции испытуемых (Davydov et al., 2011).

Использование показателей личностной тревожности и нейротизма в качестве ковариат подтвердило уни-

кальность большинства обнаруженных эффектов, связанных с психотизмом, после предъявления текста 2 и 3, хотя «страх» традиционно относится к эмоциональным состояниям тревожного регистра.

Зависимость оценок по шкале страха от уровня психотизма, а не от уровня личностной тревожности и нейротизма обусловлено, на наш взгляд, основным содержанием стимулов. Мы полагаем, что более высокий уровень эмпатии у лиц с низким психотизмом обуславливает возникновение чувства страха не за себя (страх за себя является проявлением личностной тревожности и нейротизма), а за тех героев, которые выступают в роли жертв в предъявляемых текстах.

Таким образом, уровень психотизма (и связанной с ним эмпатии) может являться базовым по отношению к переживанию чувства страха в тех случаях, когда есть жертва как объект эмпатии, иными словами, когда есть кому сопереживать.

Полученные результаты свидетельствуют о дифференцированных механизмах страха в зависимости от контекста, в котором он возникает: переживание за себя (компонент высокой личностной тревожности/нейротизма) или сопереживание другому (компонент высокой эмпатии или низкого психотизма). Таким образом, «страх», оставаясь эмоцией тревожного регистра, может быть результатом более высоких когнитивных и личностных процессов, связанных со способностью к сопереживанию (эмпатией) у лиц с низким психотизмом. Эта способность снижена или отсутствует у лиц с высоким психотизмом, что подтвердили результаты настоящего исследования.

Важно отметить, что в нашем исследовании различие в уровне психотизма между группами испытуемых было небольшим, а по среднему значению психотизма в соответствии с нормативами, сопровождающими опросник Айзенка, большинство испытуемых, участвовавших в этом исследовании, могли быть отнесены к диапазону «низкого уровня» психотизма. Несмотря на это, предъявление текстов 2 и 3 позволило выделить различие в их эмоциональных реакциях, что показывает высокую степень чувствительности метода и дает возможность предложить его в качестве непрямого исследования уровня психотизма, а следовательно, склонности к девиантным формам поведения.

Выводы

1. Группы испытуемых с низким и высоким уровнем психотизма различались по показателям шкал, оцени-

вающих содержание текстов 2 и 3 по эмоциям страха и отвращения.

2. Тексты могут являться стимульным материалом, а Когнитивные опросники, заполняемые после их прослушивания, — диагностическим материалом для оценки уровня психотизма.

3. Более высокая эмпатия, свойственная лицам с низким уровнем психотизма, может являться основой для возникновения чувства сопереживающего страха при предъявлении текстов, содержащих описание сцен насилия вне зависимости от выраженности личностной тревоги и нейротизма.

Литература

Айзенк Г., Айзенк М. Исследование человеческой психики. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

Лучшие психологические тесты для профотбора и профориентации. Петрозаводск: Петроком, 1992.

Лысенко Н.Е., Давыдов Д.М. Методика стандартизации текстов, используемых для моделирования в условиях психофизиологического исследования // А.Р. Лурия и психология 21 века: 2-я международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения А.Р. Лурии: Тезисы докладов. 24–27 сентября. М., 2002.

Лысенко Н.Е., Давыдов Д.М. Роль психотизма и половых различий в оценке текстовых описаний сцен насилия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 114–127.

Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Л., 1976.

Abercrombie H.C., Kalin N.H., Davidson R.J. Acute cortisol elevations cause heightened arousal in response to objectively non-arousing stimuli // *Emotion*. 2005. 5. 354–359.

Aluja-Fabregat A., Torrubia-Beltri R. Viewing of mass media violence, perception of violence, personality and academic achievement // *Pers. and Individ. Differen.* 1998. 25. 973–989.

Bruggemann J.M., Barry R.J. Eysenck's P as a modulator of affective and electrodermal responses to violent and comic film // *Pers. and Individ. Differen.* 2002. 32. 1029–1048.

Davydov D.M., Zech E., Luminet O. Affective context of sadness and physiological response patterns // *J. Psychophysiol.* 2011. 25. 67–80.

Degenhart L.B.A. Comorbidity between substance use and mental health in Australia: Relationship between alcohol, tobacco and cannabis use with other substance use and mental disorders: A thesis submitted in

accordance with the requirements for admission to the degree of Doctor of Philosophy. 2001.

Gunter B., Furnham A. Sex and personality differences in recall of violent and non-violent news from three presentation modalities // *Pers. and Individ. Differen.* 1986. 7. 829–837.

Howitt D. Paedophiles and Sexual Offences against Children. Chichester, UK: John Wiley & Sons, 1995.

Richendoller N.R., Weaver J.B.III. Exploring the links between personality and empathic response style // *Pers. and Individ. Differen.* 1994. 17. 303–311.

Zuckerman M., Litle P. Personality and curiosity about morbid and sexual events // *Pers. and Individ. Differen.* 1986. 7. 1. 49–56.

Лысенко Надежда Евгеньевна — медицинский психолог Федерального государственного учреждения «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского»

Минздравсоцразвития

Контакты: nlysenko@yandex.ru

Давыдов Дмитрий Михайлович — ведущий научный сотрудник НИИ нормальной физиологии им. П.К. Анохина РАМН, кандидат медицинских наук

Контакты: dadimati@mail.ru

СВЯЗЬ СЕЛЕКТИВНОГО СЛУХОВОГО ВНИМАНИЯ С ИНДИВИДУАЛЬНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ

Е.С. ОСОКИНА, Б.В. ЧЕРНЫШЕВ, Е.Г. ЧЕРНЫШЕВА

Резюме

Проведено исследование взаимосвязи между индивидуальными особенностями человека и успешностью выполнения им задачи на селективное слуховое внимание. Акцентирована проблема зависимости внимания от характеристик темперамента, рассматриваемого в контексте теорий Г. Айзенка, В.М. Русалова и Я. Стреляу. Результаты исследования интерпретированы с позиции ресурсного подхода. Обнаружено опосредованное активацией влияние индивидуальных особенностей на стратегию распределения ресурсов внимания. Зафиксирована автоматизация выполнения задачи, сопровождаемая сменой ведущего уровня внимания.

Ключевые слова: селективное слуховое внимание, ресурсный подход, ведущий уровень внимания, индивидуальные особенности, темперамент.

Введение

Проблема внимания занимает особое место в когнитивной психологии. Понятие «внимание» объединяет большое количество психических феноменов и процессов, интерпретируемых в рамках различных подходов и объяснительных моделей (Величковский, 2006; Дормашев, Романов, 2005).

Ресурсная модель, предложенная Д. Канеманом, определяет внимание

как ограниченный ресурс, распределяемый между умственными действиями и обеспечивающий их реализацию (Канеман, 2006).

Наиболее ресурсоемкими являются действия, активизирующие процессы контролируемой переработки информации (Шнайдер и др., 2011). Примером может служить выполнение задач поиска, изучавшееся А. Трейсман: конъюнкция признаков в результате последовательного поиска является механизмом

В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Исследование связи внимания и восприятия с особенностями темперамента», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011 г.

опознания и селекции сложных стимулов (Treisman, Gelade, 1980). Объем необходимых для выполнения задач ресурсов снижается по мере автоматизации (Шнайдер и др., 2011).

Количество доступных ресурсов зависит от уровня активации, находящегося под влиянием факторов внешней и внутренней природы (Канеман, 2006; Шнайдер и др., 2011). Активация отражает физиологическое состояние и, в частности, его энергетическую составляющую (Канеман, 2006), что позволяет выдвинуть гипотезу о ее связи с психодинамическими характеристиками индивида, определяемыми темпераментом.

По мнению большинства исследователей, темперамент представляет собой совокупность биологически детерминированных, относительно неизменных в течение жизни свойств, определяющих динамические, интенсивностные и временные аспекты поведения и психической деятельности (Explorations in temperament, 1991; Айзенк, 1999; Русалов, 2002; Стреляу и др., 2005).

В терминах В.М. Русалова, темперамент ответствен за «оптимальный расход энергодинамических возможностей» (Русалов, 2002, с. 68), т.е. особенности активации в различных ситуациях. К примеру, свойства темперамента обуславливают адекватность реакций на средовые изменения, стрессоустойчивость, склонность к профессиональному выгоранию и др. (Clements, Bailey, 2010; Jacobs, Dodd, 2003; Windle, 1988). Взаимосвязь между активацией и темпераментом подтверждается в психофизиологических исследованиях с использованием методов электроэнцефалограммы и вызван-

ных потенциалов (Голубева, 2005; Чернышев и др., 2010).

Существование данной взаимосвязи, с позиции ресурсного подхода, предполагает косвенное воздействие темперамента на стратегию распределения ресурсов внимания. Подобная идея отражена в классической активационной теории Г. Айзенка, постулирующей зависимость продуктивности деятельности (и, следовательно, задействованных в ней когнитивных процессов) от активации, базисом которой является экстраверсия (Matthews, 1989). Другая каузальная схема демонстрирует опосредованное активацией воздействие импульсивности (как проявления темперамента) и времени суток на внимание в процессе деятельности (Humphrey, Reveille, 1984).

Тем самым в литературе описано влияние на внимание некоторых параметров темперамента. Однако соотношение количества теорий темперамента и исследований в данной области позволяет говорить о недостаточной освещенности обсуждаемого вопроса. Более того, при изучении проблем, включающих понятие темперамента, исследователи крайне редко поддерживают актуальную тенденцию к комплексному рассмотрению положений и конструкций нескольких теорий (Explorations in temperament, 1991).

В связи с этим особый интерес вызывает интеграция представлений о темпераменте, сложившихся в отечественной и зарубежной психологии, поскольку их формирование происходило относительно независимо в русле разной методологии при сходных базовых допущениях (Explorations in Temperament, 1991).

Иллюстрациями приведенной ситуации могут служить теории В.М. Русалова (Русалов, 1990), Г. Айзенка (Айзенк, 1999) и Я. Стреляу (Стреляу и др., 2005).

Целью настоящей работы является выявление связи параметров темперамента, выделяемых в различных теориях, и ряда других отличительных особенностей индивида с показателями внимания. Рассматривается селективное слуховое внимание при выполнении задачи, основанной на поиске и конъюнкции признаков. Исследование направлено на подтверждение основной гипотезы об обусловленности распределения ресурсов внимания характеристиками темперамента. Кроме того, проверяется гипотеза о влиянии индивидуальных особенностей на процесс автоматизации поиска.

Материалы и методы

Выборка исследования состояла из 14 испытуемых — студентов обоего пола в возрасте 18–22 лет.

Индивидуальные особенности определялись при помощи трех опросников, направленных на выявление параметров темперамента: ЕРІ Г. Айзенка, ОФДХП Я. Стреляу и ОСТ В.М. Русалова. Также фиксировались пол, ведущая рука, наличие музыкального образования и академическая успеваемость.

Экспериментальное исследование предполагало выполнение задачи на селективное слуховое внимание. Испытуемым предъявляли квазислучайную последовательность из 100 стимулов. В качестве стимулов использовали 4 звуковых тона высотой 500 Гц («низкий») и 2000 Гц

(«высокий»), каждый из которых представлял собой либо синусоидальный сигнал как таковой («чистый»), либо тот же сигнал с наложением широкополосного шума («зашумленный»). Стимулы предъявляли с равными вероятностями 1:1:1:1. Требовалось реагировать нажатием кнопки на джойстике на два целевых тона: «низкий чистый» и «высокий зашумленный»; нажатие на кнопку после двух других звуковых стимулов — «высокого чистого» и «низкого зашумленного» — считалось ошибкой. Длительность стимулов составляла 40 мс, фронты нарастания и спада — 10 мс, межстимульный интервал — 2.5 ± 0.5 с. Аудиостимуляцию производили при помощи программы «Неостимул» (ООО «Нейроботикс», Россия). Были проведены четыре экспериментальные серии: одна обучающая, две основные и одна итоговая.

По итогам каждой серии были получены показатели точности выполнения задачи: количество верных ответов (реакций на целевые стимулы) и «ложных тревог» (реакций на нецелевые стимулы), а также показатели времени выполнения задачи: средняя длительность латентного периода реакции и дисперсия латентного периода.

Статистическая обработка полученных результатов была проведена в программе SPSS Statistics 17.0. Для определения достоверности изменений показателей успешности выполнения задачи в процессе эксперимента была применена общая линейная модель с повторными измерениями. Для выявления взаимосвязи между показателями успешности выполнения задачи на разных этапах эксперимента и

индивидуальными особенностями были вычислены ранговые корреляции Спирмена.

Результаты

Обнаружены статистически достоверные изменения ($p < 0.01$) всех показателей успешности выполнения задачи при последовательном прохождении экспериментальных серий: увеличение количества верных ответов, уменьшение количества «ложных тревог», сокращение средней длительности латентного периода реакции и дисперсии латентного периода реакции.

В разных сериях эксперимента установлены достоверные корреляции (таблица 1) между показателями успешности выполнения задачи и следующими параметрами эксперимента: *Активностью*, *Выносливостью* и *Сенсорной чувствительностью* по ОФДХП Я. Стреляу, а также *Эргичностью* и *Темпом* по ОСТ В.М. Русалова. Помимо этого, выявлена связь с наличием музыкального образования и академической успеваемостью.

В обучающей серии установлена положительная взаимосвязь между количеством верных реакций и наличием музыкального образования и между количеством «ложных тревог» и *Активностью*. Оба показателя времени выполнения задачи — длительность латентного периода и дисперсия латентного периода — отрицательно связаны с *Выносливостью* и академической успеваемостью. Длительность латентного периода также отрицательно связана с *Эргичностью*.

В основных сериях обнаружены положительные корреляции между

количеством верных ответов и *Сенсорной чувствительностью*, *Выносливостью* и академической успеваемостью, а также отрицательная корреляция между количеством «ложных тревог» и наличием музыкального образования. Оба временных показателя отрицательно связаны с *Сенсорной чувствительностью* и *Эргичностью*.

В итоговой серии выявлена положительная связь количества «ложных тревог» с *Активностью* и отрицательная — с наличием музыкального образования. И длительность, и дисперсия латентного периода отрицательно связаны с *Сенсорной чувствительностью*, *Выносливостью* и *Темпом*; дисперсия латентного периода также отрицательно связана с наличием музыкального образования.

Помимо достоверных корреляций в отдельных сериях, обнаружены динамические закономерности связи индивидуальных особенностей с успешностью выполнения задачи.

Так, отрицательная взаимосвязь между показателями времени выполнения задачи и *Сенсорной чувствительностью* (рисунок 1А), *Темпом* (рисунок 1Б) и наличием музыкального образования (рисунок 1В) становится более выраженной в процессе прохождения эксперимента; напротив, для академической успеваемости (рисунок 1Г) выраженность подобной взаимосвязи уменьшается. Связь временных показателей с *Выносливостью* (рисунок 1Д) в наибольшей степени проявляется в обучающей и итоговой сериях, а с *Эргичностью* (рисунок 1Е) — в основных.

Взаимосвязь между показателями точности выполнения задачи и *Сенсорной чувствительностью* (рисунок 1А),

Таблица 1

Взаимосвязь между показателями выполнения задачи и индивидуальными особенностями в разных экспериментальных сериях (коэффициенты корреляции Спирмена приведены только при наличии достоверности)

	Показатели точности выполнения задачи		Показатели времени выполнения задачи	
	Верные реакции	«Ложные тревоги»	Латентный период	Дисперсия латентного периода
Обучающая серия	Музыкальное образование (0.56*)	Активность (0.81**)	Выносливость (-0.64*) Эргичность (-0.56*) Успеваемость (-0.62*)	Выносливость (-0.65*) Успеваемость (-0.62*)
Основные серии	Сенсорная чувствительность (0.64*) Выносливость (0.59*) Успеваемость (0.54*)	Музыкальное образование (-0.63*)	Сенсорная чувствительность (-0.62*) Эргичность (-0.61*)	Сенсорная чувствительность (-0.58*) Эргичность (-0.60*)
Итоговая серия		Музыкальное образование (-0.58*) Активность (0.53*)	Сенсорная чувствительность (-0.69**) Выносливость (-0.60*) Темп (-0.55*)	Сенсорная чувствительность (-0.64*) Выносливость (-0.60*) Темп (-0.57*) Музыкальное образование (-0.54*)

Примечание. * – $p < 0.05$, ** – $p < 0.01$.

Выносливостью (рисунок 1Д) и академической успеваемостью (рисунок 1Г) максимальна в основных сериях. Связь с Активностью (рисунок 1Ж) в основных сериях по сравнению с обучающей и итоговой минимальна. Наличие музыкального образования (рисунок 1В) в равной степени значимо на протяжении всего эксперимента, однако в разных сериях соотносится с разными показателями точности выполнения задачи.

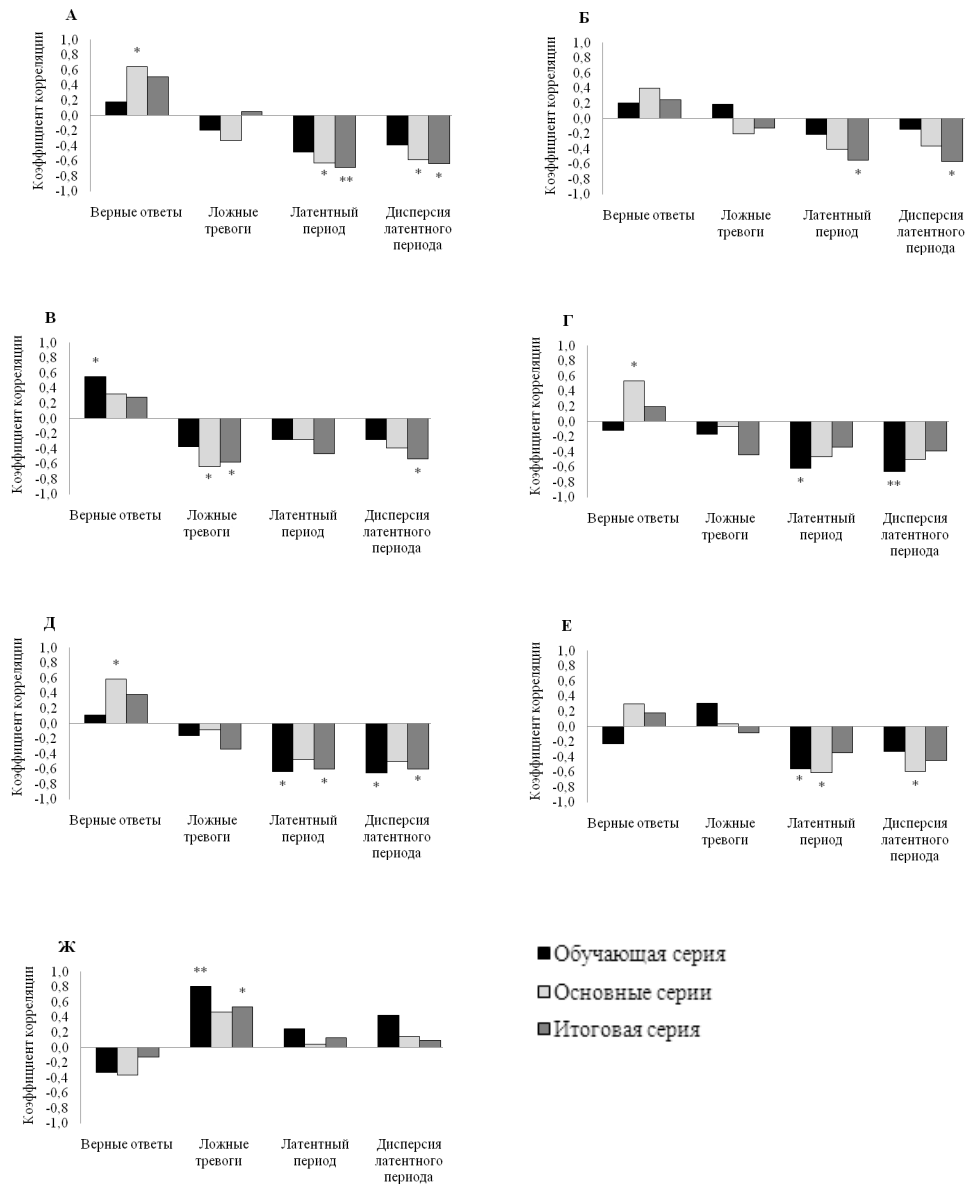
Обсуждение

Установлено повышение точности выполнения задачи и сокращение временных показателей реакций на стимулы в процессе прохождения эксперимента.

Успех при выполнении задачи в обучающей экспериментальной серии связан с Выносливостью и Эргичностью, отражающими силу нервной системы, и высокой академической

Рисунок 1

Динамика корреляционных связей между показателями выполнения задачи и индивидуальными особенностями. А – Сенсорная чувствительность; Б – Темп; В – музыкальное образование; Г – академическая успеваемость; Д – Выносливость; Е – Эргичность; Ж – Активность (* – $p < 0.05$; ** – $p < 0.01$)

успеваемостью, предполагающей высокий уровень самоконтроля и развитые волевые качества (Volet, 1997). Кроме того, значимы подразумеваемые наличием музыкального образования навыки распознавания звуковых тонов и музыкальные способности. Тем самым в основе выполнения новой задачи лежит способность к произвольному усилию и опыт перцептивных действий в соответствующей модальности. Фактором, снижающим точность выполнения задачи на начальном этапе, является *Активность*, т.е. в целом свойственная субъекту склонность к интенсивным действиям и инициативному поведению.

В основных сериях как для показателей точности, так и для показателей времени выполнения задачи значима сила нервной системы, отражаемая *Выносливостью* и *Эргичностью*. Важную роль играют *Сенсорная чувствительность*, характеризующая способность распознавать сигналы слабой интенсивности, и наличие музыкального образования. Тем самым привлекается как генетически заданная, так и приобретенная способность дифференцировать сенсорные стимулы. Также в основных сериях отсутствует связь с *Активностью*, отрицательно влияющей на точность выполнения задачи в обучающей и итоговой сериях. Сочетание данных характеристик свидетельствует о максимальной сосредоточенности и концентрации на требованиях задачи.

В итоговой серии сила нервной системы представлена только *Выносливостью*, обеспечивающей работоспособность в длительной перспективе. Связь с академической успеваемостью и *Эргичностью*, в большей

степени характеризующей стремление к деятельности и активность в процессе ее выполнения, теряет статистическую достоверность. Сохраняется значимость параметров, определяющих сенсорную сферу, а также проявляется *Темп*, отражающий быстроту моторно-двигательных актов и предметных действий. В целом преобладают корреляции между параметрами темперамента и показателями времени выполнения задачи. Более того, взаимосвязь между временными параметрами и *Темпом*, *Сенсорной чувствительностью* и наличием музыкального образования становится более выраженной по мере прохождения эксперимента. Данные тенденции могут быть рассмотрены как признак стабилизации эффективности выполнения задачи и сдвига прикладываемого усилия с достижения точности на повышение скорости перцептивных действий.

Полученные результаты дают основание полагать, что в ходе эксперимента происходит автоматизация выполнения задачи (Шнайдер и др., 2011), сопровождаемая сменой ведущего уровня внимания (Уточкин, 2008). Экспериментальная задача, требующая опознания целевых стимулов путем конъюнкции двух признаков — высоты и зашумленности, — предполагает решение на уровне объектного внимания (там же). Проявившиеся в эксперименте индивидуальные особенности, связанные с силой нервной системы и произвольным контролем, предположительно способствуют селекции сложных стимулов, осуществляемой на данном уровне. Снижение роли сознательной регуляции, возрастание значимости скорости предметных действий и

улучшение количественных показателей успешности выполнения задачи от серии к серии свидетельствуют об уменьшении ее субъективной сложности для испытуемых. При этом, вероятно, ведущим становится уровень бдительности: внимание проявляется как общая готовность реагировать на потенциально значимые стимулы (там же). Основанием для более быстрого перехода от одного уровня внимания к другому могут служить особенности сенсорной сферы (способности и навыки, обеспечиваемые музыкальным образованием).

В целом точность и время выполнения задачи на всех этапах эксперимента коррелируют с параметрами темперамента, определяющими, согласно Я. Стреляу и В.М. Русалову, динамико-энергетическую напряженность поведения, предметной деятельности и социального взаимодействия (Русалов, 1990; Стреляу и др., 2005). В интерпретации данного результата в контексте ресурсной модели Д. Канемана, темперамент задает определенные активационные

паттерны, влияющие на расход ресурсов внимания при выполнении задачи.

Заключение

В исследовании выявлен ряд взаимосвязей между успешностью выполнения задачи на селективное слуховое внимание, основанной на поиске и интеграции признаков, и параметрами темперамента: *Активностью, Выносливостью, Сенсорной чувствительностью, Эргичностью и Темпом*, а также наличием музыкального образования и академической успеваемостью.

Специфика данных взаимосвязей на различных этапах выполнения задачи и динамика их изменений указывают на автоматизацию поиска и смену ведущего уровня внимания.

Кроме того, полученные результаты, в контексте ресурсного подхода, выявляют опосредованное энергетической активацией влияние темперамента на стратегию распределения ресурсов внимания при выполнении задачи.

Литература

Айзенк Г.Ю. Структура личности. СПб.: Ювента; М.: КСП+, 1999.

Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: В 2 т. М.: Смысл, 2006. Т. 1.

Голубева Э.А. Способности. Личность. Индивидуальность. Дубна: Феникс +, 2005.

Дормашев Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания. М.: Тривола, 2005.

Канеман Д. Внимание и усилие. М.: Смысл, 2006.

Русалов В.М. Опросник структуры темперамента. М.: Изд-во ИП АН СССР, 1990.

Русалов В.М. Природные предпосылки и индивидуально-психофизиологические особенности личности // Психология личности в трудах отечественных психологов / Сост. и общ. ред. Л.В. Куликова. СПб.: Питер, 2002. С. 66–75.

Стреляу Я., Митина О., Завадский Б., Бабаева Ю., Менчук Т. Методика диагностики темперамента (формально-динамич-

ческих характеристик поведения). М.: Смысл, 2005.

Уточкин И.С. Теоретические и эмпирические основания уровневого подхода к вниманию // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 3. С. 31–66.

Чернышев Б.В., Рамендик Д.М., Чернышева Е.Г., Безсонова В.Е., Зинченко В.П. Особенности проявления темперамента и его связи со слуховыми вызванными потенциалами // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 3. С. 23–38.

Шнайдер У., Дюмэ С., Шиффрин Р. Автоматическая и контролируемая переработка информации и внимание // Когнитивная психология: История и современность: Хрестоматия / Под ред. М. Фаликман, В. Спиридонова. М.: Ломоносовъ, 2011. С. 243–253.

Clements A.D., Bailey V.A. The relationship between temperament and anxiety: Phase I in the development of a risk screening model to predict stress-related problems // Journal of Health Psychology. 2010. 15. 4. 515–525.

Explorations in temperament: International perspective on theory and measurement / J. Strelau, A. Angleitner (eds.). London; N.Y.: Plenum Press, 1991.

Humphrey M.S., Reville W. Personality, motivation and performance: A theory of the relationship between individual differences and information processing // Psychological Review. 1984. 91. 153–184.

Jacobs S.R., Dodd D. Student burnout as a function of personality, social support, and workload // Journal of College Student Development. 2003. 44. 3. 291–303

Matthews D. Extraversion and levels of control of sustained attention // Acta Psychologica. 1989. 70. 129–146.

Treisman A., Gelade G.A Feature integration theory of attention // Cognitive Psychology. 1980. 12. 97–136.

Volet S.E. Cognitive and affective variables in academic learning: The significance of direction and effort in students' goals // Learning and Instruction. 1997. 7. 3. 235–254.

Windle M. Psychometric strategies of measures of temperament: A methodological critique // International Journal of Behavioral Development. 1988. 11. 2. 171–201.

Осокина Евгения Сергеевна — стажер-исследователь научно-учебной группы когнитивной психофизиологии НИУ ВШЭ, магистрант факультета психологии НИУ ВШЭ

Контакты: eosokina@hse.ru

Чернышев Борис Владимирович — заведующий лабораторией и доцент факультета психологии НИУ ВШЭ, доцент биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат биологических наук

Контакты: bchernyshev@hse.ru

Чернышева Елена Георгиевна — заведующая лабораторией и старший преподаватель факультета психологии НИУ ВШЭ, кандидат биологических наук

Контакты: echernysheva@hse.ru

СУТОЧНЫЙ ЛОКУС КАК ПРЕДИКТОР ДНЕВНОГО ОПТИМУМА/СПАДА В РАБОТЕ МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА

С.А. ЩЕБЕТЕНКО, П.И. СЕМЕНОВА

Резюме

В статье показана возможность предсказания посредством суточного локуса спада-подъема в деятельности медицинских работников в течение рабочей смены. Кратко рассматриваются предпосылки исследования. В исследовании приняли участие 189 медицинских работников Перми. Была разработана самоотчетная Шкала суточного локуса, продемонстрировавшая приемлемую внутреннюю согласованность, дивергентную и предиктивную валидность.

Показано, что суточный локус опосредует эффект интернальности в производственных отношениях на суточный спад в работе медицинского сотрудника. Обсуждаются ограничения и перспективы исследования.

Ключевые слова: циркадные ритмы, суточный локус, утренне-вечерние предпочтения, профессиональная эффективность, психометрика.

Биологические ритмы в силу своей сравнительно легкой формализации давно стали важным элементом в теориях, объясняющих индивидуальные различия человека (Ашофф, 1984; Питтендрих, 1984). Время сна человека находится под влиянием различных факторов, включая внутренние циркадные часы (Turek, 2000), внешние факторы вроде рабочего расписания (Monk, 2005) или

же социальные факторы, влияющие на принятие решения касательно того, когда идти в кровать или вставать (Czeisler et al., 2005).

Индивиды различаются в установках на предпочитаемое время сна и бодрствования, известных как «утренне-вечерние предпочтения» (morningness/eveningness — Путилов и др., 2007; Paine et al., 2006; Schmidt, Randler, 2010). Эти установки на

предпочтения активности утренних или вечерних часов зачастую рассматривают как личностную характеристику (Matthews, 1988). В обыденном языке существуют ярлыки для обозначения утренних («жаворонки») и вечерних («совы») предпочтений. В отличие от обыденного, типологического, подхода в эмпирической традиции такие суточные предпочтения рассматриваются как континуальный параметр (Natale, Sicogna, 2002). В настоящей работе для обозначения этой установки мы используем термин «суточные предпочтения». «Жаворонков» же (или «утренние предпочтения») мы будем обозначать как «утренний локус», а «сов» (или «вечерние предпочтения») — как «вечерний локус»¹.

Суточный локус изучается в различных контекстах, включая возраст (Adan, Natale, 2002; Chelminski et al., 1999), национальность (Paine et al., 2006), пол (Adan, Natale, 2002), когнитивные способности (Macacci et al., 2004), академическую успеваемость (Randler, Frech, 2006). Он связан с различными психологическими и психосоматическими отклонениями, например, с депрессией (Chelminski et al., 1999), сезонными аффективными расстройствами (Natale et al., 2005), дефицитом внимания на фоне гиперактивности (Caci et al., 2009), наркозависимостью (Randler, 2008) и нарушениями питания (Schmidt, Randler, 2010).

В нашей стране исследования психологических аспектов циркад-

ных ритмов проводятся в течение многих десятилетий. По оценке О.С. Андрущенко (Андрущенко, 2005), пик исследований хронотипа приходится на 1970–1990-е гг., в последующие годы она констатирует определенный спад исследовательской активности. Однако, на наш взгляд, исследования в данной проблемной сфере ведутся с достаточной регулярностью и сегодня. Так, в последние годы существенный импульс исследованиям суточного локуса (в терминах утренне-вечерних предпочтений) в нашей стране придает работа группы новосибирских авторов во главе с А.А. Путиловым (см., напр.: Putilov, Putilov, 2005; Путилов и др., 2007).

Так, А.А. и Д.А. Путиловы (Putilov, Putilov, 2005) предлагают трехфакторную модель для объяснения индивидуальных различий в суточных предпочтениях. В качестве факторов эта модель включает (1) амплитуду циркадианной модуляции состояний сна и бодрствования, (2) скорость накопления потребности во сне, (3) интенсивность циркадианной активации. С целью измерения А.А. Путилов с соавт. используют 72-пунктный Опросник для оценки паттернов сна–бодрствования, измеряющий ряд подшкал (Putilov, Putilov, 2006).

Наша работа посвящена изучению вопроса, может ли суточный локус быть предиктором профессиональной эффективности. Профессиональная эффективность может определяться

¹ Авторы благодарят С.В. Вайнштейна, старшего преподавателя кафедры общей и клинической психологии Пермского государственного университета, за предложение этих удачных, на наш взгляд, обозначений.

не только в абсолютных терминах как усредненная успешность выполнения деятельности, но и в относительных терминах, например, в зависимости от суточного цикла. Последний подход имеет особое значение как для специальностей, предполагающих посменную работу, так и при планировании интенсивности деятельности в разные моменты суточного цикла.

Мы ставили перед собой задачу разработки предельно простого и эффективного вопросника, способного предсказывать успешность профессиональной деятельности специалистов, работающих посменно. Не оспаривая и не обсуждая проблемы факторной структуры утренне-вечерних предпочтений, мы исходили из того, что психодиагностический инструмент в условиях профессиональной деятельности должен быть максимально экономичным с учетом специфики респондентов и самой ситуации профессиональной психодиагностики.

Метод

Участники. В исследовании приняли участие 189 медицинских работников, из них — 40 врачей-стоматологов, работающих в клиниках г. Перми, 149 человек — сотрудников ГУЗ Пермская краевая клиническая больница (ПККБ), в том числе — 109 врачей, имеющих высшее образование, и 40 сотрудников, имеющих среднее медицинское образование (старшие медицинские сестры, меди-

цинские сестры, санитарки). Возраст участников от 25 до 56 лет ($M = 40.08$; $SD = 8.13$), 56 мужчин, 133 женщины. Все сотрудники работают посменно. В исследовании также участвовали 4 эксперта, являющихся непосредственными руководителями участников исследования.

Процедура. *Вопросники.* Участники отвечали на список вопросов, легший в основу предполагаемой Шкалы суточного локуса (ШСЛ). Изначально список состоял из 18 пунктов, незначительная часть из которых была филлерами, т.е. пунктами, «разбавляющими» основные пункты. Включение филлеров в список было обусловлено нашим стремлением увеличить валидность шкалы, затрудняя для участников определение измеряемого параметра². Предполагаемый разброс ответов варьировался в диапазоне от 1 («Совершенно не согласен») до 7 («Совершенно согласен»). С ростом значения показателя происходит увеличение утреннего локуса, а с его уменьшением — увеличение вечернего локуса. В итоговую ШСЛ вошли следующие пункты: «Для меня представляет проблему встать рано утром» (реверсивный пункт), «Я предпочитаю плотно позавтракать», «Я соглашусь на сверхурочную работу, выгодную в денежном отношении, если ее нужно выполнить в ночное время» (реверсивный пункт), «Для меня важные переговоры удобнее проводить в первой половине рабочего дня», «Мне большее удовольствие доставляет утренний чай (кофе), чем

² В дальнейшем в прикладных исследованиях мы рекомендуем использовать шкалу с некоторым количеством филлеров.

вечерний чай (кофе)», «Я завожу будильник на 10 минут раньше положенного срока, поскольку не могу встать сразу после сигнала» (реверсивный пункт). Кроме ШСЛ участники заполняли вопросник Уровень субъективного контроля — УСК (Бажин и др., 1984).

Экспертные оценки. Профессиональная эффективность участников оценивалась посредством экспертизы, осуществленной их четырьмя непосредственными руководителями. Ввиду иерархической структурной организации исследования и положения, что экспертизу будут проводить именно руководители участников, каждого участника оценивал один из экспертов³. Эксперты должны были оценить (а) общую профессиональную эффективность данного сотрудника (от 1 — «Совершенно не эффективен» до 10 — «Абсолютно эффективен»)⁴; (б) оптимальное время работы данного сотрудника в течение смены (от 1 — «9 часов» до 10 — «18 часов»); (в) предельный спад в работе данного сотрудника в течение смены (от 1 — «9 часов» до 10 — «18 часов»).

Результаты

Мы выработали 6-пунктную Шкалу суточного локуса в результате применения факторного анализа. Для этих пунктов оказалась приемлемой α -Кронбаха = 0.75. Для оценки достоверности 6-пунктной шкалы

мы применили конфирматорный факторный анализ, включив в модель 6 наблюдаемых переменных, соответствующих 6 пунктам, и 1 латентную, соответствующую фактору суточного локуса (рисунок 1). Индексы пригодности данной модели оказались на уровне, близком к рекомендуемому: $\chi^2(9) = 22.91$, $p = 0.006$; CFI = 0.94; RMSEA = 0.091.

Таким образом, в дальнейшем мы используем в качестве показателя суточного локуса среднее арифметическое от 6 пунктов шкалы.

Суточный локус не дифференцировался по полу, $t(187) < 1$, по профессиональному статусу (врачи — работники со средним образованием), $t(187) = 1.29$, $p = 0.20$, не коррелировал с возрастом, $r = -0.05$, $p = 0.50$, и общей интернальностью, $r = 0.06$, $p = 0.41$. Из подшкал УСК суточный локус коррелировал только с показателем интернальности в сфере производственных отношений, $r = 0.18$, $p = 0.013$. При этом рост интернальности в производственных отношениях предсказывал увеличение вероятности утреннего локуса.

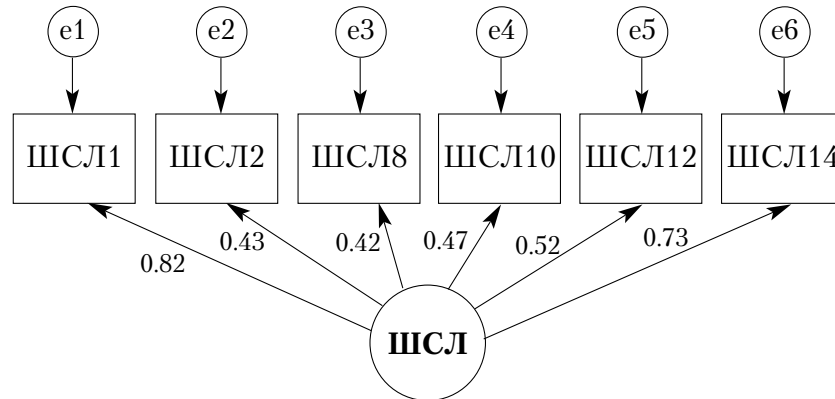
Основной результат нашего исследования касался возможности предсказания оптимума-спада профессиональной эффективности медицинских работников в связи с суточным локусом. Суточный локус существенно коррелировал со временем оптимума, $r = -0.52$, $p < 0.00001$, а также со временем спада, $r = 0.47$, $p < 0.00001$. При этом сами показате-

³ Безусловно, это обстоятельство снижает достоверность экспертизы. Полученные здесь результаты в последующем должны быть верифицированы экспертными оценками, выполненными большим числом экспертов с учетом согласованности экспертных оценок между собой.

⁴ Этот показатель оценивался только на группе врачей-стоматологов ($n = 40$).

Рисунок 1

Конфирматорный факторный анализ 6-пунктной Шкалы суточного локуса

ли оптимума и спада, по сути симметричные, коррелировали между собой на сравнимом с данными коэффициентами уровне, $r = -0.56$, $p < 0.00001$.

Следует также отметить, что общая интернальность не коррелировала с экспертными оценками оптимума-спада, $r = -0.08$ и $r = 0.09$, оба $p > 0.19$. Однако интернальность в сфере производства умеренно коррелировала с оценкой оптимума-спада, $r = -0.13$, $p = 0.06$ и $r = 0.17$, $p = 0.02$ соответственно. При этом более высокая эффективность в утреннее время наблюдалась с ростом интернальности в производственных отношениях. Однако эти корреляции были на порядок слабее, чем корреляции суточного локуса с экспертной оценкой оптимума-спада.

Тем не менее можно было предполагать, что подъем профессиональной эффективности в утреннее время обусловлен не утренним локусом, а интернальностью в сфере производства: те сотрудники, которые субъективно ощущают свою ответ-

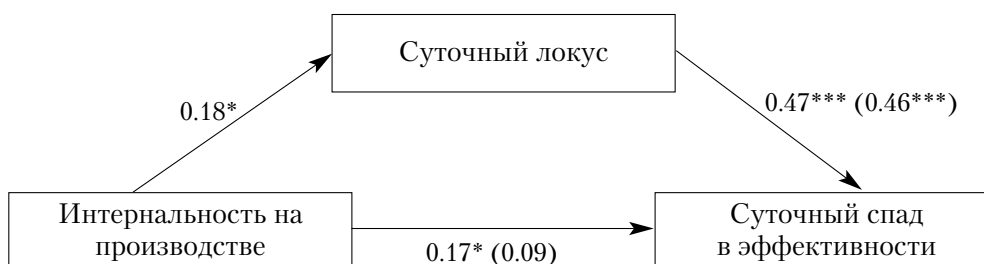
ственность за выполняемую работу, могут с большей интенсивностью расходовать свои усилия в утреннее время, не экономя сил, что может приводить к усталости во второй половине дня и, соответственно, к спаду интенсивности.

Для проверки этого предположения мы осуществили медиационный анализ посредством множественного регрессионного анализа в соответствии с рекомендациями Р. Бэрона и Д. Кенни (Baron, Kenny, 1986). Была построена модель, в которой интернальность в производственных отношениях была независимым предиктором, суточный спад в профессиональной эффективности — зависимой переменной, а суточный локус — медиатором (рисунок 2).

Из рисунка 2 видно, что β эффекта интернальности на производстве на суточный спад в эффективности при взаимодействии с суточным локусом сократилась до статистически незначимой величины, $\beta = 0.09$, в сравнении со своим главным эффектом,

Рисунок 2

Медиационная модель, тестирующая предсказание суточного спада по суточному локусу с интернальностью в производственных отношениях как медиатором

$\beta = 0.17$, по тесту Собела $Z = 2.42$, $p = 0.03$. Это свидетельствует о том, что суточный локус достоверно опосредует эффект интернальности на производстве на суточную динамику в эффективности.

Обсуждение

Как мы уже отмечали, разработанная шкала не претендует на полноту охвата суточного локуса как многофакторного конструкта. Этой проблеме посвящены исследования других авторов, в первую очередь, группы А.А. Путилова (см., напр.: Путилов и др., 2007). Мы ставили перед собой более частную и прикладную задачу — разработать экономичный вопросник, способный эффективно предсказывать спады и подъемы в работе персонала с учетом суточного локуса сотрудников.

Внутренняя согласованность шкалы находится в диапазоне приемлемых значений. Несколько заниженные регрессионные коэффициенты, индексы пригодности и значения альфы Кронбаха, на наш взгляд, не

следуют считать критичными, поскольку это может свидетельствовать о достаточном разнообразии тем, охваченных пунктами с одновременным удержанием общей проблематики шкалы. Как следует из так называемого парадокса истощения (attenuation paradox — Loevinger, 1954), слишком высокие значения коэффициентов согласованности (в первую очередь, альфы Кронбаха) могут говорить о «содержательной зауженности» шкалы и избыточности пунктов (Streiner, 2003). Поэтому, на наш взгляд, те значения согласованности, которые были нами получены, являются оптимальными и не требуют дальнейшего расширения посредством замены используемых в шкале пунктов на более однотипные утверждения.

Отсутствие значимых корреляций ШСЛ с общей интернальностью свидетельствует в пользу дивергентной валидности шкалы. В то же время умеренная корреляция ШСЛ с интернальностью в сфере производства может быть обусловлена спецификой отдельных пунктов нашей шкалы.

Исходя из этого, мы склонны полагать, что разработанная нами шкала может быть пригодна при диагностике суточного локуса именно в сфере профессиональной деятельности, а не, например, отдыха. В то же время мы обнаружили, что эффект производственной интернальности на спад-подъем в работе обусловлен суточным локусом, в то время как суточный локус производит мощный и стабильный эффект на спад-подъем.

Наконец, ключевой результат нашей работы заключен в высокозначимой корреляции ШСЛ с экспертными оценками спада-подъема работоспособности медицинского персонала. Этот результат свидетельствует о высокой предиктивной валидности ШСЛ и о возможности ее практического использования, по крайней мере, в отношении медицинского персонала.

Представленная здесь работа имеет ряд существенных ограничений. Так, исследование проводилось на выборке медицинского персонала. Следовательно, мы можем лишь предполагать, что ШСЛ будет эффективным предиктором суточного

спада-подъема работы среди представителей других специальностей. Кроме того, профессиональная эффективность определялась посредством экспертных оценок, т.е. поведенческих показателей эффективности. Это также может свидетельствовать о потенциальной погрешности в оценках посредством ШСЛ профессиональной эффективности. Правда, на наш взгляд, выбранный нами критерий является достаточно валидным, поскольку тесную статистическую взаимосвязь оценки индивидом своих суточных ритмов с внешней оценкой эффективности сотрудника со стороны руководителя достаточно сложно объяснить статистической погрешностью или случайностью либо какими-то иными причинами. Наконец, конвергентная валидность ШСЛ требует дополнительной оценки. Это касается как оценки взаимосвязей суточного локуса, измеренного ШСЛ, с физиологическими показателями суточных ритмов, так и взаимосвязи значений ШСЛ с другими тестами, измеряющими утренне-вечерние предпочтения.

Литература

- Андрущенко О.С.* Психологические особенности студентов с разными характеристиками цикла «сон-бодрствование» // Циклы: Материалы VII Международной конференции. Ставрополь, 2005. Т. 3. [Электронный ресурс]: http://www.abiturient.ncstu.ru/Science/expert/cycles/bc/2005/45.pdf/file_download
- Ашофф Ю.* Обзор биологических ритмов // Биологические ритмы: В 2 т. М.: Мир, 1984. Т. 1. С. 13–21.
- Бажин Е.Ф., Голькина Е.А., Эткинд А.М.* Метод исследования уровня субъективного контроля // Психол. журн. 1984. № 3. С. 152–162.
- Питтендрих К.* Циркадианные системы: общая перспектива // Биологические ритмы. М.: Мир, 1984. С. 22–53.
- Путилов А.А., Веревкин Е.Г., Донская О.Г., Путилов Д.А.* Утренне-вечернее предпочтение как трехуровневая индивидуальная особенность цикла сон-бодрствование // Бюллетень Сиб. отд. РАМН. 2007. № 5. С. 103–109.
- Adan A., Natale V.* Gender differences in morningness/eveningness preference // Chronobiology International. 2002. 19. 709–720.
- Baron R.M., Kenny D.A.* The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: Conceptual, strategic, and statistical considerations // J. of Personality and Social Psychology. 1986. 51. 1173–1182.
- Caci H., Bouchez J., Baylé F.J.* Inattentive symptoms of ADHD are related to evening orientation // J. of Attention Disorders. 2009. 13. 36–41.
- Chelminski I., Ferraro F.R., Petros T.V., Plaud J.J.* An analysis of the «eveningness-morningness» dimension in «depressive» college students // J. of Affective Disorders. 1999. 52. 19–29.
- Czeisler C.A., Buxton O.M., Khalsa S.B.S.* The human circadian timing system and sleep-wake regulation // M.H. Kryger, T. Roth, W.C. Dement (eds.). Principles and practices of sleep medicine. Philadelphia: Elsevier Saunders, 2005. P. 375–394.
- Loevinger J.* The attenuation paradox in test theory // Psychol. Bulletin. 1954. 51. 493–504.
- Matthews G.* Morningness-eveningness as a dimension of personality: Trait, state, and psychophysiological correlates // European J. of Personality. 1988. 2. 277–293.
- Monk T.* Shift work: Basic principles // M.H. Kryger, T. Roth, W.C. Dement (eds.). Principles and practice of sleep medicine. Philadelphia: Elsevier Saunders, 2005. P. 673–680.
- Natale V., Adan A., Scapellato P.* Are seasonality of mood and eveningness closely associated? // Psychiatry Research. 2005. 136. 51–60.
- Natale V., Cicogna P.C.* Morningness-eveningness dimensions: Is it really a continuum? // Personality and Individual Differences. 2002. 32. 809–816.
- Paine S.-J., Gander P.H., Travier N.* The epistemology of morningness/eveningness: Influence of age, gender, ethnicity, and socioeconomic factors in adults (30–49 years) // Journal of Biological Rhythms. 2006. 21. 68–76.
- Putilov A.A., Putilov D.A.* Sleepless in Siberia and Alaska: Cross-validation of factor structure of the individual adaptability of the sleep-wake cycle // Ergonomia. 2005. 27. 207–226.
- Putilov A.A., Putilov D.A.* Big six of the individual adaptive ability of the sleep-wake cycle: Explanation and measurement // Biological Rhythm Research. 2006. 37. 51–71.
- Randler C.* Differences between smokers and nonsmokers in morningness-eveningness

// Social Behavior and Personality. 2008. 36. 673–680.

Randler C., Frech D. Correlation between morningness-eveningness and final school leaving exams // Biological Rhythm Research. 2006. 37. 233–239.

Schmidt S., Randler C. Morningness-eveningness and eating disorders in a sample of adolescent girls // J. of Individual Differences. 2010. 31. 38–45.

Streiner D.L. Starting at the beginning: An introduction to coefficient alpha and internal consistency // J. of Personality Assessment. 2003. 80. 99–103.

Turek F.W. Introduction to chronobiology: Sleep and the circadian clock // M.H. Kryger, T. Roth, W.C. Dement (eds.). Principles and practices of sleep medicine. Philadelphia: W. B. Saunders, 2000. P. 319–320.

Щебетенко Сергей Александрович — доцент философско-социологического факультета Пермского государственного университета, кандидат психологических наук

Контакты: shebetenko@rambler.ru

Семенова Полина Игоревна — выпускница философско-социологического факультета Пермского государственного университета

Контакты: spi.89@mail.ru

Обзоры и рецензии

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ОНТОГЕНЕЗА

Е.И. КОМКОВА

Резюме

В статье анализируются исследования когнитивного развития и развития личности ребенка. Сопоставляются результаты изучения связи когнитивной сферы и личности, а также изменения, происходящие в личности ребенка под воздействием различных образовательных программ.

Ключевые слова: *интеллектуальное и личностное развитие, интеллект, гетерохронность, социально-психологическая адаптированность.*

Согласно традициям отечественной психологии, изучение психического развития сопряжено с рассмотрением его отдельных сторон как системы в единстве с социальными факторами. Процесс социализации — формирование и становление социальной идентичности — берет начало в ранние периоды детства, и именно в эти периоды он имеет особо важное значение для дальнейшего психического развития ребенка. Одну из главных ролей здесь выполняют агенты социализации (семья, школа, группа сверстников), определяемые как внешние социальные условия, при наличии которых происходит психическое развитие ребенка. Относительная важность каждого из агентов социализации определяется социальной структурой общества.

Понятия «социализация», «развитие личности» и «когнитивное развитие» используются практически во всех работах, посвященных исследованию закономерностей онтогенеза и проблемам личности. И, несмотря на то, что содержание этих понятий пока расплывчато и нет четких общепринятых определений в соотнесении их друг к другу, они являются активно «рабочими» в профессиональной деятельности психологов и сохраняют в целом общепринятый смысл. Однако расширение поля исследований и углубление проблем изучения человека ставят много новых задач, в том числе теоретико-методологического плана.

Социально-когнитивный подход в психологии возник в результате соединения поведенческого и когнитивного

подходов. Если в центре когнитивного подхода стояли вопросы социального познания людьми друг друга и окружающего мира, то новая теория должна была соединить две основные сферы психики человека: личностную и когнитивную. Это позволяет исследовать личность как субъект познания и поведения.

На необходимость изучения интеллектуальных и личностных аспектов в их единстве указывали С. Л. Рубинштейн, А.М. Матюшкин, А.В. Брушлинский, О.К. Тихомиров и др. Однако современная психодиагностика разделяет тесты, выявляющие личностные характеристики, и тесты интеллекта. Данное разделение личностных проявлений и интеллектуального развития часто обсуждается в теоретико-методологической литературе. Но следует отметить, что за последние 15–20 лет было выполнено достаточное количество работ, посвященных исследованию взаимосвязи интеллекта (или когнитивного развития) и социально-личностных показателей.

В настоящее время в связи с разнообразием образовательных учреждений и узаконенной вариативностью программ и методов обучения проблема умственного и личностного развития не только не теряет своего значения, но и приобретает новую остроту. Так, в исследовании Г.М. Юшковой, которое было выполнено в рамках концепции когнитивной дифференциации Н.И. Чуприковой, изучались специфические особенности когнитивной и личностной сферы подростков 11–13 лет, обучающихся по разным программам и показавших разную динамику школьной успеваемости при

переходе из начальной школы в среднюю. Было обнаружено, что с развитием тех или иных процессов снижается количество корреляций между когнитивными и личностными показателями. Факты, представленные в ее работе, указывают на развитие более узкого числа специфических когнитивных подструктур в экспериментальном классе и на более широкое и гармоничное их развитие в контрольном классе (Юшкова, 2001).

Дальнейшее изучение роли когнитивной дифференцированности в умственном развитии детей разного возраста, возможности получения данных о ее предполагаемом росте от младшего школьного к старшему подростковому возрасту было продолжено В.В. Назаровой. Ее исследование было направлено на изучение изменений в когнитивном развитии учащихся от 3-го к 9-му классу. Оказалось, что успешность обучения детей младшего школьного возраста определяется как вербальными, так и невербальными компонентами интеллекта, поскольку лучше успевающие третьеклассники опережают хуже успевающих по вербальным и невербальным показателям теста Д. Векслера, тогда как успешность обучения учащихся старших классов определяется в большей степени вербальными компонентами (Назарова, 2001).

С.И. Прежесецкая в диссертационном исследовании доказала, что процесс развития личностной сферы тесно связан с усложнением когнитивной сферы психики ребенка (Прежесецкая, 1995). Когнитивная сфера при этом подчиняется закону системной дифференциации (Чуприкова, 1997).

Обучающая система Л.В. Занкова как более эффективная для когни-

тивного и личностного развития младших школьников была в центре внимания О.В. Нестеровой. Когнитивная и личностная дифференцированность, по ее мнению, являются внутренними условиями, через которые преломляются все внешние социальные воздействия. Закономерности психического развития, раскрывающиеся через взаимодействие дифференционных и интеграционных процессов, лишь в некоторой степени определяются природными факторами. Обучение, выступающее в младшем школьном возрасте ведущим внешним условием, может оказывать оптимизирующее воздействие при условии соответствия дидактической системы внутренним законам развития (Нестерова, 2004).

Н.В. Балабанова по результатам своего исследования делает вывод, что образовательная среда, которая определяется как часть социокультурного пространства, в специализированных классах активизирует формирование связей между уровнями интегральной индивидуальности по сравнению с общеобразовательными классами. У учащихся специализированных классов сильнее выражена тенденция к увеличению числа многозначных межуровневых связей. Проявление многочисленных связей между самооценкой, уровнем притязаний, интеллектом, креативностью и адаптированностью свидетельствует о благоприятном влиянии образовательной среды этих классов на динамику личностного и интеллектуального развития детей, гармонизацию структуры индивидуальности. Социально-психологическая адаптированность (СПА) в специализированных классах достигается за счет фор-

мирования позитивного отношения к себе, развития самостоятельности и уверенности. В этих классах развивается потребность в партнерских отношениях, построенных на взаимоуважении и признании прав другого. Адаптированность подростков в общеобразовательных классах зависит от принятия их сверстниками. В динамике СПА у них отмечено снижение показателей самопринятия и самостоятельности, а в общении со сверстниками выражена потребность в доминировании, стремление ощущать свое превосходство. Наиболее выраженный характер динамика СПА имеет у девочек математических и мальчиков эстетических классов. Эта динамика обеспечивается за счет позитивного восприятия себя, развития интернальности (у девочек), активного стремления к самореализации, позитивного восприятия окружающих, оптимизма в оценке ближайшего будущего (Балабанова, 2002).

Влияние образовательной среды на когнитивно-личностное развитие старшеклассников в математическом, лингвистическом, художественно-графическом и медицинском классах изучалось С.Н. Ленковой. Она установила, что у школьников с высоким развитием невербального интеллекта или наличием творческих способностей к выработке оригинальных идей наблюдаются заниженные возможности адаптации поведения, заостренность многих черт личности и в целом трудности в обучении. Ею установлен факт влияния на показатели обучаемости определенных заостренных черт характера. Особенно неблагоприятно влияет на процесс обучения увеличение количества

акцентуаций характера у школьника. Структура интеллектуальных способностей представляет собой сложное образование со специфическими взаимосвязями между компонентами общих познавательных и творческих способностей. Так, высокое развитие одного из компонентов интеллекта (вербального или невербального) отрицательно взаимосвязано с проявлением творческих способностей в соответствующей сфере (вербального компонента интеллекта — с проявлением творческих способностей в вербальной сфере, невербального — в невербальной сфере) (Ленкова, 2003).

Особую важность приобретает изучение природы тревожности и ее влияния на когнитивное и личностное развитие, в частности, школьной тревожности как специфического вида, проявляющегося в младшем школьном возрасте в связи с вхождением детей в новую социальную ситуацию развития и усвоением нового вида деятельности — учения. Уровень школьной тревожности влияет на специфику взаимосвязей когнитивной и личностной сфер младших школьников. У менее тревожных учащихся выявлена большая связанность показателей когнитивной сферы и меньшее количество связей между когнитивными и личностными особенностями. Это указывает на большую равномерность и синхронность когнитивного развития и большую независимость когнитивной и личностной сфер у менее тревожных, чем у более тревожных школьников (Зиновьева, 2005).

Исследование М.Э. Ацкановой было направлено на изучение влияния различных программ обучения

на развитие личности и познавательной сферы младших школьников. Она установила, что наиболее продуктивной технологией развивающего обучения является программа Д.Б. Эльконина — В.В. Давыдова, поскольку третьеклассники, обучающиеся по этой программе, отличались самым низким уровнем школьной тревожности и высокими показателями умственной деятельности (Ацканова, 2004).

Динамика интеллектуального и личностного развития младших школьников и подростков, по результатам исследования Т.М. Дьяченко, характеризуется гетерохронностью и неравномерностью, что выражается в различных темпах и времени созревания психических функций. А факторами, обеспечивающими более высокий уровень и темпы развития интеллекта и личности, являются удовлетворение потребностей в ведущем типе деятельности (Дьяченко, 2006).

В диссертационном исследовании О.Н. Клименченко внутренние, когнитивные и личностные, детерминанты мыслительной деятельности у студентов вуза рассматриваются в контексте ситуации, в которой развивается мышление. Она установила, что когнитивные детерминанты в целом (коэффициент интеллекта, креативность, визуальный тип смещения репрезентативной системы, тип вариантов решения малых творческих задач (МТЗ), предлагаемых испытуемым на первом этапе решения задачи) объясняют около 30% дисперсии, тогда как переменные личностного блока (ориентация при реализации намерения, ориентация при переживании неудачи, реф-

лексивные высказывания личностного типа, мотивация достижения/избегания) — не более 5%. На втором этапе решения МТЗ обширнее представлен блок переменных личностной сферы, что связано с фактом переживания неудачи и необходимостью организовывать свою дальнейшую деятельность в ситуации неудачи. На данном этапе переменные когнитивного блока объясняют около 20% дисперсии, переменные личностного блока — около 18%. Итак, по сравнению с первым этапом возросла роль личностного блока и сократилась роль когнитивного. И наконец, на третьем этапе успешность решения МТЗ значимо коррелирует лишь с контролем за действием при переживании неудачи (ориентация на действие). В результате дискриминантного анализа выяснилось, что эта же переменная является и детерминантой успешности решения МТЗ на третьем этапе при уровне значимости $p \leq 0.01$. На данном этапе переменные когнитивного блока объясняют не больше 11%, переменные личностного блока — около 19%. При этом роль сдвига репрезентативной системы в сторону визуализации уменьшается. Таким образом, блок когнитивных переменных монотонно теряет свою силу в качестве детерминант успешности мышления (Клименченко, 2001). Переменные личностного блока — рефлексивные высказывания личностного типа, ориентация при переживании неудачи — от этапа к этапу набирают силу в качестве предикторов успешности мышления. Успешность мыслительной деятельности связана как с когнитивными, так и с личностными

характеристиками. По мере смены этапов мышления «личностный» блок детерминант усиливается, а «когнитивный» теряет значимость к последнему этапу.

Представленные исследования показывают, как значимо для становления личностных и познавательных характеристик осуществление социализации с помощью такого социального института, как школа. Но в большей степени речь в данном случае идет о внешних условиях социализации. Что же касается ее внутренних факторов, то здесь однозначного ответа пока нет. Богатый материал о данных личности, полученный с помощью диагностических методик, позволяет определить, с помощью каких характеристик и в какой степени проходит процесс социализации. Так, Е.Ю. Уварина экспериментально исследовала, за счет каких внутренних и внешних механизмов происходит процесс социализации в подростковом возрасте, какие социальные факторы и какие личностные особенности участвуют в этом процессе. Задача ее исследования заключалась в том, чтобы определить факт наличия или отсутствия корреляции между личностными особенностями у подростков, степенью их социализации и тем социометрическим статусом, который они занимают в структуре межличностных отношений в классе. Она установила, что процесс социализации в подростковом возрасте находится в прямой зависимости от эмоционально-волевой сферы личности (Уварина, 2002).

Тот факт, что во многих исследованиях между интеллектуальными и личностными проявлениями не выявлено зависимости, можно объяснить

тем, что часто в качестве показателей уровня интеллектуального развития берется эффективность выполнения заданий на установление логических отношений классификации, аналогии, обобщения. Таким образом, выявляются те знания, умения и навыки, которыми испытуемый овладел к моменту тестирования. Я.А. Пономарев и Н.А. Пастернак считают, что именно изучение способности действовать «в уме» (СДУ) может преодолеть разрыв между интеллектуальными и личностными характеристиками. Поскольку, по мнению авторов, достаточно высокий уровень развития СДУ позволяет не только осознавать, но и перестраивать побудительную силу действия, ее эволюция в онтогенезе оказывается значительной для развития личности, поскольку здесь проявляется связь интеллектуальных и мотивационных аспектов. В их исследовании испытуемые 16–18 лет с высоким развитием СДУ чаще, чем испытуемые с низким развитием, давали социально желательные ответы на вопросы личностного теста. Сама по себе такая характеристика, как социальная желательность, может относиться к разным аспектам в структуре личности в зависимости от того, задается ли она в когнитивной теории личности, мотивационной или в теории черт. Я.А. Пономарев и Н.А. Пастернак предполагают, что социальная желательность в равной степени относится ко всем трем перечисленным составляющим структуры личности (Пономарев, Пастернак, 1995).

Предметом исследования О.Н. Боровик были особенности когнитивного и личностного развития студентов педколледжа с разной специали-

зацией (будущие учителя математики и русского языка и литературы). Ею были выявлены различия между группами специализаций по показателям академической успеваемости и интеллектуального развития. В изучении любого психического явления, в том числе и мыслительной деятельности, автор выделяет две стратегии. Первая заключается в том, чтобы изолировать данное явление и рассматривать его внутренние закономерности безотносительно к среде его существования. В соответствии со второй стратегией явление изучается не только в контексте его внутренних законов, но и в отношении с «внешними» явлениями, характеристиками ситуации. Но мышление как познавательный процесс не может существовать в «когнитивном и личностном вакууме»: мыслит субъект, индивид, обладающий как личностными, так и когнитивными характеристиками. Однако сложение влияния двух групп переменных, которые сами по себе не обладают достаточной объяснительной силой, не может привести к успеху.

В случае психологического исследования мышления первая стратегия заключается в собственно изучении мышления, его процессов, закономерностей и особенностей. Если в первой стратегии предметом исследования становятся характеристики мышления, то во второй — те же характеристики, но в связи как с внутренними особенностями субъекта, так и с внешними характеристиками процесса мышления, а также в зависимости от ситуативных параметров исследования мышления (Боровик, 2002).

Взаимосвязь черт личности и когнитивного стиля в успешности обу-

чения студентов изучала Т.Н. Серегина (Серегина, 2001). Она обнаружила достоверные, но не тесные линейные корреляции параметров когнитивного стиля с чертами характера/темперамента. Так, полнезависимость когнитивного стиля коррелирует с уверенностью в себе, социальной смелостью, реалистичностью, опорой на логику, а не на чувства. Аналитичность (понятийная дифференцированность) когнитивного стиля связана с ригидностью. При этом диапазон коэффициентов корреляции варьирует в зависимости от особенностей выборки испытуемых.

В исследовании Г.В. Ковалевой изучалась корреляция параметров когнитивных стилей, субмодальностей полимодального Я и свойств нервной системы как индивидуальных характеристик креативности (Ковалева, 2002). Она предложила 3-уровневую объяснительную модель индивидуальных характеристик креативности, представленных на нейродинамическом (растормаживание подкорковых центров), личностном (полимодальное) и когнитивном (скорость переработки информации) «уровнях».

Связь когнитивных стилей и такого личностного параметра, как уверенность в себе у взрослых, была предметом исследования Е.В. Головиной. В психологическом конструкте «уверенность» она выделяет когнитивную и личностную составляющие. В когнитивную входят сенсорный уровень и уровень знаний. А личностная уверенность положительно связана с уверенностью в знаниях и непосредственно не свя-

зана с уверенностью в сенсорных суждениях (Головина, 2006).

Большая часть новейшей литературы по когнитивному развитию сосредоточена на изменении как теоретической модели и представления о когнитивном развитии, так и методологии исследования. Суть проблемы изучения когнитивного развития ребенка заключается не только в поиске новой методологической концепции исследования, но и в том, каким образом ребенок приходит к решению мыслительной задачи и выходит ли это решение за рамки каких-либо границ развития. Изменения в развитии познания показывают в большей степени объединение когнитивных систем, чем качественные изменения концептуальной мысли в целом. В меньшей степени изучен дошкольный возраст, а комплексные исследования, которые охватывают достаточно длительный период онтогенетического развития, вообще отсутствуют.

Представленные исследования позволяют сделать заключение о существенном влиянии на когнитивное развитие общения и межличностного взаимодействия, которые проходят в процессе различных условий социализации ребенка. Но общение и межличностное взаимодействие как субъектно-субъектная деятельность по-разному детерминируют коммуникативный и когнитивный факторы. К концу подросткового и началу юношеского возраста роль когнитивной переменной как условия эффективности межличностного взаимодействия ослабевает.

Литература

- Ацканова М.Э.* Особенности развития познавательной и личностно-мотивационной сферы младших школьников в условиях инновационных развивающих программ: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2004.
- Балабанова Н.В.* Влияние образовательной среды на интеллектуальное и личностное развитие младших подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2002.
- Боровик О.Н.* Когнитивное и личностное развитие студентов педагогического колледжа с разной специальностью: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.
- Головина Е.В.* Структура уверенности и когнитивные стили: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
- Дьяченко Т.М.* Динамика интеллектуального и личностного развития детей младшего школьного и подросткового возраста (лонгитюдное исследование): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006.
- Зиновьева Э.В.* Школьная тревожность и ее связь с когнитивными и личностными особенностями младших школьников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
- Клименченко О.Н.* Когнитивные и личностные детерминанты успешности мыслительной деятельности (на примере решения малых творческих задач): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.
- Ковалева Г.В.* Взаимосвязь когнитивных, личностных и нейродинамических характеристик креативности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2002.
- Ленкова С.Н.* Особенности когнитивно-личностного развития школьников в условиях дифференцированного обучения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.
- Назарова В.В.* Динамика когнитивной дифференцированности и возрастные интеллектуальные особенности школьников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.
- Нестерова О.В.* Динамика когнитивной и личностной дифференцированности младших школьников при традиционном и развивающем обучении по системе Л.В. Занкова: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
- Пономарев Я.А., Пастернак Н.А.* Влияние способности действовать «в уме» на данные психологического тестирования // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 6. С. 43–54.
- Прежесецкая С.И.* Когнитивное и личностное развитие младших школьников в разных системах обучения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1995.
- Серегина Т.Н.* Черты личности и когнитивный стиль: взаимодействие и роль в успешности обучения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2001.
- Уварина Е.Ю.* Зависимость между личностными особенностями и уровнем социализации подростков // Прикладная психология. 2002. № 1. С. 29–31.
- Чуприкова Н.И.* Психология умственного развития: принцип дифференциации. М.: АО «Столетие», 1997.
- Юшкова Г.М.* Когнитивное и личностное развитие учащихся 11–13 лет с разной успешностью обучения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.

Комкова Елена Ивановна, доцент Минского института управления, кандидат психологических наук, доцент

Контакты: lena-komkova@yandex.ru

Научная жизнь

**XXVI МЕРЛИНСКИЕ ЧТЕНИЯ:
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ
В ОБРАЗОВАНИИ**

А.А. ВОЛОЧКОВ

20–22 сентября 2011 г. в Перми прошла Всероссийская научно-практическая конференция с участием зарубежных ученых, организованная Институтом психологии Пермского государственного педагогического университета и Пермским региональным отделением РПО при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-06-14032г). Цель конференции, приуроченной к 90-летию ПГПУ, — обсуждение задач российской психологии в условиях социальных перемен и реализации новых образовательных стандартов.

К началу конференции вышел сборник материалов с тезисами докладов 168 авторов. 107 из них (в том числе 24 доктора и 35 кандидатов наук) приняли очное участие в работе конференции. Вместе с психологами Прикамья проблемы психологического сопровождения образовательных инноваций обсуждали ученые и практики Москвы, Абака-

на, Армавира, Ярославля, Рязани, Ростова-на-Дону, Таганрога, Ижевска, Пятигорска, Краснодара, Самары, Смоленска, Уфы, Челябинска, Екатеринбурга, Томска, Новосибирска, Омска и других городов России, а также ученые Нидерландов (Утрехт), ФРГ (Дрезден) и ближнего зарубежья (Минск).

Открыл пленарное заседание ректор ПГПУ проф. *А.К. Колесников*. Он отметил особую роль пермской научной школы В.С. Мерлина в 90-летней истории Педагогического университета.

Председатель оргкомитета чл.-корр. РАО, д.пс.н. директор Института психологии ПГПУ проф. *Б.А. Вяткин* во вступительном слове обосновал выбор тематики и места проведения конференции. Новые образовательные стандарты в школе, переход вузов на двухуровневую систему — все это требует инновационных, психологически обоснованных и

педагогически проработанных моделей обучения и воспитания. В Пермском крае такой опыт имеется. Б.А. Вяткин выразил уверенность в том, что конференция внесет свой вклад в научную разработку соответствующей проблематики и обогатит педагогическую практику новыми психологическими технологиями.

Пленарный доклад академика РАО, д.пс.н., проф. *С.К. Бондыревой* (Москва) «Проблемы высшего профессионального образования» акцентировал проблему подготовки специалистов высшей квалификации по психологии и педагогике. В рамках программы конференции была организована встреча С.К. Бондыревой с аспирантами, докторантами и научными руководителями, где обсуждались пути повышения качества диссертационных исследований.

Академик РАО, д.пс.н., проф. *И.В. Дубровина* (Москва) в докладе «Задачи психологической службы на инновационном этапе развития образования» поставила задачу привнесения в систему образования гуманитарного потенциала психологической культуры, без приоритета которой эта система не может быть эффективной.

В докладе «Психологические основы инноваций» д.пс.н., проф. *Н.С. Глуханюк* (Екатеринбург) поставила вопрос о роли психолога в производстве нововведений как самостоятельной сфере деятельности. Университетские психологи откликнулись на качественные социальные изменения новыми специальностями высшего профессионального образования, программами повышения квалификации, но эта активность пока не соответствует масштабу перемен.

Д.пс.н., проф. *Л.Я. Дорфман* (Пермь) подверг анализу соотношение не тождественных, дополнительных по отношению друг к другу понятий «креативность» и «инновация». Содержанию этих понятий соответствуют и две группы людей — «креативщиков» и «инноваторов», каждая из которых в инновационном процессе решает свои задачи.

В докладе «Психологическое сопровождение профессионального становления педагога нового типа в системе инновационного образования» д.пс.н., проф. *А.В. Морозов* (Москва) подчеркнул, что творчество и грамотный инновационный менеджмент в образовании могут реализовать свой потенциал лишь при доминанте общечеловеческих ценностей.

Д.пс.н., проф. *В.Ю. Хотинец* (Ижевск) в докладе «Билингвальные образовательные программы в поликультурном образовании (на примере Урала и Поволжья)» сопоставила международные подходы с опытом внедрения результатов авторских исследований в этом направлении.

Завершил пленарное заседание докладом «Диагностика универсальных учебных действий: новый подход» д.пс.н., проф. *А.А. Волочков* (Пермь), в котором на примере собственных разработок предложил интегративный подход к диагностике учебной результативности, резко снижающий финансовые и временные затраты мониторинга качества реализации новых образовательных стандартов.

В работе секции «*Общепсихологические аспекты образовательных инноваций*» (руководители — проф. В.Ю. Хотинец из Ижевска и проф.

М.Р. Шукин из Перми) приняли участие 46 психологов из Москвы, Екатеринбург, Перми, Ижевска, Кирова, Ярославля, Березников и Стерлитамака. Оживленную дискуссию вызвали доклады: «Онтологическая уверенность в связи со здоровым чувством безопасности» (доц. Н.В. Коптева, Пермь), «Выгорание учителей средних школ Москвы и Ташкента в период внедрения инновационных перестроек» (доц. А.С. Кузнецова, Москва), «Распределение внимания в пространстве воспринимаемого объекта при разных условиях предъявления стимульного материала» (доц. Ю.Н. Слепко, Ярославль) и «Анализ наиболее типичных заблуждений в представлениях о детской одаренности» (проф. Т.М. Хрусталева, Пермь).

На секции «*Новые методы и технологии в психологии образования*» (руководители — проф. А.В. Морозов из Москвы и проф. А.А. Волочков из Перми) обсуждались передовые разработки ученых и педагогов-психологов. В исследовательской линии особый интерес вызвали доклады «Личностные ресурсы профилактики выгорания учителей средних школ» (доц. М.М. Абдуллаева, Москва), «Психологическая теория и практика в процессе медиаобразования» (доц. Д.О. Смирнов, Пермь) и «Интонационный (спектрографический) анализ характеристик речи как компонент психодиагностики совладающего поведения в условиях стресса» (В.В. Попова и Д.Н. Соснина, Пермь), а в практической — «Использование методов творческого самовыражения в воспитательно-образовательном процессе» (Т.Л. Тиунова, Пермь).

На секции «*Психологическое сопровождение инновационных процессов в образовательных учреждениях*» (руководители — проф. Н.С. Глуханюк из Екатеринбург и проф. Т.М. Хрусталева из Перми) с докладами выступили проф. С.Ю. Жданова (Пермь), доценты А.С. Марков (Рязань) и О.Б. Беляев (Пермь), а также преподаватели Л.Н. Филатова (Рязань) и Т.В. Михеева (Березники). Участники обсудили проблему возможности и границ синтеза результатов научных исследований и непосредственного опыта психологического сопровождения инноваций в образовании.

Из десяти докладов, заслушанных на секции «*Индивидуальность как объект психологических инноваций в образовательной среде*» (руководители — проф. Л.Я. Дорфман и доц. Д.С. Корниенко из Перми), выделим три. В докладе В.Л. Светличной (Москва) «Развитие музыкальных способностей школьников» приведены новые данные о соотношении развития музыкальных и познавательных способностей. Дискуссию о метаиндивидуальных эффектах стилей деятельности учителя начальных классов вызвал доклад доц. И.В. Долгополовой (Березники). Предложенные в докладе Ю.А. Шевченко (Пермь) «Отражение некоторых особенностей проявления технической одаренности в процессе ее идентификации и развития» инновационные модели имеют практическую значимость.

Особенностью конференции стала выездная секция «*Проблемы и перспективы психологической службы образования*» (руководители — академик РАО И.В. Дубровина из Москвы,

проф. А.А. Волочков из Перми, Н.В. Шишкина из Чусового). В психологическом центре г. Чусового собрались свыше 100 руководителей и сотрудников психологических центров Прикамья. Итогом работы секции стало обращение в законодательные и исполнительные органы всех уровней с предложениями относительно статуса педагога-психолога и психологических центров системы образования, координации деятельности психологических служб России, а также повышения квалификации школьных психологов.

Актуальные проблемы инновационной деятельности психологов образования обсуждались также при проведении трех круглых столов: «*Формирование и развитие креативности как основа профессионального становления педагога нового типа в системе инновационного образования*» (ведущий — проф. А.В. Морозов из Москвы), «*Проблема деятельности психологических служб в контексте прав ребенка*» (ведущие — уполномоченный по правам человека в Пермском крае проф. Т.И. Марголина и уполномоченный по правам

ребенка П.В. Миков) и «*Психолого-педагогические аспекты профессиональной подготовки и переподготовки учителей: Европа и Россия*» (ведущие — проф. К. ван дер Вульф из Утрехта (Нидерланды) и ректор ПГПУ проф. А.К. Колесников из Перми).

Завершили конференцию выступления участников на итоговом пленарном заседании и презентация книги: Психология интегральной индивидуальности: Пермская школа / Сост. Б.А. Вяткин, Л.Я. Дорфман, М.Р. Щукин. М.: Смысл, 2011.

Организаторы конференции создали условия для продуктивной работы ученых и практиков Российской Федерации, дальнего и ближнего зарубежья, участники конференции смогли обсудить психологические инновации в образовании и установить контакты с коллегами. В целом конференция была эффективной и показала необходимость продолжения подобных встреч.

Сборник материалов конференции можно найти в Интернете: <http://pspu.ru/files/0000/1202/merlinsk.pdf>.

Волочков Андрей Александрович — заместитель директора и заведующий кафедрой Института психологии Пермского государственного педагогического университета, доктор психологических наук, профессор
Контакты: volochkov@pspu.ru

SUMMARY OF THE ISSUE

Theoretical and Empirical Research

E.A. Ryl'skaya. On the Issue of Human Psychological Vitality: a Conceptual Model and Empirical Results

The paper presents theoretical and empirical grounds of the concept of psychological vitality. It is shown that scientific understanding of vitality phenomena tends to develop from structural, static, elementary conceptions towards notions of vitality as a specific integral property of human beings, essentially endowed with spiritual potentials. A description of a conceptual model of human psychological vitality is given. Results of empirical verification of the model are presented, including studies of everyday conceptions of a vital person, general structure and components of vitality, and ontological aspects of its expression.

Keywords: vitality, spiritual powers, trans-spective analysis, post-nonclassical psychology, adaptation capacities, self-regulation capacities, self-development capacities, life meaning, synergetics, non-disjunctive system, narrative.

Special Theme of the Issue. Anniversary of Vladimir P. Zinchenko

I.N. Semyonov. Existential-Reflexive Personology of Life Enactment and Professional Activity of V.P. Zinchenko

The paper proposes a cultural-historical periodisation of V.P. Zinchenko's life and activity, presenting an integral outline of his interests and his diverse contributions to contemporary science and culture. The principal aspects of V.P. Zinchenko's creative

approach to science are described in comparison with encyclopaedic approach of the Renaissance era. The paper also presents a view of his original philosophic and psychological system set against the backdrop of the 20–21st-century human sciences, and its more specific aspects, including his developments of the activity theory in general psychology, and his systemic psychological theories describing the interactions between image and action, intelligence and emotion, consciousness and reflexive activity, creativity and intuition. V.P. Zinchenko's scientific works can be characterised as a union of fundamental research and its practical implementation in the fields of systems engineering and management, ergonomics and design, pedagogy and education, literature and culture.

Keywords: human science, psychology, V.P. Zinchenko, life enactment, image, activity, conscience, reflexive activity, intuition, culture.

V.A. Petrovsky. Psychology in the Zinchenko Space–Time (an Essay in Personological Interpretation)

The psychology beginning in V.P. Zinchenko's personality can be defined as a fundamentally understanding and base-laying science of the foundations of individual lives, social life, and existence of civilisation and culture, a science revealing a range of possibilities, temptations, and perspectives to its followers. The necessary conditions for a synthesis between the exploratory and base-laying functions of psychology are analysed, turning it into a science of self-acting consciousness, inseparable from personality of its creator; a science

of acts, instruments and results of individual and universal self-consciousness, demonstrating how consciousness can exist overcoming facticity and revealing new degrees of its freedom before itself and outside itself. The history of psychology for V.P. Zinchenko is a way of objectivation and subjectivation of consciousness using the means of consciousness itself.

Keywords: consciousness, self-consciousness, abundance, understanding and base-laying science, science of self-acting consciousness, objectivation and subjectivation, vital movement, inter-sign transitions.

Work in Progress

A.Ya. Koifman. Solution of the Categorisation Task under Different Categorial Priming Conditions

The paper considers the possibility of discerning between two components of categorial priming based on the type of relationship of the prime to the object of categorisation. The first, situational, component is associated with the answer categories presented (when the prime and the categorisation object require the same answer); the second, semantic, component is associated with stable categorial structures in semantic memory (prime is a name of the category the object naturally belongs to). An empirical study utilised a task to categorise objects into «clothes» and «buildings» (object categories) based on «part-whole» (answer categories). The results indicated a negative categorial answer priming with no evidence of object priming. The effect magnitude was different for different object categories. The results are interpreted as evidence in favour of discerning between two

components of non-conscious categorial priming.

Keywords: non-conscious categorial priming, semantic priming, categorial priming components, categorisation task.

N.E. Lysenko, D.M. Davydov. The Role of Psychoticism in Aggressive-Theme Text Evaluation

A study of aggressive-theme text evaluation in people with different levels of psychoticism was performed. Based on their scores on H. Eysenck psychoticism scales, the respondents were classified into low-psychoticism (low levels of asocial tendencies) and high-psychoticism (high levels of asocial tendencies) groups. The respondents evaluated texts that described violence scenes using emotive and activation content scaling method. Differences between the two respondent groups were found on scales measuring fear and disgust, with respondents in the high-psychoticism group giving lower scores. Additional analyses indicated that inter-group differences in fear and disgust could not be explained by other personality traits (such as dispositional anxiety and neuroticism). The results are interpreted as evidence of lower empathy capabilities in people with high levels of psychoticism.

Keywords: psychoticism, text, content evaluation, emotions, fear.

E.S. Osokina, B.V. Chernyshev, E.G. Chernysheva. Association of Selective Auditory Attention with Individual Differences

A study of association between individual differences and selective auditory attention task performance is presented. The paper emphasises the prob-

lem of attention dependency upon temperamental characteristics, treated in the context of theories by H. Eysenck, V.M. Rusalov, and J. Strelau. The study results are interpreted in the resource approach framework, indicating an influence of individual differences upon attention resource allocation strategy, mediated by activation. Automation of task performance was observed, associated by shift in the leading level of attention.

Keywords: selective auditory attention, resource approach, leading attention level, individual differences, temperament

S.A. Shchebetenko, P.I. Semyonova. Diurnal Locus as a Predictor of Daytime Optimum and Decline in Medical Staff Performance

The paper shows the possibility of predicting performance decline and rise in medical staff during their work shift hours. Theoretical basis of the study is briefly presented. The research was done on 189 medical staff members in Perm. A self-report Diurnal Locus Scale was developed, exhibiting acceptable internal consistency, as well as discri-

minant and predictive validity. Diurnal locus mediated the effect of internality at work upon diurnal decline in medical staff performance. Limitations of the present study and research perspectives are discussed.

Keywords: circadian rhythms, diurnal locus, morning-evening preference, professional performance, psychometrics.

Reviews

E.I. Komkova. Contemporary Studies of Cognitive and Personality Development at Different Stages of Ontogenesis

The paper presents an analysis of existing studies of cognitive and personality development in children. The results of the studies of association between cognitive abilities and personality, as well as the existing data on changes in child personality influenced by different educational programmes, are summarised and reviewed.

Keywords: intellectual and personality development, intelligence, heterochrony, social psychological adaptation.

**ХIII апрельская международная научная конференция
«Модернизация экономики и общества»**

3–5 апреля 2012 г. в Москве состоится XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, проводимая Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда. Председателем Оргкомитета конференции является научный руководитель НИУ ВШЭ профессор Е.Г. Ясин.

На пленарных заседаниях конференции планируются выступления руководителей Правительства Российской Федерации, Администрации Президента Российской Федерации, представителей Всемирного банка, Международного валютного фонда, Организации экономического сотрудничества и развития, руководителей крупнейших российских и иностранных компаний.

Специальные темы конференции: «Стратегия социально-экономического развития России до 2020 года (Стратегия-2020)» и «Экономика, право и доверие». Специальным темам конференции будут посвящены пленарные заседания, а также отдельные почетные доклады, секции и круглые столы.

После пленарных заседаний и в течение последующих дней будут проводиться сессии с представлением научных докладов и экспертные круглые столы по актуальным проблемам развития экономики. Секционные заседания и заседания круглых столов в рамках конференции будут проходить по следующим направлениям:

Макроэкономика и экономический рост	Региональное развитие
Качество государственного управления	Города и агломерации
Фирмы и рынки	Теоретическая экономика
Наука и инновации	Экономическая история
Банки и финансы	Социально-культурные процессы
Экономика и право	Социальная политика
Мировая экономика и политика	Социология
Местное самоуправление и гражданская самоорганизация	Социально-экономические проблемы здравоохранения
Политические процессы	Менеджмент
Демография и рынки труда	Развитие образования

Авторы заявок на участие с докладами могут не ограничиваться этими тематическими направлениями, но при отборе заявок Программный комитет будет отдавать приоритет тем заявкам, которые имеют отношение к указанным выше темам.

Доклад, заявляемый на конференцию, должен содержать результаты оригинального научного исследования, выполненного с использованием современной исследовательской методологии. Продолжительность презентации доклада на сессии – 15–20 минут. Выступления в рамках экспертных круглых столов, как правило, ограничиваются 5–7 минутами. С учетом поступивших заявок на выступления будут сформированы программы секций и круглых столов.

Рабочими языками конференции являются русский и английский. Пленарное и большинство секционных заседаний будут сопровождаться синхронным переводом.

Заявки на выступление в качестве индивидуальных докладчиков на сессиях следует направлять в Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» **с 12 сентября 2011 г. до 14 ноября 2011 г.** Регистрация заявок в режиме on-line проводится по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

В заявке должны быть указаны фамилия, имя, отчество докладчика, место работы и должность, контактный адрес, телефон, факс и электронная почта, название предлагаемого доклада. К заявке должна быть приложена развернутая аннотация предполагаемого выступления в формате Word или RTF объемом от 1 до 3 машинописных страниц через 1.5 интервала (до 7000 знаков). В аннотации должны быть раскрыта тема, показана степень разработанности проблемы, даны характеристики исследования (теоретическая или эмпирическая работа, на какой информационной базе), а также должны быть изложены основные полученные результаты. Заявки с аннотациями, не отражающими основных положений выступления, а также объемом менее 1 стр., не рассматриваются.

Авторы доклада могут сообщить о своем желании участвовать в симпозиумах по специальным темам конференции. Группа авторов индивидуальных заявок, зарегистрированных в режиме on-line, **до 14 ноября 2011 г.** может сообщить в Программный комитет конференции о своем желании представить свои доклады в рамках одной сессии. Соответствующее письмо должно быть направлено на адрес interconf@hse.ru и должно содержать информацию о названии сессии, авторах и темах докладов (не более 3–4, уже зарегистрированных в качестве индивидуальных заявок), а также фамилию, имя, отчество и контактные данные (телефон и адрес электронной почты) предполагаемого руководителя сессии. Продолжительность сессии 1.5 часа. Предложения по формированию сессий могут быть учтены Программным комитетом на этапе экспертизы заявок и формирования программы конференции.

Решение Программного комитета о включении докладов в программу конференции будет принято **до 20 января 2012 г.** на основании экспертизы с привлечением независимых экспертов.

Авторы докладов, включенных в программу конференции, должны **до 1 марта 2012 г.** представить полный текст доклада (объемом до 20 тыс. знаков, включая пробелы, в формате Word, RTF или PDF) для размещения на сайте конференции. Окончательные версии докладов должны быть представлены **до 16 мая 2012 г.** Решение об их публикации в сборнике материалов конференции принимается редколлегией сборника с учетом результатов рецензирования. Доклады, которые не были представлены на конференции, не рассматриваются для публикации.

Доклады, включенные в Программу конференции, после дополнительного рецензирования и рассмотрения редакциями могут быть приняты к публикации в журналах «Вопросы экономики», «Российский журнал менеджмента», «Экономический журнал ВШЭ», «Журнал Новой экономической ассоциации», «Мир России», «Вопросы образования», «Вопросы государственного и муниципального управления», «Экономическая социология», «Экономическая политика», которые входят в список ВАК и представители которых приглашены к участию в Программном комитете конференции.

Участникам из стран СНГ и Восточной Европы, приглашенным выступить с докладами, может быть предоставлен грант Представительством Всемирного банка в

Москве с целью компенсации расходов на участие в конференции. Заявки на получение гранта должны быть направлены **до 1 марта 2012 г.** по адресу interconf@hse.ru.

Заявки на участие в конференции без доклада принимаются в режиме on-line **с 15 ноября 2011 г. до 9 марта 2012 г.** по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

Организационный взнос за участие в конференции составляет:

	Для российских участников	Для иностранных участников		Для российских и зарубежных студентов и аспирантов
		Развитые страны	Развивающиеся страны, СНГ и ЦВЕ	
до 1 марта 2012 г.	1000 руб.	100 долл. США	70 долл. США	200 руб.
до 2 апреля 2012 г.	1500 руб.	150 долл. США		300 руб.
с 3 апреля 2012 г.	2000 руб.	170 долл. США		500 руб.

Банковские реквизиты счетов, на которые должен быть переведен организационный взнос, **с 12 сентября 2011 г.** будут доступны по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

От уплаты организационного взноса освобождаются почетные гости конференции, работники федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, а также лица, специально приглашенные Оргкомитетом конференции.

С программами и материалами I–XII международных научных конференций (2000–2011 гг.) можно ознакомиться на сайте: <http://conf.hse.ru/2010/history>.

Оргкомитет конференции